Министерство просвещения Российской Федерации
Федеральное государственное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский педагогический государственный университет»
Покровский филиал

Международная Академия психологических наук

Мозырский государственный педагогический университет
имени И.П. Шамякина (Беларусь)

Южно-Казахстанский педагогический университет
имени У. Жанибекова (Казахстан)

ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ: психологические и лингвистические аспекты

Материалы XXVI Международной научной конференции,
посвящённой Году единства народов России
и 90-летию со дня рождения проф. Ю. А. Сорокина

г. Покров, 16–17 сентября 2026 г.

Под общей редакцией профессора А. В. Пузырёва

Электронное издание сетевого распространения

МПГУ
Москва • 2026

УДК 81’2 DOI: 10.31862/9785426317338
ББК 81.003я431
Я411

Редколлегия:

А. В. Пузырёв – доктор филологических наук, кандидат психологических наук, профессор (*отв. редактор*) (г. Покров);
Л. В. Бойченко – кандидат филологических наук, доцент (г. Покров);
В. В. Козлов – доктор психологических наук, профессор (Ярославль)
С. А. Прямухина – кандидат филологических наук, доцент (г. Покров);
Н. В. **Дмитрюк** – доктор филологических наук, профессор (г. Шымкент, Казахстан);
С. Б. Кураш – доктор филологических наук, доцент (г. Мозырь, Беларусь)

Рецензенты:

А. Г. Вишняков – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры романо-германской филологии ГОУ ВО МО ГГТУ (Орехово-Зуево)

Е. Н. Трухманова – кандидат психологических наук, доцент доцент кафедры гуманитарных и психолого-педагогических дисциплин Покровского филиала МПГУ (Покров)

Печатается по решению оргкомитета XXVI Международной научной конференции «Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты»

Я411 **Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты :** материалы XXVI Международной научной конференции, посвящённой Году единства народов России и 90-летию со дня рождения проф. Ю. А. Сорокина, г. Покров, 16–17 сентября 2026 г. / под общ. ред. проф. А. В. Пузырева. [Электронное издание сетевого распространения]. – Москва : МПГУ, 2026. – 263 с. : ил.

ISBN 978-5-4263-1733-8

В сборнике материалов конференции представлены результаты обсуждения вечной проблемы психологии и лингвистики – «Язык и мышление». Рассмотрены генетические и логико-структурные, функциональные, педагогические, фоносемантические и эстетические аспекты проблемы *язык и мышление.*

Предназначено лингвистам, психологам, студентам, специалистам смежных областей знания

УДК 81’2
ББК 81.003я431

ISBN 978-5-4263-1733-8
DOI: 10.31862/9785426317338

© МПГУ, 2026
© Коллектив авторов, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ.....3

ВЕЧНАЯ ТЕМА ПСИХОЛОГИИ И ЛИНГВИСТИКИ –
«ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ»: СТАТЬЯ ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ.....7

К Году единства народов России и 90-летию со дня рождения проф. Ю.А. Сорокина.....12

Канд. филол. наук Л.И. Батурина (Москва)
НАСЛЕДИЕ ЮРИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА СОРОКИНА 12
Доктор филол. наук Н.В. Дмитрюк (Шымкент, Казахстан)
ОБРАЗ И ОБРАЗНОСТЬ В НАУКЕ И В ПОЭЗИИ: РАЗНЫЕ ПУТИ ПОЗНАНИЯ МИРА.....14
Доктор филол. наук, канд. психол. наук А.В. Пузырев (Покров)
К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Ю.А. СОРОКИНА:
ЛИЧНОСТЬ УЧЁНОГО В ЗЕРКАЛЕ НАУЧНОГО ДИАЛОГА 20

Генетические и логико-структурные аспекты проблемы *язык и мышление*.....29

Доктор пед. наук П.А. Гагаев (Пенза)
О ЛИЧНОСТНО-СУБЪЕКТНОЙ ОСНОВЕ
ПОЗНАЮЩЕЙ МЫСЛИ.....29
Доктор психол. наук В.В. Козлов (Ярославль)
ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ
И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ 34
Канд. психол. наук А.Ф. Корниенко (Казань)
СУЩНОСТЬ ПСИХИКИ КАК ФОРМЫ ОРГАНИЗАЦИИ
НЕЙРОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ,
ПРОТЕКАЮЩИХ В ГОЛОВНОМ МОЗГЕ 44
Доктор филол. наук Е.Ю. Мягкова (Тверь)
К ВОПРОСУ О ГРАММАТИКЕ ГОВОРЯЩЕГО 52
Канд. филол. наук Е.С. Никитина (Москва)
ПОНИМАНИЕ КАК ДИАЛОГ СМЫСЛОВ ИЛИ ПОЗИЦИИ
ТРЕТЬЕГО В ПОНИМАНИИ 59

Канд. филос. наук А.А. Осьмушина (Саранск)
ПОНЯТИЯ *ПРОГРЕСС*, *РАЗВИТИЕ* И *РОСТ* В РУССКОЙ, ЗАПАДНОЙ, КИТАЙСКОЙ И ЯПОНСКОЙ ЛИНГВОФИЛОСОФСКИХ ТРАДИЦИЯХ 70
Канд. филол. наук С.А. Прямухина (Покров)
КАЛЬКИРОВАНИЕ КАК КОГНИТИВНО-ЯЗЫКОВОЙ ФЕНОМЕН (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКО-РУССКИХ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ XVIII–XIX ВВ.) 78
Аспирант Г.М. Рафикова (Уфа)
ДИАЛОГ КАК ТИП ТЕКСТА 86

Функциональные аспекты проблемы *язык и мышление* 90

Канд. психол. наук Т.В. Зеленкова, студ. С.Д. Кабанкова (Орехово-Зуево)
СМЫСЛЫ И ЗНАЧЕНИЯ ДУМСКРОЛЛИНГА: ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ВЫБОР НЕГАТИВНОГО КОНТЕНТА У АКЦЕНТУИРОВАННЫХ СТУДЕНТОВ 90
Канд. психол. наук Е.Е. Копченова (Орехово-Зуево)
ИНОЯЗЫЧНАЯ ЛЕКСИКА В НАУЧНОЙ И ПОПУЛЯРНОЙ ПСИХОЛОГИИ 96
Доктор пед. наук Л.П. Мухаммад (Москва), доктор филол. наук В.В. Шмелькова (Пенза)
ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННЫХ МЕДИАТЕКСТОВ О ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И КАРЬЕРЕ ЖЕНЩИНЫ 103
Канд. филол. наук С.Р. Нафикова (Уфа)
СПЕЦИФИКА РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА В РУССКОМ И БАШКИРСКОМ ЯЗЫКАХ 109
М.М. Прищепа (Витебск, Беларусь)
ЭМОЦИОНАЛЬНО-ХАРАКТЕРОЛОГИЧЕСКИЙ КОД КУЛЬТУРЫ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТИ: КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ И ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ 115
Доктор филол. наук, канд. психол. наук А.В. Пузырёв (Покров)
ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА В РУССКИХ АНЕКДОТАХ (ОПЫТ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА) 125

Канд. филол. наук В.Л. Соколова (Москва)
СТРУКТУРА И ТИПОЛОГИЯ ИЗМЕНЕНИЙ КАТЕГОРИИ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ В КОНЦЕ XX-НАЧАЛЕ XXI ВЕКОВ 149
Магистрант С.А. Тихонова (Москва)
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЛИЧНОСТНЫЕ ФАКТОРЫ КРЕАТИВНОСТИ У СТУДЕНТОВ ГУМАНИТАРНЫХ И ТЕХНИЧЕСКИХ ПРОФИЛЕЙ ПОДГОТОВКИ 156
Доктор филол. наук В.В. Шмелькова (Пенза),
аспирант Юе Юйтай (Пенза / Китай)
ЛЕКСИКА ГОСТЕПРИИМСТВА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ 165

Педагогические аспекты исследования *языка и мышления* 169
PhD Ф.И.Артыкбаева, магистр Г.И.Турсынова
(Шымкент, Казахстан)
ИНТЕГРАЦИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПЕРСОНАЛИЗИРОВАННОЕ ИГРОВОЕ ОБУЧЕНИЕ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ СТАНОВЛЕНИЯ УЧЕБНОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ ОСВОЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ 169
Канд. экон. наук Е.В. Бобрышева (Черняховск)
РАЗВИТИЕ РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГЛУХИХ ДОШКОЛЬНИКОВ И ДЕТЕЙ С КОХЛЕАРНОЙ ИМПЛАНТАЦИЕЙ СРЕДСТВАМИ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ АССИСТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В КОНТЕКСТЕ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ 182
Доктор филол. наук Г.Г. Хисамова (Уфа)
«ДИАЛОГ КУЛЬТУР» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ: ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ 192

Фоносемантические аспекты исследования *языка и мышления* 198
Магистрант З. Альвредат, канд. филол. наук Е.И. Беседина
(С.-Петербург)
АРАБСКИЕ ПОНЯТИЯ ОКРУГЛОГО И ОСТРОГО В ВОСПРИЯТИИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА 198

Магистр К.А. Шабанова, канд. филол. наук И.В. Кузьмич (С.-Петербург)
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА: ЭКСПРЕССИЯ И ОЦЕНКА 206

Исследование языка и мышления поэта и писателя в художественной речи 213
Канд. филол. наук П.Е. Ахраменко (Мозырь, Беларусь)
СИНТАКСИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ КАК СПОСОБ ПЕРЕДАЧИ СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА А.П.ЧЕХОВА «КНЯГИНЯ») 213
Доктор филол. наук, канд. психол. наук В.П. Белянин (Независимый исследователь)
СВЯЗНОСТЬ И ЦЕЛОСТНОСТЬ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ: ОТ ЯЗЫКА К ПСИХОЛОГИИ И ОБРАТНО 220
Доктор филол. наук Л.В. Порохницкая, Ф.В. Варфоломеев (Москва)
КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТОНИМИЯ КАК ОСНОВА РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТКОРРЕКТНЫХ СТРАТЕГИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ 230
Канд. филол. наук М.Г. Луннова, студ. А.А. Зацепина (Пенза)
МЕТАФОРА В ТВОРЧЕСТВЕ ПЕНЗЕНСКИХ ПОЭТОВ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ 238
Канд. филол. наук О.Г. Мукина (Ульяновск)
СИНЕСТЕЗИЯ КАК ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПРИЁМ В ПОЭЗИИ 1960–70-Х ГОДОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА Б. АХМАДУЛИНОЙ, Н. МАТВЕЕВОЙ И М. ИСАКОВСКОГО) 242
Канд. филол. наук В. Шетэля (Москва)
СЛУХОВЫЕ ОЩУЩЕНИЯ В ТЕКСТЕ РОМАНА Г. СЕНКЕВИЧА «ОГНЕМ И МЕЧОМ» В ИХ ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК 252
Доктор филол. наук Г.Г. Хисамова, канд. филол. наук И.Г. Кульсарина (Уфа)
«ДИАЛОГ КУЛЬТУР» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ: ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ 248

Сведения об авторах 258

ВЕЧНАЯ ТЕМА ПСИХОЛОГИИ И ЛИНГВИСТИКИ – «ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ»: СТАТЬЯ ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

XXVI Международная научная конференция «Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты» посвящена Году единства народов России и 90-летию со дня рождения проф. Ю.А.Сорокина.

Это общее место, что соотношение языка и мышления – одна из фундаментальных тем для психологии и лингвистики. Ещё В. фон Гумбольдт рассматривал язык как деятельность духа, «орган, образующий мысль», и подчёркивал неразрывное единство языка и мышления: язык не просто выражает мысли, но и формирует их, определяя способ познания мира. Его знаменитый тезис – «Язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык» – утверждает, что мышление в известной степени обусловлено конкретным языком, который выступает не пассивным инструментом, а активной силой, формирующей мировосприятие и интеллектуальные способности.

Хотя Гумбольдту принадлежит первенство в обозначении этой связи как фундаментальной философской проблемы в новоевропейской традиции, её истоки прослеживаются уже у античных мыслителей (Платон, Аристотель), а на Востоке – у аль-Фараби (870–950), видевшего в языке орудие мышления и хранитель культурного опыта.

Идеи Гумбольдта легли в основу последующих теорий – от гипотезы лингвистической относительности Сепира-Уорфа до современных концепций языковой картины мира. Они постоянно развиваются в материалах ежегодной международной конференции «Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты», которая в настоящее время проводится в России уже двадцать шестой раз.

В материалах конференции задействованы специалисты-смежники – философы, психологи, лингвисты, педагоги и др.

Объединение усилий учёных-смежников под одной обложкой вызвано несколькими причинами. Самой важной из них является стремление ответить запросу времени преодолеть концептуальную разобщенность ученых различных научных специальностей, их практическое игнорирование друг друга. Думается, что материалы настоящей конференции являются продолжением попыток синтеза различных подходов по отношению к одной и той же проблеме – проблеме взаимосвязей между мышлением человека и его языком (пусть даже продолжением весьма неполным и несовершенным).

При формировании сборника материалов конференции, при распределении поступивших докладов и сообщений по секциям редколлегия по-прежнему исходила из первого правила Рене Декарта «для руководства ума»: «Все науки настолько связаны между собою, что легче изучать их все сразу, нежели какую-либо одну из них в отдельности от всех прочих» [Декарт, 1936, с. 49]. Именно поэтому материалы конференции группировались не по принципу рода занятий участников конференции, но по принципу восхождения от абстрактного к конкретному.

Методологической базой для распределения докладов конференции по конкретным аспектам является методология, предложенная в середине 80-х годов 20-го столетия философом (доктором философских наук, профессором) А.А. Гагаевым. А сама идея конференции – «Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты» – была подсказана организатору настоящей конференции на рубеже XX–XXI веков Юрием Александровичем Сорокиным, 90-летие со дня рождения которого мы здесь отмечаем.

Публикация материалов конференции начинается с раздела, посвящённого юбилею Ю.А. Сорокина. Это воспоминания в форме эссе кандидата филол. наук Л.И. Батуриной (*Москва*), доктора филол. наук, профессора Н.В. Дмитрюк (*Шымкент, Казахстан*), автора настоящих строк – доктора филол. наук, канд. психол. наук А.В. Пузырева (*Покров*).

Вторая группа статей посвящена генетическим и логико-структурным аспектам проблемы *язык и мышление.* Здесь обсуждаются: личностно-субъектная основа познающей мысли *(доктор пед. наук П.А. Гагаев; Пенза)*, язык и мышление в аспекте психологических и лингвистических аспектов взаимодействия (*доктор психол. наук В.В. Козлов; Ярославль*); сущность психики как формы организации нейрофизиологических процессов, протекающих в головном мозге (*канд. психол. наук А.Ф. Корниенко; Казань*), грамматика говорящего (*доктор филол. наук, профессор Е.Ю. Мягкова; Тверь*), понимание как диалог смыслов или позиции третьего в понимании (*канд. филол. наук Е.С.Никитина; Москва*), понятия *прогресс*, *развитие* и *рост* в русской, западной, китайской и японской лингвофилософских традициях (*канд. филос. наук А.А. Осьмушина; Саранск*), калькирование как когнитивно-языковой феномен – на материале немецко-русских языковых контактов XVIII–XIX вв. (*канд. филол. наук С.А. Прямухина; Покров*), диалог как тип текста (*аспирант Г.М. Рафикова; Уфа*).

В третьей группе статей – «Функциональные аспекты проблемы *язык и мышление*» – рассматриваются: смыслы и значения думскроллинга ы плане психолингвистического взгляда на выбор негативного контента у акцентуированных студентов (*канд. психол. наук Т.В. Зеленкова, студентка С.Д. Кабанкова; Орехово-Зуево*), иноязычная лексика в научной и популярной психологии (*канд. психол. наук Е.Е. Копченова; Орехово-Зуево*), особенности современных медиатекстов о профессиональной деятельности и карьере женщины (*доктор пед. наук Л.П. Мухаммад; Москва; доктор филол. наук В.В. Шмелькова; Пенза*), специфика речевого этикета в русском и башкирском языках (*канд. филол. наук С.Р. Нафикова; Уфа*), эмоционально-характерологический код культуры в городской среде Витебской области – его количественный анализ и территориальная дифференциация (*преподаватель М.М. Прищепа; Витебск, Беларусь*), жизнь человека в русских анекдотах – с точки зрения системного подхода к этому речевому жанру (*доктор филол. наук, кандидат психол. наук А.В. Пузырев; Покров*), структура и типология изменений категории межличностных отношений в английском языке в конце XX – XXI веков (*канд. филол. наук В.Л. Соколова; Москва*), психологические личностные факторы креативности у студентов гуманитарных и технических профилей подготовки (*магистрант С.А. Тихонова; Москва*), лексика гостеприимства в современном русском языке (*доктор филол. наук В.В. Шмелькова, Пенза; аспирант Юе Юйтай – Пенза / Китай*).

В четвёртой группе статей – «Педагогические аспекты исследования *языка и мышления*» – рассматриваются: интеграция искусственного интеллекта в персонализированное игровое обучение: в плане психологических механизмов становления учебной самостоятельности при освоении иностранных языков (*PhD Ф.И.Артыкбаева, магистр Г.И.Турсынова; Шымкент, Казахстан*), развитие речемыслительной деятельности глухих дошкольников и детей с кохлеарной имплантацией средствами отечественных ассистивных технологий в контексте инклюзивного образования (*канд. экон. наук Е.В. Бобрышева; Черняховск*), лингводидактический аспект «диалога культур» в художественном тексте (*доктор филол. наук Г.Г. Хисамова; Уфа*).

На пятой, традиционно выделяемой на нашей конференции секции – «Фоносемантические аспекты исследования языка и мышления» – обсуждаются: арабские понятия *округлого* и *острого* в восприятии носителей русского языка (*магистрант З. Альвредат и канд. филол. наук Е.И. Беседина; Санкт-Петербург*), а также экспрессия и оценка в

исторической публицистике (*магистр К.А. Шабанова, канд. филол. наук И.В. Кузьмич; Санкт-Петербург*).

Как обычно, в отдельную группу сообщений выделены материалы, посвящённые исследованию языка и мышления поэта и писателя в художественной речи. В центре внимания исследователей находятся: синтаксические единицы как способ передачи состояния человека – на материале рассказа А.П.Чехова «Княгиня» (*кандидат филол. наук П.Е. Ахраменко; Мозырь, Беларусь*), лингвопсихологические аспекты связности и целостности в художественном тексте (*докт. филол. наук, канд. психол. наук В.П. Белянин; независимый исследователь*), концептуальная метонимия как основа реализации политкорректных стратегий в художественном дискурсе (*доктор филол. наук Л.В. Порохницкая, преподаватель Ф.В. Варфоломеев; Москва*), гендерный аспект метафоры в творчестве пензенских поэтов (*канд. филол. наук М.Г. Луннова, студ. А.А. Зацепина; Пенза*), синестезия как художественный приём в поэзии 1960–70-х годов (*канд. филол. наук О.Г. Мукина; Ульяновск*), слуховые ощущения в тексте романа Г. Сенкевича «Огнем и мечом» в их переводе на русский язык (*канд. филол. наук В. Шетэля; Москва*), лингводидактический аспект «диалога культур» в художественном тексте (*доктор филол. наук Г.Г. Хисамова, канд. филол. наук И.Г. Кульсарина; Уфа*).

Завершается сборник материалов XXVI Международной научной конференции, посвящённой Году единства народов России и 90-летию со дня рождения проф. Ю.А. Сорокина (Покров, 16–17 сентября 2026 г.), краткими сведениями об авторах-докладчиках.

Как это уже традиционно в истории проведения конференций «Язык и мышление: психологический и лингвистический аспекты», материалы конференции публикуются к началу её проведения.

Редколлегия считает своим долгом оговориться, что при подготовке к опубликованию доклады и сообщения подвергались минимальной правке, они публикуются в авторской редакции, и ответственность за уровень преподнесения, как это и принято в научном мире, полностью ложится на плечи авторов.

А.В. Пузырёв

К ГОДУ ЕДИНСТВА НАРОДОВ РОССИИ И 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПРОФ. Ю.А. СОРОКИНА

Канд. филол. наук Л.И. Батурина (Москва)
Baturina_l@yahoo.com

НАСЛЕДИЕ ЮРИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА СОРОКИНА

Мне посчастливилось учиться у Юрия Александровича Сорокина. Встреча с ним была поворотным моментом в моей жизни. Трудно подобрать слова, чтобы выразить то чувство бесконечной благодарности, которое охватывает меня при воспоминании тех лет. Для меня, как и для многих его аспирантов, имя Юрия Александровича стало не просто строчкой в биографии, а настоящим научным камертоном, по которому мы настраиваем своё мышление, свои исследования и свою жизнь.

Для меня он был не просто великим ученым, доктором филологических наук, профессором и столпом отечественной психолингвистики. Для меня он был Научником с большой буквы. Тем самым человеком, который открыл мне дверь в большую науку, принял в аспирантуру и под чьим мудрым, чутким руководством я защищала свою кандидатскую диссертацию.

Моя тема – «Восприятие рекламы в России» в русле социопсихолингвистики. Сегодня это звучит как вполне обыденное, устоявшееся и востребованное направление. Но вспомните, в какое время мы начинали! Реклама только ворвалась в нашу повседневность, и многие в консервативной академической среде смотрели на нее свысока, считая «низким жанром», коммерческим шумом, недостойным внимания филолога. Но только не Юрий Александрович.

Я пришла к нему в 1996 году с курсовой работой по рекомендации из Московского лингвистического университета. В голове было огромное количество хаотичных идей, как у любого начинающего исследователя, который еще не знает, куда, но уже уверен, что может все. Юрий Александрович курил, слушал и улыбался. С каждой фразой я теряла веру в свои «гениальные» мысли, и вдруг, из перечисленного вороха идей он выхватил одну и сказал: «А давайте! Это интересно!» Его глаза, как всегда, загорелись тем самым неповторимым огнем. Он увидел в рекламном тексте не просто продающую формулу, а сложнейший

социопсихологический феномен, срез национального сознания, уникальную лабораторию языковой манипуляции и креатива. Он сказал тогда: «Язык – это не застывший музейный экспонат, это живая ткань, которой общество окутывает реальность. И реклама – это та игла, которой эта ткань сшивается здесь и сейчас».

Юрий Александрович был удивительно, невероятно увлечённым ученым. Работать с ним было огромным счастьем и одновременно постоянным интеллектуальным вызовом. Он не терпел застоя, жонглирования именами, не любил ходить по проторенным, безопасным дорожкам. Его научный аппетит был безграничен. Ему нравились новые, дерзкие темы, он всегда был на острие. Казалось, что время не властно над его интеллектом. Он был молод душой, и эта молодость, эта жажда познания передавалась всем нам, его аспирантам и студентам. На его семинарах царила особая атмосфера: атмосфера поиска, где не было догм, где каждое слово взвешивалось, а каждая гипотеза проверялась на прочность.

Юрий Александрович учил нас смотреть глубже. Благодаря ему я поняла, что социопсихолингвистика – это не просто сухая фиксация статистики речевых актов. Это наука о человеке в тексте и о тексте в человеке. Он учил меня видеть за рекламным слоганом скрытые механизмы восприятия, культурные коды и психологические триггеры. Его правки моих черновиков были не просто корректурой – это были настоящие мастер-классы по стилистике, логике и научному изяществу. Он мог одним вопросом перевернуть мое представление о материале и заставить переписать главу, но после этих переписываний текст становился кристально ясным. Стоит ли говорить о том, что я переписывала введение шесть раз! Сейчас, разговаривая с аспирантами, я говорю им, что так и должно быть! Так рождается текст и выковывается стиль.

Юрий Александрович обладал редким даром – он умел заражать. Когда он говорил о перспективах исследования, о новых междисциплинарных связях лингвистики, психологии и социологии, казалось, что воздух в кабинете наэлектризован. Он верил в каждого своего ученика, даже когда мы сами в себе сомневались. Его поддержка чувствовалась во всем: в одобрительном кивке, в точно подобранной литературе, которую он приносил на встречу, в его фирменной ироничной улыбке, когда мы, молодые и амбициозные, пытались объять необъятное.

Юрий Александрович умел поставить четкие сроки и высоко ценить их выполнение. Он ни разу не остановил меня словами «это невозможно».

Моя защита в последних числах декабря уходившего двадцатого века – наш совместный рекорд.

Конференция памяти Юрия Александровича Сорокина – это своеобразное продолжение его трудов, его идей, его колоссального наследия. Они живут в каждом исследовании, в каждой прочитанной лекции, в каждом студенте, которого мы, его ученики, стараемся заразить любовью к слову и науке. В эпоху цифровых коммуникаций, когда языковое воздействие стало тотальным, его идеи о природе текста и механизмах его восприятия становятся не просто актуальными — они становятся жизненно необходимыми.

Спасибо Вам, дорогой Юрий Александрович. Спасибо за Ваш огонь, за Ваш острый ум, за Ваше бесконечное терпение и веру в нас. Ваш свет будет вести нас еще очень долго. Память о Вас навсегда останется в сердцах тех, кому посчастливилось учиться у настоящего Мастера.

Доктор филол. наук Н.В. Дмитрюк (Шымкент, Казахстан)
nvdmitr@yandex.ru

ОБРАЗ И ОБРАЗНОСТЬ В НАУКЕ И В ПОЭЗИИ: РАЗНЫЕ ПУТИ ПОЗНАНИЯ МИРА

Аннотация. Статья написана в форме ностальгического эссе и представляет собой попытку рефлексивного восприятия творчества двух великих юбиляров текущего 2026 года – российского ученого-психолингвиста Юрия Сорокина и знаменитого поэта Олжаса Сулейменова, которые «метафорой познавали мир», сублимируя способы его постижения и поиска путей познания мира.

Ключевые слова: Ю.А. Сорокин, О.О. Сулейменов, психолингвистика, поэзия, духовность, вдохновение.

Doctor of Philology N.V. Dmitryuk (Shymkent, Kazakhstan)
nvdmitr@yandex.ru

IMAGE AND FIGURATIVE LANGUAGE IN SCIENCE AND POETRY: DIFFERENT PATHS TO KNOWING THE WORLD

Abstract. The article is written in the form of a nostalgic essay and represents an attempt to reflectively engage with the work of two great figures celebrating their anniversaries in 2026 – the Russian psycholinguist Yuri

Sorokin and the famous poet Olzhas Suleimenov, who “understood the world through metaphor,” sublimating the ways of comprehending it and seeking paths to understanding the world.

Keywords: Yu. A. Sorokin, O. O. Suleimenov, psycholinguistics, poetry, spirituality, inspiration.

Наука и искусство – два пути к одной цели: к познанию истины;
только один идёт от фактов к обобщению,
другой – от идеи к воплощению.
В.Я. Брюсов

Долгое время считалось аксиомой, что научное мышление и поэтическое восприятие находятся в непримиримом антагонизме. Этот тезис, растиражированный в эпоху знаменитого спора «физиков и лириков» эпохи ‘оттепели’, казался незыблемым: учёный – сухой систематизатор, поэт – стихийный пророк. Однако подобная дихотомия – не более чем «интеллектуальная леность, попытка упростить живую, дышащую ткань человеческого таланта» [Брюсов, 1899, с. 8].

На деле любое крупное открытие начинается с образа. Галилей, глядя на качающуюся люстру, увидел в ней маятник; Ньютон увидел в падающем яблоке закон всемирного тяготения; Эйнштейн увидел себя верхом на луче света. Это – чистая поэзия, момент, когда метафора предшествует формуле. И потому те, кто отдали жизнь науке, зачастую обладают более острым, чем у обычных людей, чутьём на прекрасное: они распознают гармонию там, где обыватель видит лишь ряды цифр. В высказывании В. Брюсова, вынесенном нами в качестве эпиграфа, автор выстраивает параллель: у науки и искусства общая цель, но разные маршруты и способы постижения истины.

В этом контексте, как представляется, уместно высветить фигуры двух юбиляров текущего 2026 года: знаменитого поэта Олжаса Сулейменова и выдающегося ученого-психолингвиста Юрия Сорокина (ровесников – оба 1936 года рождения, у обоих 90-летний юбилей в этом году) – они становятся символическими: это два разных полюса единого магнетического поля творчества – поэт-исследователь и учёный-поэт.

Что меня поражает в обоих – это их бескомпромиссная одержимость (та самая одержимость, которую обыватель путает с отрешенностью, сродни определению «не от мира сего»). Они не служили науке и не служили поэзии – они жили на их стыке, как на перекрестке двух ветров.

Эта перекрёстная вдохновляющая сила опылила не одно поколение – и моё в том числе.

Иногда я думаю: может, главная миссия таких людей – не в конкретных открытиях, а в том, чтобы доказать нам: разделение на «физиков» и «лириков» – это всего лишь школьная стенгазета. Реальность сложнее и прекраснее. И если метафора, по словам О. Сулейменова [Сулейменов, 2023, с. 16], способна «исправлять мир», то эти двое – Олжас и Юрий – уже исправили его, просто тем, что оказались так незаменимы в своем времени и среди нас.

Олжас Сулейменов (да продли Всевышний годы его светлой жизни!) стал первым потрясением моего юного студенческого воображения в далеком 1975 году своей уникальнейшей *Книгой благонамеренного читателя «Аз и Я»* [Сулейменов, 1975] – научного бестселлера, поистине революционного творения, перевернувшего мое (и не только мое) представление о стиле и форме научных сочинений, глубине и тщательности поиска и убедительности доказательств. Эта книга не просто предлагала гипотезу – она ломала оптику: Сулейменов взглянул на древний текст «Слова о полку Игореве» глазами двуязычного современного читателя, который во многом «расшифровал» текст древнего (тоже двуязычного!) автора не как филолог-схоласт, а как художник, которому открылись смыслы древних тюркских поэтических вкраплений в тексте древнерусской речи сказителя.

Хорошо известен бум по поводу выхода этой книги в свет и грандиозный резонанс в научных кругах и в среде многомиллионных читателей и почитателей таланта великого поэта (а Олжас Сулейменов уже тогда был признанным известным поэтом с мировым именем, ворвавшись в 1961 году 25-летним мальчишкой на поэтический Олимп своей поэмой «Земля, поклонись человеку!», облетевшей, как и Гагарин, весь мир и переведенной на десятки языков мира – наша легенда, гордость нашей казахстанской земли!). Не стану говорить, как мне удалось приобрести эту книгу, весь тираж которой был рассыпан в типографиях, запрещен и изъят из продажи; более того, как я получила автограф великого автора еще на свою девичью фамилию «с наилучшими пожеланиями» и как спустя сорок с лишним лет в 2019 году на международном форуме в РУДН (спасибо дорогой Улданай Максутовне Бахтикиреевой!) я с этой же книжкой протиснулась к Олжасу Омаровичу и получила еще один его автограф на этой же страничке – к его удивлению и моей безграничной радости. Вот эта реликвия, зачитанная и поветшавшая «*Аз и Я*», книга-открытие и проводник в мир науки и поэзии

– всегда передо мной, свидетельство неразрывного единства духа истинной науки и высокой поэзии.

Вторым, не меньшим потрясением было мое «вхождение-восхождение» в храм академической науки – в Сектор психолингвистики и теории коммуникации Института языкознания ИЯ АН СССР, позже ИЯ РАН, куда привела меня незабвенная Александра Александровна Залевская, знакомая по Алма-Атинскому периоду ее жизни, ее пионерским работам с ассоциативными реакциями в казахской студенческой аудитории. Выше этой инстанции, ИЯ АН, этой научной планки в нашей тогда еще общей советской стране – не было ничего! И понятен мой священный трепет и благоговение, когда я поднималась по красной ковровой дорожке на второй этаж в дирекцию института подписать командировочное удостоверение, а дальше – отдаленное, на расстоянии знакомство с корифеями и мэтрами отечественной и мировой науки, по чьим книгам нам преподавали историю лингвистических учений и общее языкознание, чьи работы мы читали, с трудом продираясь сквозь дебри новой терминологии, цитировали и впитывали дух времени, порой до конца не понимая глубины пророчеств и прогностического потенциала цитируемых источников. Мне показали зал заседаний прямо по коридору от дирекции (и представить не могла, что здесь будут обсуждаться обе мои диссертации!), и легендарное «кресло Реформатского», и подвальчик диссертационного читального зала…. В этих коридорах ещё витал дух Реформатского, здесь обсуждали идеи Выготского, «приземляли» на русскую почву западную психолингвистику.

Легендарный «подвальчик» диссертационного зала – это отдельная вселенная. Там, среди картотек и стеллажей с машинописными диссертациями в картонных переплетах и авторефератами, можно было встретить человека в мятом пиджаке, который оказывался автором книги, по которой ты только что сдавал экзамен. Я видела там Юрия Степанова – он стоял у полки и что-то быстро записывал в блокнот, не замечая никого вокруг. Видела Ревекку Марковну Фрумкину – она проходила мимо с таким видом, будто вся жизнь – это всего лишь очередная глава её изящного эссе – «О нас наискосок», брошюрку, которую я перечитывала много раз: это был эталон того, как можно писать о науке легко, глубоко и без капли пафоса.

Но настоящее потрясение ждало меня в Секторе психолингвистики. Туда я попала через семинар – меня привел туда один из московских коллег, сказав: «Тебе надо увидеть, как они работают». И я увидела. Три фигуры – Тарасов, Сорокин, Уфимцева – составляли то, что потом назовут

«золотым тривиумом» Московской психолингвистической школы. Они не просто руководили – они дышали наукой. Евгений Фёдорович Тарасов обладал удивительным даром: он мог слушать самую сырую, нелепую гипотезу и извлекать из неё зернышко смысла. Юрий Александрович Сорокин, напротив, чаще молчал, но в его молчании чувствовалась такая глубина, что после короткой реплики хотелось переписывать весь доклад заново. Наталья Владимировна Уфимцева соединяла в себе строгость европейской школы и теплоту русской интеллигенции – она могла сделать замечание так, что оно звучало как похвала.

Я смотрела на них и не верила, что нахожусь в одной комнате с людьми, чьи работы я конспектировал. Они не были небожителями в том смысле, в каком я себе их представляла: они пили чай из обычных чашек, вели обычные застольные разговоры, шутили и расспрашивали молодых соискателей о их планах, искренне интересуясь темами их исследований. И когда речь заходила об излюбленных темах исследования сектора – механизмах порождения и восприятия речи, о внутреннем лексиконе человека, о национально-культурной специфике менталитета этносов – как комната наполнялась электричеством. Я впитывала каждое слово, каждую интонацию, позже поняла: секрет их атмосферы был не в гениальности каждого по отдельности, а в том, как они резонировали друг с другом. Это был не просто научный коллектив – это был оркестр, где каждый знал свою партию, но импровизация всегда приветствовалась.

Они и перевернули мою жизнь. Не потому, что научили меня методикам или теориям – хотя и этому тоже. А потому, что показали: наука – это не карьера и не набор публикаций. Это способ быть человеком. Относиться к чужому слову как к живому организму, чувствовать язык как кожу, видеть в ассоциативной реакции испытуемого – целую картину мира. И я благодарна судьбе за то, что меня когда-то занесло в тот самый «подвальчик» на первом этаже, где пахло пылью и бумагой, и где за одним столом сидели люди, для которых наука и поэзия действительно были одним целым.

В свое время в разных номерах журнала «Вопросы психолингвистики» мне довелось писать о Юрии Александровиче, где я с огромной благодарностью рассказывала об этом удивительном человеке, в котором совершенно естественно сочетались самые противоречивые черты: внешне улыбчивый, располагающий к общению, открытый, он был глубоким интравертом, избирательно относился к людям, строго держал дистанцию, охраняя границы душевной доверительности, не допуская в свое личное пространство. «Его знали как человека с необычным взглядом

на все, неординарными суждениями, с собственным, порой, ни на чье не похожим мнением. Поразительной была его энциклопедическая начитанность – он успевал прочитывать почти все доступные новинки; практически ко всему у него находились ссылки на нечитанные нами источники, неведомые имена, и была невероятная способность создавать своеобычный терминологический аппарат в своих исследованиях, вводить в научный обиход невероятное количество новых слов, терминов. Его статьи мне приходилось читать, порой, со словарями, по возможности, «приставать» и «допытываться» у него самого, поражаясь эзотеричности некоторых текстов – закрытых для непосвященных, как и он сам» [Дмитрюк, 2010, с. 12].

Так и в стихах Глеба Арсеньева (поэтический псевдоним Юрия Александровича) умелое владение автора стихией слова покоряет с первого знакомства**:** слог зачастую обрывистый, как слоган, но изящный и весь пронизанный внутренним фоном, созвучием, «перетеканием» звуков; строки без знаков препинания, лишь ритмически организованные в скрытые смыслы. Слово точно и сжато**,** как открытие: детальность произнесенного, выхваченный взглядом ракурс только подчеркивают нечто скрытое, подразумеваемое, стоящее за словом, где словотворчество как чудотворство:

Мне нужны лишь тишины
благородные коренья
из благоземной глубины
дней не первых сотворенья
смятых поступью атлантов
и рожденьем Атлантиды.
[Г. Арсеньев, 2008, с. 49]

Если права китайская мудрость, что «человек – это то, что он после себя оставляет», то пусть будут благословенны поэты и ученые, с кем нам посчастливилось оказаться в одном времени и пространстве, быть сопричастными их великим делам и духовности…

Многая и благая лета живущим и светлая память покинувшим этот мир!

Литература

Арсеньев Глеб. Стихи и маргиналии. М., 2008. 188 с.
Брюсов В.Я. О искусстве. М.: Тов-во тип. А.И. Мамонтова, 1899.

Дмитрюк Н.В. Других таких же – не будет… // Вопросы психолингвистики, 2010, № 1 (11). С.11–16.

Сулейменов О. Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. Алма-Ата: Жазушы, 1975. 304 с.

Сулейменов О.О. Так было… Воспоминания. Выступления. Интервью. Алматы: Service press, 2023. 424 с.

References

Gleb Arsenyev. Poems and marginalia. Moscow, 2008. 188 p.

Bryusov V.Ya. About art. Moscow: A.I. Mamontov Publishing House, 1899.

Dmitryuk N.V. There will be no others like this.… // Questions of Psycholinguistics, 2010, No. 1 (11). pp.11-16.

Suleimenov O. Az and Ya. The book of a well-intentioned reader. Alma Ata: Zhazushi, 1975. 304 p.

Suleimenov O.O. That's how it was… Memories. Performances. Interview. Almaty: Service press, 2023. 424 p.

Добавлено примечание ([AN1]): Странное оформление, по ГОСТ РФ курсивом даем фамилию автора/ов, не название издания/журнала

Добавлено примечание ([BA2R1]): Автор статьи на специальный запрос написал: «…да, курсив и в оригинале, и в библиографических ссылках так принято, видела не раз в списках литературы».

Добавлено примечание ([AA3]): Курсив надо убрать, в карточке его нет. Вот Российская государственная библиотека https://search.rsl.ru/ru/record/01007004216?ysclid=mvey71ezv642932590

На обложке художник мог нарисовать что угодно, это его право

Добавлено примечание ([BA4R3]): Исправил.

Докт. филол. наук, канд. психол. наук А.В. Пузырев (Покров)

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Ю.А. СОРОКИНА: ЛИЧНОСТЬ УЧЁНОГО В ЗЕРКАЛЕ НАУЧНОГО ДИАЛОГА

Аннотация. Статья представляет собой личностно ориентированное эссе, посвящённое 90-летию со дня рождения выдающегося российского психолингвиста Ю.А. Сорокина (1936–2009). В тексте воссоздаётся научная биография учёного, его вклад в изучение текста, межкультурной коммуникации, лакунологию, психолингвистику, а также роль в организации международных конференций. Особое внимание уделено личностному взаимодействию автора с Ю.А. Сорокиным, его влиянию на становление научных интересов автора, его уникальной интуиции и стилю мышления. Эссе демонстрирует, как встреча с подлинным мыслителем меняет траекторию исследовательского поиска и формирует научное сообщество.

Ключевые слова: Ю.А. Сорокин, Ю.В. Красиков, психолингвистика, фоносемантика, теория лакун, языковое сознание, библиопсихология, научное наследие, личность учёного.

Doctor of Philology, PhD in Psychology A.V. Puzyrev (Pokrov)

ON THE 90TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF YU. A. SOROKIN: THE PERSONALITY OF THE SCIENTIST IN THE MIRROR OF SCIENTIFIC DIALOGUE

Abstract. The article is a person - oriented essay dedicated to the 90th anniversary of the birth of the outstanding Russian psycholinguist Yu. A. Sorokin (1936–2009). The text reconstructs the scientist's scientific biography, his contribution to the study of text, intercultural communication, lacunology, psycholinguistics, as well as his role in organizing international conferences. Special attention is paid to the author's personal interaction with Yu. A. Sorokin, his influence on the formation of the author's scientific interests, and his unique intuition and style of thinking. The essay demonstrates how meeting a true thinker changes the trajectory of a research project and shapes the scientific community.

Keywords: Yu.A. Sorokin, Yu.V. Krasikov, psycholinguistics, phonosemantics, theory of lacunae, linguistic consciousness, bibliopsychology, scientific legacy, the personality of the scholar.

8 октября 2009 года отечественная психолингвистика понесла большую утрату – ушёл из жизни Юрий Александрович Сорокин, доктор филологических наук, многолетний сотрудник Института языкознания РАН, один из создателей теории лакун, автор оригинальных методик атрибуции текстов и активный участник разработки проблем языкового сознания. Однако в год 90-летия со дня его рождения мы вспоминаем не столько эту потерю, сколько тот светлый след, который он оставил в науке и в душах тех, кто имел счастье работать и общаться с ним. Полгода спустя после его ухода, 8 апреля 2010 года, я сидел за его рабочим столом в секторе психолингвистики и понимал, что важно зафиксировать для будущего не только факты его биографии, но и то, что остаётся за строками научных трудов – человеческое измерение учёного. Эти заметки, дополненные сейчас, публикуются к его юбилею как дань глубокого уважения.

Биографический контур

Юрий Александрович родился 7 мая 1936 года в Москве. Окончив школу № 510, поступил в Институт восточных языков при МГУ (1955–1961), где специализировался по китайскому языку и литературе Китая. В 1959–1960 годах стажировался в Пекинском университете. После окончания университета работал в Библиотеке им. В.И. Ленина, затем –

редактором в Комитете по радиовещанию и телевидению, где окончил Университет марксизма-ленинизма (факультет эстетики). С 1970 года и до конца жизни его научная судьба была связана с Институтом языкознания АН СССР (ныне ИЯз РАН).

Его научные интересы охватывали широкий спектр: от проблем анализа письменных текстов и межкультурной коммуникации до переводоведения и психолингвистики. В соавторстве с коллегами он разработал продуктивную теорию лакун, позволившую выявлять общее и специфическое в способах общения представителей разных культур. Он был одним из продолжателей идей Н.А. Рубакина в области библиопсихологии и активным участником проекта «Языковое сознание», итогом которого стал «Русский ассоциативный словарь» – фундаментальный труд, вышедший двумя изданиями. С момента основания журнала «Вопросы психолингвистики» Ю.А. Сорокин входил в его редколлегию.

Человек безошибочной интуиции

Сразу же должен извиниться за допущенную мною в ранее опубликованных воспоминаниях о нём фактическую ошибку о сроках нашего знакомства. Оно произошло в 1986 году. На тот момент ни он, ни весь психолингвистический «триумвират» Сектора психолингвистики и теории коммуникации ИЯз РАН (Е.Ф. Тарасов, Ю.А. Сорокин, Н.В. Уфимцева – см. *Фото 1*) ещё не были докторами наук.

Фото 1. Слева направо: Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева

Благодаря Интернету я выяснил, что доктором филологических наук по совокупности научных работ Ю.А. стал первым в Секторе – 31 декабря 1986 года. Можно только представить, каким для него праздником стал тот Новый год! Так уж вышло, что я с ним встретился, когда он ещё не был доктором наук…

Ещё одно уточнение. В стране был такой порядок для всех преподавателей вузов – обязательно один раз в пять лет повышать свою квалификацию в признанных центрах науки с выездом туда и снятием соответствующей части годовой нагрузки. По нынешним меркам – времена фантастически сказочные! Без такого повышения квалификации преподавателя могли не переизбрать по конкурсу. На тот момент последнее повышение квалификации я проходил в 1976 году – в его качестве зачли защиту кандидатской диссертации в 1981. 1986-й был последним годом перед очередным переизбранием. Отсутствие обязательного повышения квалификации могло завершиться для меня трагически – пришлось в 1985-м по этому поводу забить тревогу. На своей родной кафедре русского языка Пензенского государственного педагогического университета я не скрывал своего желания повысить квалификацию в своей профессиональной области – филологические науки. Тогдашнее руководство кафедры, вполне справедливо рассудив, что второй доктор наук кафедре не требуется, как бы вынужденно отправило меня в 1986 году на курсы повышения квалификации – но по информатике в МОПИ им. Н.К. Крупской. И я четыре месяца изнывал там над программой автоматической транскрипции письменной речи на Бейсике. Получилось что-то невзрачное и нигде потом не пригодилось.

Главные события разворачивались вне официального повышения квалификации. Я ходил на занятия спецсеминара профессора МГУ М.В. Панова (сейчас вход в МГУ, как известно, для российских вузовских преподавателей закрыт, тогда же был безо всяких ограничений), сидел в Ленинке (ныне РГБ). И старательно – несколько раз – ездил в Институт славяноведения и балканистики РАН, чтобы встретиться с Вяч.Вс. Ивановым, известнейшим специалистом в области анаграмм, первым публикатором анаграмматических исследований Ф. де. Соссюра. Встретиться для того, чтобы рассказать о своих результатах в области звуковой организации русской стихотворной речи. На материале более 6 тыс. словоупотреблений мною было установлено, что более 90% употреблённых в русском классическом стихе собственных имён входят в звуковые повторы, достоверно превышающие уровень речевого фона.

Однажды разминулись на всего лишь десять минут. «Он только что ушёл, и вы даже можете его догнать!», – сказали мне на вахте. Я рванул – но бесполезно!..

Сейчас понимаю, что жизнь меня просто уберегла. Ведь я предлагал объективный, даже рационалистичный подход к анаграммам, тогда как этот крупнейший учёный (среди рядовых лингвистов его причисляли к «небожителям») исповедовал скорее всё-таки субъективный, даже субъективистский подход. Жизнь оберегала меня от большого унижения…

Случайно наткнувшись в Ленинке на книгу Ю.В. Красикова «Теория речевых ошибок» (1980) и найдя в ней несколько созвучных моментов, попытался связаться с автором, но в издательстве телефона автора не было, но дали телефон сектора психолингвистики Института языкознания: «Она к нам пришла оттуда». Я позвонил наугад – а на том конце провода оказался Ю.А. Сорокин. И первое, что я услышал от него при встрече, было: «А я давно искал того, кто бы занялся анаграммами…»

В случае со мной материализовалась его безупречная интуиция.

Почему для меня эта встреча была очень важна? Я шёл тогда к маячившей где-то в тумане докторской диссертации по анаграммам – по теме, которая, по мнению многих коллег (особенно знакомых докторов наук), считалась «недиссертабельной». Моя уверенность в научной значимости темы была абсолютной, но внешних подтверждений не имелось, несмотря на все мои усилия их отыскать.

А тут, по просьбе Ю.А., я подготовил две статьи; первая из них – «Факторы восприятия и порождения звуковой организации речи» – через три года была опубликована в сборнике «Структуры языкового сознания» (1990). Главным для меня тогда стало то, что мои изыскания впервые показались кому-то важными и перспективными – и этим «кем-то» был именно Юрий Александрович. Его поддержка вдохнула в меня новые силы…

Вторым узловым моментом, где интуиция Ю.А. проявилась во всём блеске, для меня стала его реплика на первой всесоюзной конференции по фоносемантике. Эта конференция состоялась в Пензе (1989). В качестве главных организаторов выступили Ю.А. Сорокин, С.В. Воронин и автор этих строк. Я выступил тогда с идеей использования в анаграмматических исследованиях субстратной методологии А.А. Гагаева, которую, если очень честно, не вполне тогда понимал сам и очень боялся допустить в рассуждениях какую-нибудь ошибку. По этой методологии, в анаграмматических исследованиях следовало различать уровни

мышления, языка, речи и общения, а также генетический, логический, деятельностный, функциональный и языковой личности аспекты. Сорокин заметил: «Вот теперь, Саша, я за вас спокоен». Эти слова я запомнил навсегда – как благословение на продолжение разработки названной методологии.

В настоящее время эта общелингвистическая методология приобрела более стройный характер, благодаря включению в неё уровня психофизиологии, стала своего рода квадратом познания.

Принципы выделения в предмете исследования пяти ступеней сущности и пяти целевых подсистем в целостно-системном подходе я затем перенёс на человека [Козлов, Пузырев, 2013], но первые слова одобрения по поводу использования самой этой методологии сыграли для меня очень важную роль. Они мне показали, что нахожусь на верном пути.

Учёный и человек

Юрий Александрович принадлежал к тому типу мыслителей, которого по соционической типологии можно назвать Дон Кихотом. Его отличала способность видеть новые возможности там, где другие замечали лишь нечто привычное. Его раздражала приземлённость, он жил «над землёй», в мире идей, и бытовые мелочи его не тяготили. Он легко подвигал окружающих на оригинальные проекты – достаточно вспомнить его идею провести рабочее совещание с интригующим названием «Текст как женщина @ женщина как текст», совместно с В.Н. Базылевым им реализованную. Я тоже принял участие в этом совещании – с темой «Женщина как многослойный текст».

Он же посоветовал мне выбрать одну глобальную тему для проводимых мною конференций и проводить её в камерном формате: «Настоящая наука двигается в условиях именно камерного общения, где каждый общается с каждым». И проведение в этом году двадцать шестой международной научной конференции – с одним и тем же названием «Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты» – наилучшее подтверждение продуктивности его суждений.

Свобода – и научная, и личная – была для него высшей ценностью. Он не любил и не умел открыто говорить о своих чувствах, но его симпатии угадывались по особой интонации, по тому, как он отводил собеседника в сторону и дарил или рекомендовал книгу, которая, как он чувствовал, была сейчас конкретному человеку нужна. Именно так в моей библиотеке оказался уникальный труд Н.А. Рубакина «Библиологическая психология». Он хотел написать предисловие ко второму изданию моей книги об анаграммах – но моя нерасторопность помешала этому (это

буквально его слова: «При переиздании своих «анаграмм» вы станете классиком лингвистики!»).

Ю.А. обладал мощным ассоциативным мышлением, и любую, самую дерзновенную гипотезу умел развить в логически стройную теорию. При этом письменное изложение давалось ему нелегко, и его тексты не всегда отличались простотой – зато каждая его устная реплика была событием. Не думаю, что с ним было легко в повседневном общении: его нестандартное поведение, резкие выпады могли коробить. Но я всегда ощущал за этим праздник интеллектуальной встречи, безусловное доверие и редкую щедрость ума. Рядом с ним было безопасно.

Последние советы и непреходящее значение

Весной 2002 года я сообщил Юрию Александровичу, что написал цикл статей на общую тему «За минуту до Большого Взрыва». Он сначала сказал: «Бросьте эту затею!», но затем, ознакомившись с содержанием, сказал: «Это надо печатать. Через два года будет поздно. Напечатать небольшим тиражом для умных людей. Под своей фамилией – всё равно найдут, и будет только хуже». Я не последовал его совету публиковать эти четыре статьи отдельной брошюрой, а включил в свой сборник с обыденным названием «Опыты целостно-системных подходов…», чтобы подчеркнуть базирование на научной методологии, – и неприятные последствия, как он и предвидел, наступили скоро. Может быть, слишком скоро… Он переживал за меня и был шокирован поведением некоторых – известных ему и мне – коллег.

Ю.А. также советовал мне защищаться дальше по социальной психологии, а не по общей, предвидя, что по общей защититься не дадут. Жизнь подтвердила правоту его интуиции – об адекватном выборе третьей научной специальности. В результате я стал кандидатом психологических наук по специальности «социальная психология». Последняя его рекомендация касалась моей статьи об образе *волка* в русских народных сказках – он настаивал на публикации её в «Вопросах психолингвистики» как материала для научной дискуссии. Если этого не произошло, то по не зависящим от Ю.А. причинам.

Вместо заключения

Юрий Александрович Сорокин был человеком, которого я до сих пор вспоминаю с чувством благодарности судьбе. Он не любил и не умел открыто демонстрировать эмоции, но его влияние на мою научную судьбу было, безусловно, благотворным. Он повысил мою веру в себя, когда я был в поиске, и поддержал в главном – мыслить свободно, не оглядываясь на конъюнктуру, и дорожить интуицией как инструментом познания.

Отечественная психолингвистика потеряла в нём одного из своих столпов, но его идеи, его ученики и его умение зажигать других продолжают работать. Встреча с таким человеком – это дар судьбы, который остаётся с тобой навсегда. В год его 90-летия мы благодарны ему за этот дар и за то, что он остаётся с нами в своих трудах и в памяти тех, кто имел счастье знать его лично.

Примечание редактора: данный текст является переработанной и дополненной версией личных заметок, написанных автором в 2010 году, и публикуется в научно-мемориальном формате к 90-летию Ю.А. Сорокина.

Литература

Женщина как текст @ Текст как женщина: материалы рабочего совещания в секторе психолингвистики и теории коммуникации (Москва, 5 января 2000 г.) / под ред. В.Н. Базылева, Ю.А. Сорокина. М.: Диалог-МГУ, 2000. 60 с.

Красиков Ю.В. Теория речевых ошибок: (на материале ошибок наборщика). М.: Наука, 1980. 124 с.

Пузырёв А.В. Опыты целостно-системных подходов к языковой и неязыковой реальности: сборник статей. Пенза: ПГПУ имени В.Г. Белинского, 2002. 163 с.

Пузырёв А.В. О Юрии Александровиче Сорокине // Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты: материалы X Международной научной конференции (Ульяновск, 12–15 мая 2010 г.) / отв. ред. проф. А.В. Пузырёв. М.; Ульяновск: Институт языкознания РАН; Ульяновский государственный университет, 2010. С. 5–8.

Рубакин Н.А. Библиологическая психология. М.: Академический Проект; Трикста, 2006. 800 с. («Summa»)

References

Woman as Text @ Text as Woman: Proceedings of the Workshop in the Sector of Psycholinguistics and Communication Theory (Moscow, January 5, 2000) / edited by V.N. Bazylev, Yu.A. Sorokin. Moscow: Dialog-MGU, 2000. 60 p.

Krasikov Yu.V. Theory of Speech Errors: (Based on the Material of Typist’s Errors). Moscow: Nauka, 1980. 124 p.

Puzyrev A.V. Experiments in Holistic-Systemic Approaches to Linguistic and Non-Linguistic Reality: Collection of Articles. Penza: V.G. Belinsky PSPU, 2002. 163 p.

Puzyrev A.V. On Yuri Alexandrovich Sorokin // Language and Thinking: Psychological and Linguistic Aspects. Proceedings of the 10th International Scientific Conference (Ulyanovsk, May 12–15, 2010) / Edited by Prof. A.V. Puzyrev. Moscow; Ulyanovsk: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences; Ulyanovsk State University, 2010. Pp. 5–8.

Rubakin N.A. Bibliological Psychology. Moscow: Academic Project; Trixsta, 2006. 800 p. (“Summa”)

Генетические и логико-структурные аспекты проблемы *язык и мышление*

Доктор пед. наук П.А. Гагаев (Пенза)
gagaevp@mail.ru

О ЛИЧНОСТНО-СУБЪЕКТНОЙ ОСНОВЕ ПОЗНАЮЩЕЙ МЫСЛИ

Аннотация. В работе рассматривается проблема природы познающей мысли. Обнажается ее связь со всей духовностью познающего, выдвигается гипотеза обретения мыслью субъектности в ее взаимодействии с предметом постижения.

Ключевые слова: бытие, гносеология, мышление, человек, духовность, субъектность.

Doctor of Pedagogical Sciences P.A. Gagaev (Penza)
gagaevp@mail.ru

ON THE PERSONAL AND SUBJECTIVE BASIS OF COGNITIVE THOUGHT

Abstract. The paper deals with the problem of the nature of the cognitive thought. It reveals its connection with the entire spirituality of the cognizer, and puts forward a hypothesis of the acquisition of subjectivity by the thought in its interaction with the object of comprehension.

Keywords: existence, epistemology, thinking, human, spirituality, subjectivity.

Мысль ученого – зеркало его души
и связь его со вселенной.
Автор

Всякая мысль и личностна, и потенциально субъектна. Всякая мысль несет в себе некое авторское, личное. Содержание ее, интонация, корреляция с другими высказываниями и пр. – все это выражает индивидуальность мысли. Всякая мысль стремится отделиться от своего носителя и свободно заявлять о себе как самостоятельной субстанции. Мысль познающая являет в себе указанное в особенности. Почему и в чем это выражается – об этом и поразмышляем в своей работе.

Литература по проблеме скудна. Причина – господство позитивистского подхода в познании. Знание (теория, закон, факт и пр.) трактуется как некое инвариантно-бесстрастное со стороны своего содержания, как некий инструмент познающего, и не более того (одинаково воспринимаемое всеми людьми и цивилизациями).

Методологией работы избираем субстратную рефлексию А.А. Гагаева, согласно каковой в предмете удерживается его множественное основание и стремление к отвечанию познающему [А. Гагаев, 1994].

Исходное (познание)

Познание (оно же творчество) требует *всего* человека. Не одного его интеллекта (способности мыслить логически), не малого эмоционально-волевого усилия, не знания некоей отдельной области деятельности, не небольшого выделенного на себя времени, другого малого в жизни человека – познание глубокое подвигает человека *всем собою* отдаться на отпущенное ему в бытии время определенной задаче. Отдаться без остатку, с возможностью потери многого дорогого для себя, с чаянием принести некое свое в наш из миров, принести и обрести в этом покой и блаженство.

Познание (в идеале) есть жизнь человека, человека конкретного, со своей судьбой, своими чаяниями, драмами и пр. Познание и есть судьба человека. Оно – его призвание, его бремя и его блаженство.

Познание всегда риск, всегда тревога. Оно может обернуться крахом, крахом для человека. Крахом научным, профессиональным, художественным и всегда личным. Рисками своими познание опять-таки подвигает человека к духовному и физическому напряжению. Все (социальные) личины свои человек снимает. Снимает и являет свое подлинное. Свое как большое и глубокое, как не сходное ни с кем и ни с чем другим. Являет человек свое как в предсмертный час. Являет, весь переходя в творимое им.

Являет человек в познании лицо свое и запечатлевается его лик в некоем внешнем – становящемся внешним. Являет себя человек в своей мысли – глубокой и определенной.

Познание – и в этом его еще одна срединная черта – есть воссобирание бытия в одну большую определенность. Познание есть *сгущение* бытия, придание ему собранности, стройности и во всем этом субъектности.

Как некое познается? Актуализируется его внутреннее, приводятся в движения его связи и отношения со внешним, все оно с измененным в нем вводится в другой более широкий бытийный контекст – такова общая стратегия познания. В ходе ее реализации постигаемое и воссобирается, воссобирается и субъектизируется (см. нашу монографию [А.Гагаев и П.Гагаев, 2024]). Концентрируемое в нем бытие брызжет смыслами (отношениями, связями, пересечениями, обращениями и пр.). Является новая субъектность.

Постигаемое субъектизируется и, в свою очередь, субъектизирует познающую мысль. Последняя, воздействуя на постигаемое – собирая его, полня его его же подлинным, – удерживает в себе многое и многое и кристаллизируется – обособляется от своего носителя и начинает становиться демиургом происходящего (заметим, сформулированное вполне подпадает под концепцию субъектизации бытия Тейяра де Шардена П. [Тейяр де Шарден, 2001, с. 200]).

Приведенное о познании и указывает на причину особой человеческой индивидуальности и субъектности познающей мысли.

Познающая мысль несет в себе выражение всего человека – его судьбы, его прошлого, настоящего, чаемого им грядущего. Она являет в себе его картину мира, его сокровенные переживания, его интеллектуальные устремления, его энергию, его волю, его ошибки, заблуждения… его чаяния большого, его надежды и его прозрения.

Познающая мысль обретает статус некоего отдельного в психике познающего, того, что само по себе открывает во внешнем некое и соживет с ним как со своим творением.

Полагаем, изложеное нами было бы принято большими учеными и философами, чьи труды составили фундамент современной философии и современной науки.

И Платон, и Аристотель, и Паскаль, и Кант, и Ньютон, и Дарвин, и Ломоносов, и Вернадский, и Гейзенберг – все, все в своих суждениях и уравнениях явили свои духовности, духовности столь же глубокие, сколь и не сопоставимые ни с какими другими. Мысль же их всех (их суждения) в момент формулирования ими своих дивных открытий обрела не менее дивную самостоятельность: отделилась от них и стала достоянием и их, и всего человечества.

Личностно-субъектное мысли (конкретика)

В чем же конкретно является личностный характер познающей мысли и ее субъектизация в процессе открываемого?

Личностное

Главное, в чем выражается личностное познающей мысли, – *контекст* ее вынесения (оформления). Суждение ученого (философа), уравнение, другое некое в сфере познания всегда сопрягается с каким-то глубоким переживанием, обращением к другой сфере знания, возможному переходу к другой гносеологии и пр. пр. Формулы Гейзенберга, законы Ньютона, интуиция Вернадского, прозрения Дарвина и пр. – все эти реалии несут в себе конкретные личностные смыслы,

Лишь верующий в то, что Создатель подвигает своих чад разобраться в движениях светил, мог открыть законы механики (И. Ньютон).

Лишь безумно интересующийся всем живым и в живом видящий благо и блаженство мыслящего человека мог бросить все и пуститься на поиски сведений о формах жизни на край света (Ч. Дарвин).

Лишь ищущий ответа на вопрос о тайне жизни мог поднимать и поднимать пласты оболочки Земли и не смиряться пред невежеством современников и утверждать истину (В.И. Вернадский).

Лишь открытый всему и вся, беспощадный к себе и всему внешнему мог отринуть физику Ньютона и Эйнштейна и вступить в пространство квантовых неопределенностей (В.Гейзенберг).

Наука упомянутых ученых есть *их* наука. Психолог и историк науки не всегда в этом отдает отчет себе. Открыть открытое ими могли лишь они. Они как открывающие некое *всем собою*.

Субъектность мысли

Субъектность познающей мысли – реалия более скрытая, нежели личностный характер ее. Тем не менее, попытаемся обнажить ее.

Формулируемое ученым глубоко и определенно. Бытие сжимается, сгущается в формуле, суждении, открытом факте и прочем. Ему – бытии – тесно в оформленном. Обретение структуры (строя) дарует бытию энергию. Оно распирает свои границы. Ему жаждется вырваться из отведенного ученым. И оно вырывается – обращенностью к другому, цеплянием за иное, набрасыванием тени (знаниевой, логической, иной) на стоящее вдали и пр. (опять-таки укажем на концепцию субъектности бытия Тейяра де Шардена П.).

Формула, суждение, открытый факт – это и есть мысль ученого (философа). Она в процессе преобразования постигаемого сама безмерно увеличивается со стороны своего бытийного содержания. Лишь подобное может говорить с подобным.

Мысль познающая однажды выделяется в психике познающего. Ему безраздельно она уже не принадлежит. Она сама ставит перед ним вопросы. Она не дает ему покоя и в дни отдыха или смены занятия. В чем конкретика ее субъектности? В неких спонтанно актуализирующихся в сознании смыслах, образах, интенциях, влечениях (смутных и вместе с тем определенных). Названное, с одной стороны, спонтанно по своему проявлению, а с другой онтологически, аксио-гносеологически и психологически определенно. Его не отодвинешь как некое периферийное на своем пути. Оно есть то, с чем приходится считаться, считаться как со своим собратом по бытию.

Выскажем предположение о том, что субъектность мысли ученого связана с тем, что мышление вообще онтологически не принадлежит человеку как продукт эволюции на планете. Мысль есть реалия вселенская (В.И. Вернадский, Тейяр де Шарден П.). В духовном напряжении ученого мысль и высвобождается от земного и обретает свое подлинное.

Живя со своей мыслью, обретшей субъектность, человек становится болей духовностью, нежели он был. Большей и своими возможностями, и грядущими для него драмами.

Полагаем, с нами в наших рассуждениях согласился бы и Д.И. Менделеев, и Э. Шредингер, и В.И. Вернадский, и Тейяр де Шарден П., и все другие крупные ученые XX-ого века.

Заключение

Мысль познающая несет в себе память о всем человеке. Всякая формула, всякое суждение и пр. есть явление духовности конкретного человека. Открыть некое может лишь кокнретный человек – со своими предпочтениями, драмами и обретениями.

Мысль познающая неизбежно обретает черты субъектности. Являя себя таковой в процессе познания, она кристаллизируется в искомом.

Мысль познающая в ее субъектности есть мысль истинная (и со стороны ее онтологии).

Мысль познающая – бремя и блаженство познающего.

Литература

Гагаев А.А. Теория и методология субстратного подхода в научном познании. Саранск: МГУ имени Н.П. Огарева, 1994. 48 с.

Гагаев А.А., Гагаев П.А. Метафизика творчества (субстратный подход). М.: РИОР, 2024. 190 с.

Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М.: Устойчивый мир, 2001. 232 с.

References

Gagaev A.A. Theory and Methodology of the Substrate Approach in Scientific Cognition. Saransk: Mordovia State University named after N.P. Ogarev, 1994. 48 p.

Gagaev A.A., Gagaev P.A. Metaphysics of Creativity (Substrate Approach). Moscow: RIOR, 2024. 190 p.

Teilhard de Chardin P. The Phenomenon of Man. Moscow: Sustainable World, 2001. 232 p.

УДК 159.9:81

Доктор психол. наук В.В. Козлов (Ярославль)
kozlov@zi-kozlov.ru

ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Аннотация. В данной статье рассматривается фундаментальная проблема взаимосвязи языка и мышления, находящаяся на стыке психологии, лингвистики и когнитивной нейронауки. Особое внимание уделяется психологическим аспектам (роль внутренней речи, влияние билингвизма на когнитивный резерв), лингвистическим аспектам (влияние грамматических структур на категоризацию), а также многомодальной природе мышления в контексте концепции «пяти языков сознания» интегративной психологии: языков ощущений, эмоций, образов, символов и знаков.

Ключевые слова: язык и мышление, лингвистическая относительность, когнитивная лингвистика, внутренняя речь, билингвизм, пять языков сознания, интегративная психология

LANGUAGE AND THINKING: PSYCHOLOGICAL AND LINGUISTIC ASPECTS OF INTERACTION

Abstract. This article examines the fundamental problem of the relationship between language and thinking at the intersection of psychology, linguistics, and cognitive neuroscience. Particular attention is paid to psychological aspects (the role of inner speech, the impact of bilingualism on cognitive reserve), linguistic aspects (the influence of grammatical structures on categorization), and the multimodal nature of thinking within the framework of the "five languages of consciousness" concept in integrative psychology: the languages of sensations, emotions, images, symbols, and signs.

Keywords: language and thinking, linguistic relativity, cognitive linguistics, inner speech, bilingualism, five languages of consciousness, integrative psychology

Введение

Проблема соотношения языка и мышления является одной из старейших и наиболее дискуссионных в истории философии, психологии и лингвистики. Вопрос о том, предшествует ли мысль слову, определяет ли язык структуру мышления или же они развиваются параллельно, продолжает стимулировать междисциплинарные исследования. В современной науке произошел отказ от крайних форм лингвистического детерминизма и строгого модулярного подхода в пользу более интегративных, многоуровневых и многомерных моделей взаимодействия.

Актуальность данной темы обусловлена не только теоретическим значением для понимания природы человеческого сознания, но и практическими приложениями в области образования, клинической психологии, психотерапии, а также в контексте развития искусственного интеллекта, где моделирование «понимания» языка ставит новые вопросы о природе мышления.

Целью настоящей статьи является интегративный анализ психологических и лингвистических аспектов взаимосвязи языка и мышления с опорой на классические теории, концепцию многомодальности сознания и современные интегративные эмпирические данные.

Теоретические основы изучения взаимосвязи языка и мышления

Исторически дискуссия колебалась между двумя полюсами: интеллектуализмом (отождествление мышления и речи) и натурализмом

(рассмотрение речи как вторичного, внешнего проявления независимых мыслительных процессов).

Наиболее известной концепцией является гипотеза Сепира-Уорфа. В своей «сильной» версии (лингвистический детерминизм) она утверждает, что язык полностью определяет мышление. В «слабой» версии (лингвистическая относительность) язык влияет на когнитивные процессы, облегчая или затрудняя определенные способы категоризации и распределения внимания. Современные исследования в основном поддерживают слабую версию, демонстрируя, что языковые привычки модулируют, но не жестко детерминируют когнитивные процессы.

Л.С. Выготский в работе «Мышление и речь» [Выготский, 1934] предложил диалектический подход. Он утверждал, что мысль и слово не связаны первичной, врожденной связью, но их отношение меняется в процессе онтогенеза. Выготский выделил этапы развития от доинтеллектуальной речи и довербального мышления к их слиянию. Ключевым понятием стала «внутренняя речь» – свернутая, предикативная форма речи, которая служит основным инструментом высших психических функций и произвольной саморегуляции.

Ж. Пиаже рассматривал язык как одно из проявлений более общей символической функции, формирующейся на сенсомоторной стадии. Согласно его теории, когнитивные структуры развиваются независимо от языка и предшествуют ему. В противоположность этому, Н. Хомский постулировал наличие врожденного «устройства усвоения языка» и универсальной грамматики, предполагая, что языковая способность является специфическим, биологически детерминированным модулем разума [Хомский, 1972].

Психологические аспекты взаимодействия языка и мышления

Психологические исследования фокусируются на том, как языковые процессы интегрированы в общую архитектуру познания, мышления, памяти и внимания.

Внутренняя речь играет критическую роль в решении сложных задач, планировании и эмоциональной регуляции. Эксперименты с использованием метода «подавления артикуляции» (articulatory suppression), когда испытуемым предлагается повторять бессмысленный слог во время выполнения когнитивной задачи, показывают значительное снижение эффективности в задачах на рабочую память и логический вывод. Это подтверждает гипотезу о том, что фонологическая петля рабочей памяти и внутренняя речь являются неотъемлемыми компонентами сложного мышления.

Изучение билингвов предоставило уникальные данные о пластичности мозга. Исследования Эллен Биалистокс и ее коллег продемонстрировали, что постоянное переключение между двумя языковыми системами тренирует исполнительные функции, в частности, тормозной контроль и когнитивную гибкость [Bialystok, 2017, pp. 233–262]. Билингвы часто показывают лучшие результаты в задачах, требующих игнорирования отвлекающих стимулов (например, тест Струпа). Активное использование двух языков на протяжении жизни способствует формированию когнитивного резерва, задерживая проявление симптомов нейродегенеративных заболеваний на 4–5 лет по сравнению с монолингвами.

Овладение языком, в частности синтаксическими структурами, позволяющими выражать ментальные состояния (глаголы типа «думать», «верить», «знать»), тесно коррелирует с развитием теории сознания у детей. Способность понимать, что убеждения других людей могут отличаться от реальности, формируется параллельно с развитием сложной речи, что подчеркивает роль языка как инструмента репрезентации ментальных состояний.

Лингвистические аспекты: как структура языка формирует познание

Лингвистические аспекты рассматривают то, как конкретные особенности лексики, грамматики и синтаксиса влияют на привычные способы мышления носителей.

Классическим примером является восприятие цвета. Исследования показывают, что носители языков, имеющих отдельные базовые слова для голубого и синего (например, русский язык), быстрее и точнее различают оттенки на границе этих категорий, чем носители английского языка, где оба оттенка обозначаются словом «blue». Это явление, известное как категориальное восприятие, демонстрирует, что языковая разметка спектра влияет на скорость перцептивных процессов.

Лера Бородицки и ее коллеги провели серию экспериментов, показывающих влияние грамматики на мышление. В языке гуугу йимитирр (Австралия) отсутствуют эгоцентрические термины пространства («слева», «справа»), а используются только абсолютные координаты («север», «юг»). Носители этого языка демонстрируют выдающуюся способность к пространственной ориентации [Boroditsky, 2011, pp. 62–65].

Другой пример – грамматический род. В экспериментах носители немецкого языка (где слово «мост» – мужского рода, «der Brücke») чаще

описывали мост как «величественный» или «прочный», тогда как носители испанского (где «мост» – женского рода, «el puente») чаще использовали эпитеты «изящный» или «красивый». Это свидетельствует о том, что грамматические маркеры могут бессознательно влиять на ассоциативные сети.

Согласно теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, наше абстрактное мышление в значительной степени структурировано через метафоры, укорененные в телесном опыте. Например, концепция времени осмысляется через пространственные метафоры. В языке аймара (Южная Америка) прошлое находится «впереди» (так как его можно «видеть» и знать), а будущее – «позади» (так как оно неизвестно), что кардинально меняет пространственно-временные паттерны мышления его носителей [Lakoff & Johnson, 1980].

Многомодальность мышления: пять языков сознания в интегративной психологии

1. Классическая дискуссия о связи языка и мышления долгое время сужала понятие «языка» до вербально-знаковой системы. Однако современная интегративная психология и когнитивная наука расширяют это понимание, вводя концепцию «пяти языков сознания» — различных модальностей, через которые психика репрезентирует, перерабатывает и выражает опыт. Согласно этой концепции, мышление не ограничивается словами, а разворачивается в полифонии пяти взаимопереплетающихся «языков»: ощущений, эмоций, образов, символов и знаков. Сама модель разработана нами в 90-ые годы прошлого столетия достаточно подробно как стратегия анализа языков сознания [Козлов, 2022; Козлов, 2023; Козлов, 2024-1; Козлов, 2024-2; Козлов, 2026].

Язык ощущений (сенсомоторный)

Первичным и наиболее архаичным языком сознания является язык телесных ощущений. Он предшествует вербальному мышлению и сохраняется на протяжении всей жизни как фундамент опыта. Сенсомоторные паттерны (проприоцепция, интероцепция, кинестезия) формируют базовые схемы, на которых впоследствии строятся более сложные когнитивные структуры. Исследования воплощенного познания подтверждают, что даже абстрактные концепции «заземлены» в телесных симуляциях.

Язык эмоций (аффективный)

Эмоции представляют собой особый язык сознания, обладающий собственной «грамматикой» и «синтаксисом». Эмоциональные состояния не просто сопровождают мышление, но активно его организуют: они

выделяют значимые стимулы, задают оценку ситуации и направляют внимание. А. Дамасио в своей соматической теории маркеров показал, что повреждение эмоциональных центров мозга приводит к глубокому распаду рационального мышления и принятия решений.

Язык образов (визуально-перцептивный)

Язык образов — это модальность мысленных представлений, визуализаций и пространственных схем. Многие формы мышления (особенно в науке, искусстве, инженерии) разворачиваются преимущественно в образной форме. Исследования Р. Шепарда и С. Косслина продемонстрировали, что мысленные образы подчиняются тем же законам пространственной трансформации, что и реальные перцепты, что подтверждает их подлинно когнитивный статус.

Язык символов (архетипический, мифологический)

Язык символов занимает особое место в архитектуре сознания. В отличие от знака, который имеет однозначное отношение к обозначаемому, символ многозначен, избыточен по смыслу и связан с глубинными структурами психики (К. Г. Юнг) [Jung, 1968]. Символы организуют опыт на уровне смысловых целостностей, которые не могут быть полностью переведены на язык понятий, и являются источником творческих инсайтов.

Язык знаков (вербально-логический, дискретный)

Язык знаков — это та форма, которую традиционно понимают под «языком» в лингвистике и логике. Знаки (слова, числа, формулы) характеризуются дискретностью, произвольностью отношения к обозначаемому и способностью к комбинаторике по строгим правилам. Это наиболее гибкий и эксплицитный из пяти языков, позволяющий фиксировать, передавать и критически анализировать содержание других языков.

Ключевым положением интегративного подхода является то, что полноценный когнитивный акт предполагает одновременную активацию и взаимодействие всех пяти языков. Например, научное открытие часто начинается с неясного телесного «ощущения правильности» (язык ощущений), сопровождается эмоциональным подъемом (язык эмоций), разворачивается как наглядная мысленная модель (язык образов), опирается на глубинные интуитивные схемы (язык символов) и лишь на завершающем этапе формулируется в виде понятий и теорий (язык знаков).

Развитие методов нейровизуализации (фМРТ, ЭЭГ, МЭГ) позволило перейти от умозрительных теорий к эмпирической проверке гипотез о связи языка и мышления.

Обработка языка и невербальное мышление опираются на перекрывающиеся, но различные нейронные сети. Языковая обработка преимущественно локализована в левой перисильвиевой коре (зоны Брока и Вернике), в то время как абстрактное мышление задействует префронтальную кору и теменные доли. Однако при выполнении сложных логических задач с вербальной формулировкой наблюдается сильная функциональная связность между этими областями.

Современная когнитивная нейронаука рассматривает мозг как «предиктивную машину». Языковая система постоянно генерирует прогнозы о предстоящих словах и синтаксических структурах на основе контекста. Нарушение этих ожиданий фиксируется как компонент N400 (семантическое нарушение) или P600 (синтаксическое нарушение) на ЭЭГ. Этот механизм предсказания является фундаментальным когнитивным процессом, связывающим восприятие, память и мышление в единую систему.

Концепция пяти языков сознания, разработанная нами в русле интегративной психологии, становится методологической основой для объединения данных различных дисциплин. Нейрокогнитивные данные о множественности нейронных сетей (сенсомоторных, лимбических, визуальных, семантических) получают содержательное истолкование через призму пяти модальностей. Это позволяет преодолеть редукционизм и увидеть в мышлении целостный процесс, разворачивающийся на пересечении телесности, аффекта, перцепции, смысла и рефлексии.

Заключение

Анализ психологических, лингвистических и нейрокогнитивных аспектов позволяет сделать вывод, что язык и мышление не являются ни тождественными, ни полностью независимыми сущностями. Они находятся в отношениях глубокой взаимозависимости и коэволюции.

С психологической точки зрения, язык выступает мощным когнитивным инструментом, расширяющим возможности рабочей памяти, способствующим развитию саморегуляции и теории сознания. С лингвистической точки зрения, структурные особенности языка направляют внимание и формируют привычные паттерны мышления, поддерживая «слабую» версию гипотезы лингвистической относительности.

Наиболее перспективной представляется интегративная парадигма, учитывающая многомодальную природу сознания. Концепция пяти языков сознания — ощущений, эмоций, образов, символов и знаков — показывает, что вербальный язык является лишь одной (хотя и уникальной по своим рефлексивным возможностям) из форм опосредования мышления. Полноценный когнитивный акт всегда полифоничен: он опирается на телесное «чувствование», эмоциональную оценку, образные модели, символические смыслы и знаковые формулировки, которые находятся в постоянном динамическом взаимодействии.

Современная интегративная парадигма, опирающаяся на принципы целостного познания, стирает искусственные границы между дисциплинами. Она подтверждает, что сложный, абстрактный и рефлексивный человеческий интеллект невозможен без языкового опосредования, при этом под «языком» следует понимать всю систему пяти модальностей сознания. Дальнейшие исследования на стыке психолингвистики, нейронаук, интегративной психологии и кросс-культурных исследований будут способствовать разработке более эффективных методов практической психологии и расширения пространства семантики сознания.

Литература

Выготский Л. С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1934.

Козлов В. Направленные визуализации: теория и психотехнология. М.: ИП Петросян, 2025. 402 с.

Козлов В. В. Основы психологии духовности: высшие состояния пробуждения. М.: МАПН, 2018. 328 с.

Козлов В.В. Психология сознания: интегративный подход. М.: Психотерапия, 2022. 274 с.

Козлов В. В. Движение за развитие человеческого потенциала. Ярославль: Издательство «Титул», 2017. 169 с.

Козлов В. В., Пузырев А. В. Психология жизненных сценариев: монография. М.: Московский педагогический государственный университет, 2023. 514 с.

Козлов В. В. Психология кризиса. Изд. 2-е, доп. М.: Международная академия психологических наук, 2024-1. 1040 с.

Козлов В. Личность и бытие. Ярославль: РПФ «Титул», 2024-2. 242 с.

Козлов В. Интегративная психология. Изд. 4-е, доп. и испр. М.: Международная академия психологических наук, 2026. 628 с.

Козлов В. Психология счастья: история, теория, феноменология. М.: МАПН, 2026. 292 с.

Козлов В.В. Процессуальные особенности самореализации / В.В. Козлов // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2025. № 1(53). С. 116–123.

Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М.: КомКнига, 2003.

Уорф Б. Л. Наука и языкознание // Новое в лингвистике. Вып. 1. М.: Издательство иностранной литературы, 1960.

Хомский Н. Язык и мышление. М.: Издательство МГУ, 1972.

Пушин В.Н. Когнитивная лингвистика: теория и практика. М.: Флинта. 2021

Assagioli R. Psychosynthesis: A Manual of Principles and Techniques. New York: Hobbs, Dorman & Company, 1965.

Barsalou L.W. Grounded cognition. Annual Review of Psychology, 59, 617–645. 2008.

Bialystok E. The bilingual adaptation: How minds accommodate experience // Psychological Bulletin, 2017. № 143 (3). Pp. 233–262.

Boroditsky L. How language shapes thought // Scientific American, 2011. Vol. 304. No. 2. Pp. 62–65.

Clark A. Whatever next? Predictive brains, situated agents, and the future of cognitive science // Behavioral and Brain Sciences, 2013. № 36 (3). Pp. 181–204.

Damasio A. R. Descartes' Error: Emotion, Reason, and the Human Brain. New York: Putnam, 1994.

Fedorenko E., Blank I.A., Siegelman M., & Mineroff Z. Lack of selectivity for syntax relative to word meanings throughout the language network // Cognition (2020). № 203, 104348. DOI: 10.1016/j.cognition.2020.104348.

Jung C. G. Man and His Symbols. New York: Dell, 1968.

Lakoff G. & Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 1980.

Langer S.K. Philosophy in a New Key: A Study in the Symbolism of Reason, Rite, and Art. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1942.

Majid A., Bowerman M., Kita S., Haun D.B., & Levinson S. C. Can language restructure cognition? The case for space // Trends in Cognitive Sciences, 2004. № 8 (3). Pp. 108–114.

References

Vygotsky L. S. Thinking and Speech. Moscow: Labirint, 1934.

Kozlov V. Directed Visualization: Theory and Psychotechnics / V. Kozlov. Moscow: IP Petrosian, 2025. 402 p.

Kozlov V.V. Fundamentals of the Psychology of Spirituality: Higher States of Awakening / V.V. Kozlov. Moscow: MAPN, 2018. 328 p.

Kozlov V.V. Psychology of Consciousness: An Integrative Approach. Moscow: Psychotherapy, 2022. 274 p.

Kozlov V.V. Movement for the Development of Human Potential / V.V. Kozlov. Yaroslavl: Titul Publishing House, 2017. 169 p.

Kozlov V.V. Psychology of Life Scenarios: a monograph / V. V. Kozlov, A. V. Puzyrev. Moscow: Moscow Pedagogical State University, 2023. 514 p.

Kozlov V.V. The Psychology of Crisis / V. V. Kozlov. 2nd edition, revised. Moscow: LLC “International Academy of Psychological Sciences”, 2024-1. 1040 p.

Kozlov V. Personality and Being / V. Kozlov. Yaroslavl: RPF “Titul”, 2024-2. 242 p.

Kozlov V. Integrative Psychology / V. Kozlov. Fourth edition, revised and expanded. Moscow: Limited Liability Company “International Academy of Psychological Sciences”, 2026. 628 p.

Kozlov V. Psychology of Happiness: History, Theory, Phenomenology / V. Kozlov. Moscow: IAPN, 2026. 292 p.

Kozlov V.V. Procedural Features of Self-Realization / V.V. Kozlov // Human Factor: Social Psychologist. 2025. No. 1(53). Pp. 116–123.

Leontiev A.A. Language, Speech, Speech Activity. Moscow: KomKniga, 2003.

Whorf B. L. Science and Linguistics // New in Linguistics. Issue 1. Moscow: Publishing House of Foreign Literature, 1960.

Pushin V. N. Cognitive Linguistics: Theory and Practice. Moscow: Flinta. 2021.

Assagioli R. Psychosynthesis: A Manual of Principles and Techniques. New York: Hobbs, Dorman & Company, 1965.

Barsalou L.W. Grounded cognition. Annual Review of Psychology, 59, 617–645. 2008.

Bialystok E. The bilingual adaptation: How minds accommodate experience // Psychological Bulletin, 2017. № 143 (3). Pp. 233–262.

Boroditsky L. How language shapes thought // Scientific American, 2011. Vol. 304. No. 2. Pp. 62–65.

Clark A. Whatever next? Predictive brains, situated agents, and the future of cognitive science // Behavioral and Brain Sciences, 2013. № 36 (3). Pp. 181–204.

Damasio A. R. Descartes' Error: Emotion, Reason, and the Human Brain. New York: Putnam, 1994.

Fedorenko E., Blank I.A., Siegelman M., & Mineroff Z. Lack of selectivity for syntax relative to word meanings throughout the language network // Cognition (2020). № 203, 104348. DOI: 10.1016/j.cognition.2020.104348.

Jung, C. G. Man and His Symbols. New York: Dell, 1968.

Lakoff G. & Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 1980.

Langer S.K. Philosophy in a New Key: A Study in the Symbolism of Reason, Rite, and Art. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1942.

Majid A., Bowerman M., Kita S., Haun D.B., & Levinson S. C. Can language restructure cognition? The case for space // Trends in Cognitive Sciences, 2004. № 8 (3). Pp. 108–114.

Канд. психол. наук А.Ф. Корниенко (Казань)
korniaf@inbox.ru

СУЩНОСТЬ ПСИХИКИ КАК ФОРМЫ ОРГАНИЗАЦИИ НЕЙРОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ, ПРОТЕКАЮЩИХ В ГОЛОВНОМ МОЗГЕ

Аннотация. В работе рассматривается авторский вариант решения фундаментальных проблем психологии, связанных с определением сущности психики, а также соотношением психических и физиологических процессов. Психика определяется как свойство мозга, обеспечивающее за счет особой формы организации нейрофизиологических процессов, протекающих в мозге, субъективное отражение не объективной действительности как таковой, а её ближайшего будущего.

Ключевые слова: психика; психическая форма отражения; психические процессы; субъективный образ; психофизиологическая проблема.

PhD in Psychology A.F. Kornienko (Kazan)
korniaf@inbox.ru

THE ESSENCE OF THE PSYCHE AS A FORM OF ORGANIZATION OF NEUROPHYSIOLOGICAL PROCESSES, OCCURRING IN THE BRAIN

Abstract. The paper considers the author's solution to the fundamental problems of psychology related to the definition of the essence of the psyche, as well as the relationship between mental and physiological processes. The psyche is defined as a property of the brain that provides, through a special form of organization of neurophysiological processes occurring in the brain, a subjective reflection not of objective reality as such, but of its immediate future.

Keywords: psyche; mental form of reflection; mental processes; subjective image; psychophysiological problem.

В психологии вопрос о том, что следует понимать под психикой до сих пор остается открытым. Многочисленные попытки сформулировать непротиворечивое и научно обоснованное определение психики, предпринимавшиеся на протяжении всей истории развития психологии, успехом не увенчались. Поэтому проблема определения сущности психики и, соответственно, психической формы отражения действительности является одной из фундаментальных проблем психологии.

Обычно, при рассмотрении сущности психики речь идет о системном свойстве (или функции) специализированного органа организма, а именно, мозга, которое обеспечивает:

– во-первых, субъективное отражение организмом особенностей объективной действительности, в условиях которых осуществляется его жизнедеятельность, и построение в результате некоторого субъективного образа этой действительности;

– во-вторых, регуляцию поведения организма на основе результатов отражения, т.е. на основе соответствующего субъективного образа действительности.

С точки зрения физиологии не вызывает сомнения, что регуляция поведения или двигательная активность организма, как человека, так и животного, осуществляется благодаря протеканию в организме определенных физиологических процессов, обеспечивающих иннервацию отдельных групп мышц. Однако не менее очевидным признается и то, что при наличии у человека или животного психики, регуляция их двигательной активности может осуществляться именно психикой, психическими процессами. Вместе с тем, если физиологические процессы считаются материальными и потому действительно могут оказывать воздействие на мышцы, вызывая появление двигательной реакции организма, психические процессы признаются нематериальными образованиями, которые в силу их нематериальности не могут

воздействовать на материальные образования, каковыми являются мышцы.

Соответственно возникает вопрос: «Как психика и психические процессы, будучи нематериальными, могут принимать участие в регуляции двигательной активности организма?». В этом, собственно, заключается суть другой фундаментальной проблемы психологии, известной как «психофизиологическая проблема».

Для рассмотрения предлагаемого нами варианта решения указанных проблем введем некоторые обозначения. Внешнее воздействие, которое вызывает двигательную реакцию организма, обозначим символом S, а саму реакцию организма на это воздействие – символом R_S. Изменение в физиологических процессах, протекающих в сенсорной системе организма, которое обусловливается появлением воздействия S, обозначим как ΔV_S. Соответственно, изменение в физиологических процессах, протекающих в двигательной системе организма, необходимое для осуществления двигательной реакции R_S, обозначим как ΔV_{Rs}. В результате процесс регуляции двигательной активности организма можно представить в виде простого соотношения

$$S \Rightarrow \Delta V_S \Rightarrow \Delta V_{Rs} \Rightarrow R_S \qquad (1)$$

Изменение в физиологических процессах ΔV_S, соответствующее воздействию S, можно рассматривать как физиологическую форму отражения особенностей воздействия S в сенсорной системе организма или как соответствующую физиологическую форму знания об этом воздействии. Для обозначения этой формы знания, которая представляет собой не что иное, как субъективный образ воздействия, введем символ S'_V, где штрих «'» в верхнем регистре означает «знание» или «образ», а «V» в нижнем регистре указывает на физиологическую основу этого знания (образа). Соответственно, изменение в физиологических процессах ΔV_{Rs}, обеспечивающее осуществление двигательной реакции R_S, можно рассматривать как физиологическую форму знания об этой реакции или субъективный образ необходимой двигательной реакции и обозначить его символом $(R_S)'_V$.

Если записать $\Delta V_S = S'_V$ и $\Delta V_{Rs} = (R_S)'_V$, то соотношение (1) может быть приведено к виду

$$\begin{array}{ccccc} & S'_V & & (R_S)'_V & \\ & = & & = & \\ S & \Rightarrow \Delta V_S & \Rightarrow & \Delta V_{Rs} & \Rightarrow R_S \end{array} \qquad (2)$$

Соотношение (2) описывает физиологическую форму отражения особенностей внешнего воздействия и, соответственно, физиологическую форму регуляции поведения организма в ответ на это воздействие.

Однако существенным недостатком данной формы отражения и регуляции поведения организма является тот факт, что реакция R_S осуществляется фактически не в ситуации появления воздействия S, а несколько позже с задержкой на время Δt, которое требуется для преобразований $S \Rightarrow \Delta V_{S,}\ \Delta V_S \Rightarrow \Delta V_{Rs}, \Delta V_{Rs} \Rightarrow R_S$. За это время исходная ситуация изменяется, и наступает новая ситуация нового настоящего, которая по отношению к исходной ситуации выступает как ситуация ее ближайшего будущего. Соответственно, внешнее воздействие в ситуации настоящего можно обозначить как $S_{\text{наст}}$, а в ситуации ближайшего будущего – $S_{\text{бл.буд}}$. Очевидно, что в общем случае справедливо соотношение $S_{\text{бл.буд}} \neq S_{\text{наст}}$.

Для того, чтобы реакция организма на воздействие $S_{\text{бл.буд}}$ в ситуации ближайшего будущего была адекватной, необходимо, чтобы организм имел возможность получать знания не только о воздействии $S_{\text{наст}}$, но и о воздействии $S_{\text{бл.буд}}$. Кроме того, он должен получить знания о реакции в ситуации ближайшего будущего и строить поведение на основе именно этого знания. Выполнение всех этих функций реализуется за счет особой организации физиологических, а точнее нейрофизиологических, процессов, протекающих в мозге. Способность к такой организации мозговых процессов, при которой становится возможным появление соответствующих физиологических процессов $\Delta V_{S_{\text{бл. буд}}}$ и $\Delta V_{Rs_{\text{бл. буд}}}$ – это и есть то свойство мозга, которое обозначается понятием "психика".

Поскольку указанные нейрофизиологические процессы имеют качественное своеобразие (в одном случае отражаются особенности воздействия $S_{\text{бл.буд}}$, а в другом – особенности реакции $R_{S_{\text{бл. буд}}}$), можно говорить о двух различных формах организации мозговых процессов и, соответственно, о двух видах психических процессов. В первом случае речь может идти о познавательных психических процессах, которые в символьной форме можно представить следующим соотношением

$$\Delta\Psi_{S_{наст}} = \left\{ \begin{matrix} \Delta V_{S_{бл.буд}} \\ \Uparrow \\ \Delta V_{S_{наст}} \end{matrix} \right\} \qquad (3)$$

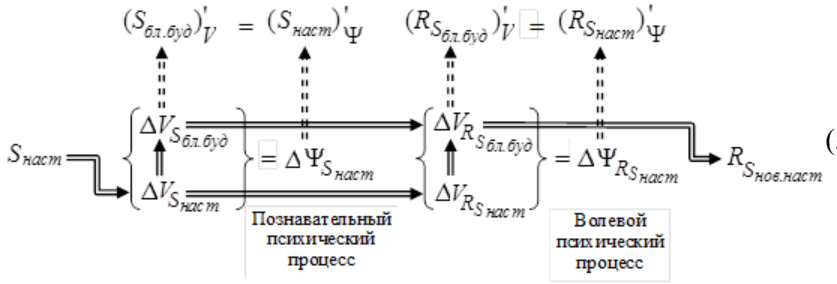
В соотношении (3) символом «Ψ» обозначена структура психических процессов в отличие от структуры физиологических процессов, обозначенной символом «V».

Во втором случае, когда происходит получение знаний о возможных формах поведения организма в ситуации ближайшего будущего, имеет смысл говорить о волевых психических процессах. В принятых нами обозначениях волевой психический процесс описывается соотношением

$$\Delta\Psi_{R_{S_{наст}}} = \left\{ \begin{matrix} \Delta V_{R_{S_{бл.буд}}} \\ \Uparrow \\ \Delta V_{R_{S_{наст}}} \end{matrix} \right\} \qquad (4)$$

Соотношения (3) и (4) означают, что психические процессы не порождают материальные физиологические процессы, но соотносятся с процессами их трансформации, с преобразованием одних физиологических процессов в другие, причем такие, в результате которых организм получает соответствующие знания об особенностях ближайшего будущего объективной действительности и возможных в нем формах поведения.

С учетом данного понимания сущности психики и психических процессов регуляция двигательной активности организма, обладающего психикой, может быть представлена следующим соотношением

(5)

Таким образом, наблюдаемая на феноменологическом уровне психическая форма регуляции двигательной активности организма оказывается результатом не воздействия идеального на материальное («психического» на «физиологическое»), а результатом взаимодействия одних физиологических процессов с другими физиологическими процессами путем их особой организации.

И здесь возникает принципиальный вопрос о том, как в организме реализуются эти особые формы организации физиологических процессов, которые представляют собой процессы психические.

Прежде всего запишем, что представляет собой ситуация ближайшего будущего $С_{бл.буд}$ текущего настоящего $С_{наст}$. Поскольку ситуация настоящего по истечение небольшого промежутка времени Δt может измениться на некоторую величину $\Delta С$, ситуацию ее ближайшего будущего можно описать соотношением

$$С_{бл.буд} = С_{наст} + \Delta С \quad (6)$$

Учитывая, что ситуации текущего настоящего $С_{наст}$ предшествовала ситуация прошлого $С_{пр}$, которая по истечение такого же небольшого интервала времени Δt *стала ситуацией текущего настоящего, можно записать следующее соотношение*

$$С_{наст} = С_{пр} + \Delta С \quad (7)$$

Путем элементарных преобразований соотношения (6) и (7) приводятся к виду

$$С_{бл.буд} = С_{наст} + (С_{наст} - С_{пр}) \quad (8)$$

Соотношение (8) показывает, что для получения знаний $(С_{бл.буд})'_V$ об особенностях ситуации ближайшего будущего организму необходимо иметь три механизма:

1) механизм получения знаний $(С_{наст})'_V$ об особенностях ситуации настоящего;

2) механизм получения знаний $(С_{пр})'_V$ об особенностях ситуации прошлого, непосредственно предшествовавшей ситуации настоящего;

3) механизм, реализующий функции сложения и вычитания знаний $(С_{наст})'_V$ и $(С_{пр})'_V$ и, соответственно, реализующий процесс информационного синтеза, описываемого следующим соотношением

$$(С_{бл.буд})'_V = (С_{наст})'_V + \left[(С_{наст})'_V - (С_{пр})'_V\right] \quad (9)$$

Первый механизм, очевидно, реализуется известными механизмами физиологической (нейрофизиологической) формы отражения.

Реализация второго механизма обеспечивается наличием механизма кратковременной памяти.

Что касается третьего механизма, то для его реализации в нервной системе организма возникает мозг с нервными клетками, обладающими возбуждающими и тормозными дендритами. Известно, что информация о воздействиях кодируется в нервной системе организма потоками нервных импульсов определенной частоты. При поступлении нейронных импульсаций на возбуждающие дендриты, активность нервной клетки увеличивается, что эквивалентно процессу суммация импульсаций, а при поступлении их на тормозные дендриты активность нервной клетки снижается, что эквивалентно процессу вычитанию импульсаций. Таким

образом, возникает принципиальная возможность информационного синтеза, описываемого соотношением (9).

Мысль о том, что процесс информационного синтеза потоков информации об особенностях воздействий в ситуациях настоящего и прошлого, можно считать явлением психическим, высказывается в работе А.М. Иваницкого [Иваницкий, 2003]. На основе анализа результатов исследования физиологических механизмов ощущений, А.М. Иваницким было сделано предположение, что «синтез двух видов информации – наличной и извлекаемой из памяти – и составляет тот ключевой механизм, который лежит в основе ощущения как феномена уже не физиологического, а психического уровня» [Иваницкий, 2003, с. 244]. И далее он пишет: «психическое возникает на базе сопоставления, синтеза наличной информации и сведений, извлекаемых из памяти» [Там же, с. 245].

Перспективность информационного подхода в определении сущности психического отмечается в работе Д.И. Дубровского. «Нам думается, – пишет Д.И. Дубровский, – что трактовка психических явлений как информационных процессов, осуществляемых головным мозгом, открывает весьма широкие методологические возможности для разработки проблемы «сознание и мозг»» [Дубровский, 1990, с. 10].

Наличие такой формы организации нейрофизиологических процессов, протекающих в мозге, благодаря которой обеспечивается выполнение соотношения (9), свидетельствует о том, что мозг обладает свойством, которое называется «психикой». Психический процесс представляет собой конкретную форму реализации психики. Если наличие психики обеспечивает принципиальную возможность получения знаний об особенностях ситуации ближайшего будущего, то благодаря психическим процессам организм эти знания получает.

Поскольку любая ситуация представляет собой определенную совокупность объектов действительности, каждый из которых обладает некоторым множеством присущих ему свойств, отражение особенностей ситуации предполагает отражение составляющих ситуацию объектов и их свойств. Отсюда следует, что психическая форма отражения действительности реализуется множеством отдельных психических процессов, каждый из которых обеспечивает отражение особенностей определенных объектов действительности и определенных свойств, которые им присущи. Соответственно психику можно представить как некоторое множество свойств мозга и соответствующих форм организации нейрофизиологических процессов, обеспечивающих отражение ближайшего будущего множества свойств объектов

действительности. Введение понятия о психике, как о множестве свойств мозга и соответствующих форм организации нейрофизиологических процессов, в какой-то степени оправдывает общепринятое в психологии использование предлога «в» по отношению к слову «психика». Любой субъективный образ и любой психических процесс, будучи особой формой организации нейрофизиологических процессов, является элементом общего множества форм организации нейрофизиологических процессов, характеризующего понятие «психика». Именно в этом смысле можно понимать нахождение субъективного образа или протекание психического процесса в психике.

Из предложенного нами варианта научного определения сущности психики вытекает замечательное следствие, которое практикующий психолог или психотерапевт может непосредственно использовать в своей работе. Это – зависимость структуры физиологических и нейрофизиологических процессов, протекающих в организме человека, от содержания субъективных образов, возникающих в его психике.

Тот факт, что любой субъективный образ, возникающий в психике, соотносится с определенной формой организации нейрофизиологических процессов, протекающих в мозге, позволяет констатировать следующее:

– во-первых, то, что согласно соотношению (9) изменения в структуре нейрофизиологических процессов, происходящие в результате определенной системы внешних воздействий, приводят к образованию соответствующего субъективного образа этой системы воздействий и соответствующего образа необходимой в ответ на эти воздействия формы поведения;

– во-вторых, то, что при создании в психике определенного устойчивого ярко выраженного субъективного образа какой-либо ситуации или какой-либо формы поведения (например, в результате представления или воображения) в структуре физиологических процессов организма должны происходить изменения, представляющие собой своеобразную подстройку под ту структуру, которая реально соотносится с содержанием субъективного образа. В качестве примера такой подстройки физиологических процессов можно назвать появление у глубоко верующего человека так называемых «стигматов» (кровоточащих ран на ладонях), когда он ярко представляет и сильно переживает процедуру распятия Христа.

Почему некоторые пожилые люди выглядят порой младше своего календарного возраста? Да потому, что в психике пожилого человека есть субъективный образ себя (образ «Я»), в котором он представлен намного моложе. Устойчивое воспроизведение этого образа порождает у него

процессы настройки или подстройки физиологических и нейрофизиологических процессов его жизнедеятельности в соответствии с этим субъективным образом, и он действительно становится моложе.

Литература

Дубровский Д.И. Психика и мозг: результаты и перспективы исследований // Психол. журн. 1990. Т. 11. № 6. С. 3–15.

Иваницкий А.М. Психофизиология сознания // Психофизиология: учебник для вузов / под ред. Ю.И. Александрова. СПб.: Питер, 2003. С. 200–217.

References

Dubrovsky D.I. Psyche and brain: research results and prospects // Psychology department. journal. 1990. Vol. 11. No. 6. Pp. 3–15.

Ivanitsky A.M. Psychophysiology of consciousness // Psychophysiology: A textbook for universities /edited by Yu.I. Alexandrov. St. Petersburg: Peter, 2003. Pp. 200–217.

Доктор филол. наук Е.Ю. Мягкова (Тверь)
elenamyagkova@mail.ru

К ВОПРОСУ О ГРАММАТИКЕ ГОВОРЯЩЕГО

Аннотация. На основании деятельностного подхода к анализу речевой деятельности обсуждаются проблемы грамматики говорящего как внутренней «системы» пользования языком с учетом образа мира как внутреннего контекста, а также единства чувственного и рационального.

Ключевые слова: язык, мышление, грамматика говорящего, единицы, отношения.

Doctor of Philology E.Yu. Myagkova (Tver)
elenamyagkova@mail.ru

TO THE PROBLEM OF SPEAKER'S GRAMMAR

Abstract. From the point of view of activity approach, the article discusses the speaker's grammar as the inner system of using language considering world image as inner context and the unity of affect and ratio are touched upon.

Keywords: language, reasoning, speaker's grammar, units and elements, relations.

Идея описания/написания грамматики говорящего была озвучена Ю.А. Сорокиным в его воспоминаниях по поводу 40-летия деятельности Сектора психолингвистики Института языкознания: Юрий Александрович говорил о стремлении не только разобраться в механизмах восприятия и порождения речи, но и «представить в компактной и убедительной форме "грамматику говорящего" (она не написана до сих пор, хотя задача – сверхзаманчивая)» [Сорокин, 2007, с. 8]. При этом уже была написана книга (см.: [Норман, 2011]), в названии которой фигурировала такая грамматика. Что такое *грамматика говорящего* и почему через почти двадцать лет после выхода в свет первого издания книги Нормана Ю.А. Сорокин всё ещё говорил о необходимости написания такой грамматики?

Определяя понятие *грамматики говорящего*, Б.Ю. Норман указывает на ее динамический характер, т.е. «процесс претворения» грамматики говорящего в языковые законы, правила и единицы (*т.е. элементы традиционной грамматики – Е.М.*) [цит. раб., с. 15, 17]. Такую ли «грамматику говорящего» имел в виду Ю.А. Сорокин? Представляется, что за термином *грамматика говорящего* здесь стоят принципиально разные понятия, имеющие разные *методологические* основания.

По мнению А.А. Леонтьева, не существует универсальной теории языка для всех времен и народов – есть множество моделей языка. В понимании Б.Ю. Нормана грамматика рассматривается в общей парадигме лингвистики, с точки зрения языковой системы в её «приближении» к говорящему на языке человеку. Психолингвистический подход определяет иное направление движения исследовательской мысли: от человека к языку. В таком контексте правила традиционной грамматики выступают не как исходная позиция для анализа внутренних процессов речевой деятельности, но, наоборот, как внешний способ «фиксации» деятельности сознания говорящего. В этом смысле можно говорить о том, что написание *грамматики говорящего* (в понимании Ю.А. Сорокина) должно основываться как раз на данных об устройстве языкового/речевого механизма: всё, что связано с языком, *творится* в голове человека. Поэтому создание *грамматики говорящего* неизбежно должно учитывать данные целого ряда наук о человеке и основываться на *психолингвистическом* мировоззрении.

Подход с точки зрения речевой деятельности позволит рассматривать *грамматику говорящего* как результат *деятельности* человека, его сознания и его речевого механизма. По мнению С.И. Бернштейна, «формальная грамматика» не способна «охватить проблему предложения» (*высказывания – Е.М.*), поскольку «…идет не от социальной функции языка к его техническим средствам, а отправляется от технических средств и, не располагая методом для построения языкового выражения мысли, вынуждена то и дело перепрыгивать от элементов к целому, которое никак не удается сложить путем механического суммирования» (цит. по: [Наумова, 1991, с. 21]).

Психолингвистический подход предполагает движение не от системы формальных категорий и их сочетаний, а от речевой *деятельности* человека как способа реализации его стремления выразить свои мысли. В таком понимании *грамматика* (говорящего) – это некоторые внутренние *опоры*/*ориентиры*, которые дают говорящему возможность такого выражения через пользование языком.

Традиционная теория языка исходит из признания неразрывной связи языка и мышления. Т.Н. Наумова указывает, что в ходе развития отечественной лингвистики понимание необходимости обращения к человеку и особенностям его мышления обусловило возникновение психологически ориентированных теорий языка, в первую очередь, теорий грамматики: «…лингвист такой ориентации никогда не анализирует одни только внешние знаки, никак не связанные с человеком, отделенные от человека, будь то изолированное слово, словосочетание или предложение. Он идет не от формы, а от содержания, которое является “внеязычным”, мыслительным, которое лишь ***объективируется*** в языковых единицах, но без рассмотрения которого невозможно лингвистическое описание» [Наумова, 1991, с. 2]. Деятельностный подход к языку диктует и новый взгляд на проблему предложения: «Предложение в психологически ориентированных концепциях – это не выражение в национальной форме какого-либо конкретного языка универсального логического суждения. Предложение рассматривается в процессе его формирования, в процессе “сказывания” – с точки зрения его генезиса в сознании говорящих, как форма осуществления акта мысли. Оно – воплощение деятельности мышления; в речевой деятельности человек объективирует мысль» [цит. раб., с. 3].

Здесь стоит вспомнить слова И.М. Сеченова о том, что всякая мысль есть «*сопоставление мыслимых объектов друг с другом в каком-либо отношении*» [Сеченов, 2001, с. 214; *курсив автора*]. Обратим внимание на

то, что Сеченов говорит не о словах или правилах, а об «объектах», подчеркивая, что высказывается мысль. И для выражения этой мысли в распоряжении человека говорящего есть не только языковые формы.

Ю.А. Сорокин говорит: «На мой взгляд, вербальный язык – только крошечная часть тех средств общения, которые мы используем. Почему не признать, что существуют предметное мышление и предметный язык? Почему бы не задуматься над тем, что, кроме вербальных средств, существуют кинесика и проксемика и что значительный объём информации бессознательно передаётся через эти “каналы”. Именно там следует искать то, что можно назвать невербальными лакунами» [Интервью…, с. 24]. И дальше: «“Мышление протекает на таком уровне, на котором нет ни вербального, ни невербального”. Что есть? Не знаю. Существуют, видимо, какие-то поля, какие-то энергетические поля (на их характер/структуру и намекает синергетика?), за тайной которых будут гоняться в 21 веке. И строить метафорические модели восприятия и понимания текста, восприятия и понимания человека человеком. Снизится и роль её формализации, ибо её «эвристики» исчерпали себя, хотя никто не возражает, что она полезна [цит. раб., с. 25].

Таким образом, «грамматика говорящего» представляет собой, по-видимому, отношения между некоторыми единицами – но не единицами языка, а «единицами» сознания, опосредованными языком. Такая система (?) «единиц» (причем, по-видимому, «единиц» разной природы и разной значимости) и отношений необходима человеку для работы сознания и для выражения результатов этой работы. Д. Бикертон указывает на необходимость отказа от рассмотрения языка как системы, возникшей ради нужд коммуникации: по его мнению, хотя большинству из нас язык представляется исключительно средством общения, он «даже изначально <…> не был средством общения. Скорее, он являет собой систему представлений, средство сортировки и обработки огромного количества информации, которая шквалом обрушивается на нас, как только мы открываем глаза» [Bickerton, 1990, p. 5; *перевод мой – Е.М.*]. Язык – «…как прозрачное стекло, через которое мы можем отчётливо видеть все мыслимые в мире объекты. И трудно поверить, что, если это стекло убрать, все объекты и весь мир перестанут быть такими, какими мы их знаем» [там же].

Получается, что «за стеклом», на уровне *сознания*/*мышления*, единицы *грамматики говорящего* связаны с языком весьма специфически: здесь нет привычного лингвисту разделения на лексику и грамматику формальных категорий, а есть значения и отношения между ними: по

известному высказыванию Э. Торндайка, «…значения живут в головах людей, а не в словах, и когда мы говорим, что слово обладает тем или иным значением, на самом деле мы говорим, что слово возбудило, или вызвало к жизни это значение. До тех пор, пока слово не попало в голову, оно – лишь струя воздуха или чернильные каракули». При этом вне образа мира слово остается «пустым»: образ мира выступает как внутренний контекст, в рамках которого высказывания «оживают» и приобретают (через значения слов и отношения грамматики) смысл (см.: [Залевская, 2013]).

Современные исследования того, как ребёнок овладевает языком, показывают, как возникает знание слова в связи с окружающим ребёнка миром. Первыми в арсенале ребенка возникают простые слова и те, которые чаще всего произносят общающиеся с ребёнком люди; быстрее осваиваются слова, связанные с определённым местом или конкретным видом деятельности, поэтому, например, *ванна* может появиться в лексиконе ребенка раньше, чем *голова*. Все приобретаемые ребёнком в опыте знания проходят через «фильтр» чувств и окрашиваются теми или иными эмоциональными впечатлениями, участвующими и в формировании субъективного значения: «… алгоритм формирования субъективного значения – когнитивная модель, которая может быть определена как интеллектуальный механизм, позволяющий объединить и упорядочить все комплексы признаков, сформированных на разных уровнях категоризации» [Бубнова, 2017, с. 153], а «…интеллект представляет собой <…> цельную систему когнитивных операций, связывающую внутренний мир человека, язык и окружающий мир» [цит. раб., с. 154].

Обсуждая вопросы формирования и функционирования *внутреннего метаязыка* / *внутренней грамматики* (см.: [Мягкова, 2010] и др.), мы предположили, что в процессе его формирования создаются и его *условно-грамматические элементы* (эта «условность» объясняется тем, что на начальном этапе ещё нет приходящего на соответствующих этапах овладения языком разделения на *лексик*у и *грамматику*). Эти элементы естественного метаязыка должны формироваться как *опоры* (схемы-идентификаторы) для обеспечения ориентировки в пространстве высказывания.

Таким образом, получается, что именно в процессе «выращивания» ребёнком внутреннего метаязыка как средства членения мира и фиксации знаний о нём, происходит интуитивное «вхождение» в *возможности* разных типов будущих единиц языка внешнего, т.е. условное разделение

на «лексику» и «грамматику». К. Чуковский демонстрирует свободу, с которой ребёнок пользуется освоенными им моделями построения слова и высказывания. Дети прекрасно ориентируются в возможностях языка и с удовольствием используют модели, интуитивно выделенные ими на основе уже знакомых слов и понятий: *шишенята*, *всехный*, *смеяние* и др. У них такое сильное чутьё языка, что «создаваемые ими слова отнюдь не кажутся калеками или уродами речи, а, напротив, очень метки, изящны, естественны» [Чуковский, 2015, с. 21–23]: здесь лексическое значение с лёгкостью сочетается с нужными грамматическими структурами и в полученном новообразовании достигается потрясающая точность, соответствие цели и замыслу высказывания. Особенно важно, что детское словотворчество всегда окрашено эмоциями, чаще – положительными, и это важно потому, что именно в раннем детстве начинается формирование и становление ценностного *образа мира*.

Таким образом, выдвинутая Ю.А. Сорокиным идея написания *грамматики говорящего* требует серьёзного осмысления с точки зрения необходимости учёта самых разных факторов, участвующих в овладении языком, пользовании им, а также факторов «внешней среды», таких как культура, условия социализации, языковая ситуация и многое друге. Тем не менее, сам Юрий Александрович в своих работах наметил направления (перевод как деятельность, теория лакун и др.), в рамках которых можно осуществлять поиск ответов на вопросы, касающиеся грамматики говорящего (см., например, [Сорокин, 1985; 2003] и др.).

Литература

Бубнова И.А. Неопсихолингвистика, или психолингвистика личности: новое направление психолингвистических исследований // (Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем / под ред. В.В. Красных. М.: Гнозис, 2017. С. 97–179.

Залевская А.А. Значение слова и «живой поликодовый текст» // Вопросы психолингвистики. 2013. № 1 (17). С. 8–19.

Интервью с профессором Юрием Сорокиным // Вопросы психолингвистики, 2010. № 11. С. 20–26.

Мягкова Е.Ю. Язык – логика – грамматика: к проблеме моделирования метаязыка // Методология современного языкознания: сб. статей. М.: АСОУ, 2010. С. 141–150.

Наумова Т.Н. Психологически ориентированные синтаксические теории в отечественной лингвистике (XIX – первая треть XX века): автореф. дис. … доктора филол. наук. М., 1991. 34 с.

Норман Б.Ю. Грамматика говорящего: от замысла к высказыванию. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 232 с.

Сеченов И.М. Элементы мысли. СПб.: Питер, 2001. 416 с.

Сорокин Ю.А. Нас было немного // Вопросы психолингвистики, 2007. № 6. С. 7–9.

Сорокин Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения текста. М: Наука., 1985. 168 с.

Сорокин Ю.А. Переводоведение: Статус переводчика и психогерменевтические процедуры. М.: Гнозис, 2003. 158 с.

Чуковский К. От двух до пяти. СПб: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. 576 с.

Bickerton D. Language & Species. Chicago: The University of Chicago Press, 1990. 154 pp.

References

Bubnova I.A. Neopsiholingvistika, ili psiholingvistika lichnosti: novoe napravlenie psiholingvisticheskih issledovanij // (Neo)psiholingvistika i (psiho)lingvokul'turologiya: novye nauki o cheloveke govoryashchem / pod red. V.V. Krasnyh. M.: Gnozis, 2017. S. 97–179.

Zalevskaya A.A. Znachenie slova i «zhivoj polikodovyj tekst» // Voprosy psiholingvistiki. 2013. № 1 (17). S. 8–19.

Interv'yu s professorom Yuriem Sorokinym // Voprosy psiholingvistiki, 2010. № 11. S. 20–26.

Myagkova E.Yu. Yazyk – logika – grammatika: k probleme modelirovaniya metayazyka // Metodologiya sovremennogo yazykoznaniya: Sb. statej. M.: ASOU, 2010. S. 141–150.

Naumova T.N. Psihologicheski orientirovannye sintaksicheskie teorii v otechestvennoj lingvistike (XIX – pervaya tret' XX veka): Avtoref. dis. … doktora filol. nauk. M., 1991. 34 s.

Norman B.Yu. Grammatika govoryashchego: ot zamysla k vyskazyvaniyu. Izd. 2-e, ispr. i dop. M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2011. 232 s.

Sechenov I.M. Elementy mysli. SPb.: Piter, 2001. 416 s.

Sorokin Yu.A. Nas bylo nemnogo // Voprosy psiholingvistiki, 2007. № 6. S. 7–9.

Sorokin Yu.A. Psiholingvisticheskie aspekty izucheniya teksta. M: Nauka., 1985. 168 s.

Sorokin Yu.A. Perevodovedenie: Status perevodchika i psihogermenevticheskie procedury. M.: Gnozis, 2003. 158 s.

Chukovskij K. Ot dvuh do pyati. SPb: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2015. 576 s.

Bickerton D. Language & Species. Chicago: The University of Chicago Press, 1990. 154 p.

Канд. филол. наук Е.С. Никитина (Москва)
m1253076@yandex.ru

ПОНИМАНИЕ КАК ДИАЛОГ СМЫСЛОВ ИЛИ ПОЗИЦИИ ТРЕТЬЕГО В ПОНИМАНИИ

Аннотация. Чтобы вступать в диалогические отношения с другими текстами, сам текст должен быть диалогичен изнутри. Это может достигаться диалогическими отношениями как между элементами (субструктурами текста: язык, предмет, понятие), так и между смыслами самого текста – коих должно быть не менее трех. Смыслы могут входить друг в друга как матрешки, а могут противостоять друг другу как в нонсенсе. Выявлять смысловые отношения текста – задача третьего в диалоге.

Ключевые слова: текст; смысловые отношения; диалог; третий в понимании.

Candidate of Philology E.S. Nikitina (Moscow)
m1253076@yandex.ru

THE PARALOGY OF UNDERSTANDING

Abstract. To enter into dialogical relationships with other texts, the text itself must be dialogical from within. This can be achieved through dialogical relationships both between its elements (substructures of the text: language, subject, concept) and between the senses of the text itself – of which there should be at least three. Senses can interpenetrate each other like nesting dolls, or they can oppose each other as in nonsense. Identifying the semantic relationships of a text is the task of the third party in the dialogue.

Keywords: text; semantic relationships; dialogue; third in understanding

Человек должен верить, что непонимание можно понять:
иначе он не стал бы размышлять о нем.
И. Гете

По-видимому, долгоживущий талантливый текст, и не только поэтический, но и прозаический, – это микст-текст, в котором представлено максимальное количество голосов.
Ю. Сорокин

Если рассматривать текст как созданную вещь, то мы должны учитывать намерения создателя. Но если подойти к тексту как субъекту, пережившему своего создателя и занявшему место в текстовом пространстве культуры, то нам интересен будет и этот, новый, предстоящий субъект.

«Как доказать гипотезу о том, что у текста есть свои намерения (intentio operis)? Единственным способом – показать, что текст существует только как единое целое. И это целое содержит в себе не только содержание, но и свой контекст. Взаимодействие текста с контекстом порождает смысл текста. Идея самостоятельного смысла текста принадлежит Августину (De Doctrina Christiana): любое толкование определенной части текста может быть принято, если оно подтверждено и должно быть отклонено, если оно бросает вызов другой части того же текста. В этом смысле внутренние текстовые согласованности контролируют все иные интерпретации читателей» [Eco, 1990, с. 81]. Вычленить эти согласованности – задача понимающего.

Субъектная определенность текста. Диалог налагает на текст некоторые обязательства и обеспечивает участие в жизни, расширяя область самой жизни. Проявляя интеллектуальные свойства: память, мышление, информацию, чувства, текст перестает быть лишь посредником в коммуникации, но становится равноправным собеседником, обладающим значением, основан на переходах, на субстанциальной двойственности.

Здесь уместно вспомнить любопытную классификацию трех видов общения Мишеля Монтеня. Отделяя общение от других, служебных занятий, Монтень выделяет три типа собеседников, с которыми ему приятно было общаться. Во-первых, это дружеское общение. Цель такого общения – «быть между собой на короткой ноге, посещать друг друга и делиться друг с другом своими мыслями; это – соприкосновение душ, не преследующее никаких выгод. В наших беседах любые темы для меня

равно хороши; мне безразлично, насколько они глубоки и важны; ведь в них всегда есть изящество и приятность; на всем заметна печать зрелых и твердых суждений, все дышит добросердечием, искренностью, живостью и дружелюбием. Не только в разговорах о новых законах наш дух раскрывает свою силу и красоту и не только тогда, когда речь идет о делах государей; он раскрывает те же самые качества и в непринужденных беседах на частные темы. Я узнаю отвечающих моему вкусу людей даже по их молчанию и улыбке и успешнее нахожу их за пиршественным столом, чем в зале совета…» [Монтень, 1979, с. 37].

Ко второму виду собеседников Монтень относит красивых благонравных женщин. Красота, утверждает Монтень, могучая сила женщин. «Удовольствия наших органов чувств, которые при втором виде общения гораздо острее, делают его почти таким же приятным, как и первый, хотя, по-моему, все же не уравнивают с ним. Но это общение таково, что тут всегда нужно быть несколько настороже, и особенно людям вроде меня, над которыми плоть имеет большую власть. …Впрочем, я отнюдь не пренебрегал духовными качествами, однако ж при том условии, чтобы и тело было, каким ему следует быть, ибо, по совести говоря, если бы оказалось, что надо обязательно выбирать между духовной и телесной красотой, я предпочел бы скорее пренебречь красотою духовной: она нужна для других, лучших вещей; но если дело идет о любви, той самой любви, которая теснее всего связана со зрением и осязанием, то можно достигнуть кое-чего и без духовных прелестей, но ничего – без телесных» [Там же, с. 38–40].

Однако, оба вида общения зависят от случая и от воли других. Если дружеское общение достаточно редко (дружба, по выражению, Плутарха, животное одинокое, вроде вепря, но отнюдь не стадное), то общение с женщинами с годами сходит на нет. Общение с книгами – третье по счету – гораздо устойчивее и вполне в нашей власти. «Книги, – пишет Монтень, – сопровождают меня на протяжении всего моего жизненного пути, и я общаюсь с ними всегда и везде. Они утешают меня в мои старые годы и в моем уединенном существовании. Они снимают с меня бремя докучной праздности и в любой час дают мне возможность избавляться от неприятного общества. Они смягчают приступы физической боли, если она не достигает крайних пределов и не подчиняет себе все остальное» [Монтень, 1979, с. 40].

Если попытаться подвести эти три вида общения под общие категории, то они вполне укладываются в аристотелевскую схему трех

конечных целей всякого речевого взаимодействия: истине, добру и красоте.

Но и само исследование текста становится спрашиванием и беседой, то есть, диалогом.

Диалогическая природа понимания. Человеческая деятельность развертывается всегда на основе и на фоне множества уже имеющихся, возникающих и изменяющихся контекстов, а ее результаты включаются в их сеть, в свою очередь, изменяя их и порождая другие контексты. М.М. Бахтин отмечал, что всякое реальное целостное понимание активно ответно и является не чем иным, как начальной подготовительной стадией ответа. И сам говорящий установлен именно на такое активно ответное понимание: он ждет не пассивного понимания, дублирующего его мысль в чужой голове, но ответа, согласия, сочувствия, возражения, исполнения и т.д. «Более того, всякий говорящий сам является в большей или меньшей степени отвечающим: ведь он не первый говорящий, впервые нарушивший вечное молчание вселенной, и он предполагает не только наличие системы того языка, которым он пользуется, но и наличие каких-то предшествующих высказываний – своих и чужих, – к которым его данное высказывание вступает в те или иные отношения (опирается на них, полемизирует с ними, просто предполагает их уже известными слушателю). Каждое высказывание – это звено в очень сложно организованной цепи других высказываний» [Бахтин, 1979, с. 247]. Понимание возникает в ситуациях «разрыва» коммуникаций, мышления или деятельности, при утере смысловой целостности («ситуации понимания»), и, через раскрытие характера конфликта ведет к восстановлению целостного смысла, к новому смыслообразованию. Смыслы, поэтому, можно определить и как ответы на вопросы. То, что ни на какой вопрос не отвечает, лишено смысла, изъято из диалога. Актуальный смысл всегда принадлежит не одному (одинокому) смыслу, а только двум встретившимся и соприкоснувшимся смыслам. Арбитром в этом споре смыслов или непониманий выступает третий собеседник, формально не участвующий в процессе общения, но играющий роль некой «точки отсчета», по отношению к которой реальные коммуниканты упорядочивают свои позиции. В разные исторические эпохи такой «нададресат» принимает различные идеологические формы, выступая то как «суд божий», или «суд истории», то как «требования совести» и т.д. Без этого третьего – интерпретанта ситуации встречи разных смысловых позиций – диалог невозможен. Пример такой ситуации мы находим в известной сцене «Безумного Чаяпития» из сказки Л. Кэррола

«Приключения Алисы в стране чудес». Алису удивляют часы Болванщика:

– Какие смешные часы! – заметила она. – Они показывают число, а не час!

– А что тут такого? – пробормотал Болванщик. – Разве твои часы показывают год?

– Конечно, нет, – отвечала с готовностью Алиса. – Ведь год тянется очень долго! – Ну и у меня то же самое! – сказал Болванщик.

Алиса растерялась. В словах Болванщика как будто не было смысла, хоть каждое слово в отдельности и было понятно [Кэррол, 1991, с. 49].

Очевидно, реплики Болванщика рассчитаны на соотнесение с иной системой действий, в которой часы смазываются сливочным маслом для того, чтобы обеспечить правильность хода, и опускаются в чашку с чаем в случае неисправности. Естественно, что мир таких поступков оказывается полностью несовместимым с привычным для Алисы поведением людей и, следовательно, смысл высказываний Болванщика остается для нее не воспринимаемым.

Диалог оказывается невозможным и в том случае, если его участники только включают сообщения собеседника в свой привычный и фиксированный набор смыслов или стараются полностью воспринять способ осмысления, характерный для собеседника, для чего стремятся разорвать все связи с нормативно-ценностными системами своей социокультурной среды (что полностью никогда не достигается). Лишь частичный выход за пределы привычного позволяет найти какие-то общие моменты, обеспечивающие понимание. Такой выход всегда представляет собой единство разнонаправленных процедур: с одной стороны, выявление неожиданного, странного в сравнении с привычными способами освоения мира, с другой – отождествление неизвестного, непривычного с известным, традиционным. Поэтому понимание предстает всегда не просто диалогом, а столкновением «привычного» и «непривычного».

Данный процесс связан с расшатыванием привычных представлений, вырыванием явлений из привычного контекста их осмысления, разрушением старого смысла. Это та сторона смыслообразования, которую В.Б. Шкловский удачно назвал «остранением». Всякое осмысление предстает как переосмысление, выстраивание нового смыслового ряда из остраненных смыслов.

Границы интерпретаций, собственно, и пролегают между двумя мирами, состояниями сознания: канонизированной смысловой

структурой, где индивид живет по законам ритуала, предписанного поведения, и где понимание не является обязательной процедурой мышления, с одной стороны. И миром неограниченного семиозиса, с другой стороны, в котором, по выражению Жака Деррида «де-конструкция трансцендентального означаемого» (поскольку всякий знак может быть процитирован, то он легко покидает любой контекст) влечет за собой появление неограниченного количества смыслов, иначе, задает безграничную вариативность прочтения. Центральной, узловой фигурой понимания здесь становится Читатель, а не Автор. Смещение центра диалога-понимания в сторону интерпретанта, приводит в конце концов к крайностям абсурда, приемлемым в игре, когда разрушение привычного смысла становится самоцелью, но не в жизни. Творческое, смыслопорождающее начало текста все-таки остается за автором, хотя, когда сочиняют, думают и о читателе. «Любой текст представляет собой внутренне диалогическую структуру, ибо содержит в себе как явные, так и подразумеваемые апелляции к одним авторам, направлен против взглядов других, опирается на известные факты и положения или подвергает их сомнению. Не диалогичный текст, если бы он был возможен, воспринимался бы или как полностью лишенный смысла, или как таковой, которому может быть приписан любой смысл, что практически одно и то же» [Гусев, Тульчинский, 1985, с.79].

Итак, ориентации на сотворенную действительность, на жанровую композицию и на адресата формируют смысловую композицию текста.

Понимание как диалог и его кристаллизация в тексте. Мысль может быть о мире, когда он предстоит субъекту, и это есть акт познания. Картинка рационалистической философии: чем эфемернее субъект, чем он меньше занимает пространства, тем точнее акт познания. Но мысль может ощущать себя в мире и как часть его. И такое со-бытие должно пониматься. Смысл не может менять физические, материальные явления, он не может действовать как материальная сила. Но смысл «меняет тотальный смысл события и действительности, не меняя ни йоты в их действительном (бытийном) составе, все остается, как было, но приобретает совершенно иной смысл (смысловое преображение бытия). Каждое слово текста преображается в новом контексте» [Бахтин, 1979: 367]. Понимание же рождается из коммуникативной согласованности взаимодействующих субъектов. Поэтому понимание есть акт встраивания субъекта в культурный контекст взаимодействий. Без взаимопонимания не бывает понимания: не только я должен понимать, но и меня должны понять. Смысл всегда диалогичен. Результат понимания – смыслы –

кристаллизуются в текстах. Если мы не понимаем что-либо, то возвращаем текст адресату со словами: «если я вас правильно понял, то вы имели в виду следующее», и далее следует пересказ текста. Текст (смысл) живет только соприкасаясь с другими текстами (смыслами). Понимание и есть соотнесение с другими текстами и переосмысление в новом контексте: в настоящем, прошлом или будущем. М. Бахтин это фиксировал как этапы диалогического движения *понимания*: «исходная точка – данный текст, движение назад – прошлые контексты, движение вперед – предвосхищение (и начало) будущего контекста» [Бахтин, 1979, с. 364]. В этом диалогическом движении происходит постепенное забывание авторов – чужие слова становятся анонимными. Они присваиваются в переработанном виде как знания. Диалог кристаллизуется в монологизме «своих-чужих слов», отлитых в тексты.

Процесс монологизации имеет очень важную функцию: он выстраивает внутренний план сознания, индивидуального сознания. Без него индивид не смог бы работать во внутреннем плане, он весь оставался бы вовне, в ситуации реального взаимодействия, был бы всего лишь объектом коммуникации.

А далее, монологизированное сознание как единое целое (если оно было так оформлено) вступает в новые диалоги уже с новыми внешними чужими голосами. «Монологизированное творческое сознание часто объединяет и персонифицирует чужие слова, ставшие анонимными чужие голоса в особые символы: «голос самой жизни», «голос природы», «голос народа», «голос бога» и т.п. Роль в этом процессе *авторитетного слова*, которое обычно не утрачивает своего носителя, не становится анонимным» [Бахтин, 1979, с. 366].

Итак, чтобы процесс понимания был запущен, необходимо непонимание текста, текста как посредника коммуникативного соприсутствия в мире.

Третий в диалоге. Опосредованность диалога целью, задачами и ценностями с необходимостью ведет к присутствию третьего в диалогическом противостоянии. Диалог есть драма, в которой участвуют три персонажа. Каждый диалог происходит как бы на фоне ответного понимания незримо присутствующего третьего, стоящего над всеми участниками диалога. Этот третий есть залог того, что участники диалога непременно смогут понять друг друга, найти общее в осмыслении проблемы.

Само понимание входит как диалогический момент в диалогическую систему и меняет ее тотальный смысл. Понимающий неизбежно

становится *третьим в* диалоге (конечно, не в арифметическом смысле, ибо участников понимаемого диалога кроме третьего может быть неограниченное количество), но диалогическая позиция этого третьего — совершенно особая позиция. Всякое высказывание всегда имеет адресата, ответное понимание которого автор речевого произведения ищет и предвосхищает.

Но кроме этого адресата (второго) автор высказывания с большей или меньшей осознанностью предполагает высшего *нададресата* (третьего), абсолютно справедливое ответное понимание которого предполагается либо в метафизической дали, либо в далеком историческом времени. Автор никогда не может отдать всего себя и все свое речевое произведение на полную и *окончательную* волю наличным или близким адресатам и всегда предполагает (с большей или меньшей осознанностью) какую-то высшую инстанцию ответного понимания, которая может отодвигаться в разных направлениях.

«Указанный третий вовсе не является чем-то мистическим или метафизическим (хотя при определенном миропонимании и может получить подобное выражение) – это конститутивный момент целого высказывания, который при более глубоком анализе может быть в нем обнаружен. Это вытекает из природы слова, которое всегда хочет быть *услышанным,* всегда ищет ответного понимания и не останавливается на *ближайшем* понимании, а пробивается все дальше и дальше (неограниченно). Для слова (а, следовательно, для человека) нет ничего страшнее *безответности.* Даже заведомо ложное слово не бывает абсолютно ложным и всегда предполагает инстанцию, которая поймет и оправдает, хотя бы в форме: «всякий *на моем месте* солгал бы также»» [Бахтин, 1979, с. 306].

Включение третьего позволяет анализировать различные схемы подхода к *Другому*, предполагающие разные тропы, каждый со своей хронотопической насыщенностью, со своей осцилляцией и потенциалом. Феликс Пепицци в работе «Критический дискурс: пять типов диалога» предложил классификацию диалогических форм, основанную на антропологических моделях взаимодействия. Согласно его подходу, существуют две основные антропологические модели отношения к другому человеку:

Коммуникация – предполагает равноправие участников и взаимодействие.

Одаривание – монологичный подход, при котором одна сторона игнорирует или вытесняет противоположную позицию.

В лингвистическом аспекте это соотносится с диалогом как формой равноправного взаимодействия и монологом, который направлен не на взаимодействие, а на подавление иной точки зрения. В этом случае можно выделить типы диалога, включая случаи не-диалога. К этим типам относятся: логический, этический, эстетический, пародирующий и антитетический диалог [Пепицци, 1996, с. 90–91]. Разница между типами диалога основана на анализе трех элементов, вовлеченных в диалогическую игру – я, ты, третий участник (им может быть Закон, Разум, Совесть, Норма и т.д.). В действительности любая конфигурация этих трех элементов создает облик того или иного конкретного метатропа. Взаимная несоизмеримость «Я» и «Другого» может переакцентироваться как на Я, так и на Другого. Главное, что в основании диалога остается интерес и необходимость Другого как способа Я-бытия. Из этого основания: взаимоотношения двух субъектов диалога, отношения содержательного, текстового вырастает еще одна классификация, столь необходимая для характеристики диалога по сути. В акте «понимания» феноменального мира взгляд не остается внутри какой-либо сущности, но решительно выводится вовне. Точнее он движется в разных направлениях как извне-наружу, так и обратно. Из этого движения выстраивается архитектоника отношений Я-*Другой.*

Суть подхода заключается в том, что каждый тип диалога отражает определённую ценностную, смысловую или функциональную установку, которая формируется в рамках коммуникативного взаимодействия. Эти установки связаны с ролью «третьего элемента» – абстрактного или конкретного носителя определённых норм, принципов или идей, который влияет на ход и характер диалога.

Поясним на примере. Кто не читал сказку про Курочку Рябу?!

Жили-были дед да баба. И была у них Курочка Ряба.

Снесла курочка яичко, да не простое – золотое.

Дед бил – не разбил. Баба била – не разбила. А мышка бежала, хвостиком махнула, яичко упало и разбилось. Плачет дед, плачет баба и говорит им Курочка Ряба:

– Не плачь, дед, не плачь, баба: снесу вам новое яичко не золотое, а простое!..

С повседневной, бытовой точки зрения история абсурдна. Дед с бабкой пытались разбить яйцо, а когда его разбила мышь они стали плакать по этому поводу. Да и утешение Курочки Рябы так себе с точки зрения здравого смысла: снести простое яйцо вместо золотого явно не равноценная замена. А вот с этической позиции смысл сказки может быть

понят как урок о том, что нужно правильно распоряжаться богатством: неожиданное появление благ может быстро исчезнуть, лучше иметь стабильный небольшой достаток. Старики радуются обычному яйцу, и на этом сказка заканчивается. Существуют версии, созданные Константином Ушинским и Александром Афанасьевым, а также интерпретации, связанные с психологическим анализом.

Таким образом, классификация позволяет анализировать диалог не только с точки зрения формальной структуры обмена репликами, но и через призму более глубоких смысловых и ценностных измерений, которые задаёт «третий участник». Это даёт возможность глубже понять природу коммуникативного взаимодействия и его роль в культуре, искусстве, философии.

Заключение. Третий в понимании – это точка отсчета. По отношению к нему мы упорядочиваем наше понимание. Это может быть некто внешний, как у Бахтина, и это может быть текст с его нулевой точкой смысла.

Текст в психосемиотической парадигме рассматривается как знак с собственным содержанием. При этом содержание формируется с опорой на три текстовых пространства: бытийного, мыслительного и коммуникативного. В каждом из этих пространственно-временных единств (хронотопов) текст расслаивается на смыслы. Фокусировка смысла может происходить в сюжете бытия, в типологическом поле понятия или же в жанрово-языковой определенности. В каждом фокусе смысл ориентирован либо на сконструированную реальность, либо на другие тексты, либо на партнера по общению [Никитина, 2016]. У каждого смысла есть предел, отделяющий его от другого смысла и задающий границы понимания (интерпретации) через соотнесения со знаковыми составляющими самого текста. Иначе, текст в качестве субъекта, задает границы или нормы понимания, контролируя через свои составляющие понимательные процедуры.

Принципиально важно, что текст гетерогенен с точки зрения смысловой организации, образуя смысловое поле текста. Через зазор между содержанием и смыслами текста субъект выходит в рефлексивную позицию относительно своего понимания. Осознание себя понимающим направляет человека к изучению процедур понимания. У понимающего человека появляется диалогический взгляд на способы взаимодействий.

Литература

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., Искусство, 1979. 424 с.

Гусев С.С., Тульчинский Г.Л. Проблема понимания в философии: Философско-гносеологический анализ. М.: Политиздат, 1985. 192 с.

Кэррол Л. Алиса в стране чудес / пер. с англ. Н. М. Демуровой; стихи в пер. С. Я. Маршака, Д. Г. Орловской и О. И. Седаков; ком. М. Гарднера. 2-е стереотип. изд. М.: Наука, 1991. 370 с.

Монтень М. О трех видах общения // Мишель Монтень. Опыты. В трех книгах. Книга третья. М.: Наука, 1979. С. 32–43.

Никитина Е. С. Смысловой анализ текста: психосемиотический подход. М.: Ленанд, 2016. 200 с.

Пепицци Ф. Критический дискурс. Пять типов диалога» / пер. Г.Н. Шелогуровой // Риторика. 1996. № 1 (3). С. 91.

Umberto Eco. Interpretation and Overinterpretation: World, History, Texts. The Tanner Lectures on Human Values. Delivered at Clare Hall, Cambridge University March 7 and 8, 1990.

References

Bakhtin M.M. The Aesthetics of Verbal Creativity. Moscow, “Iskusstvo”, 1979. 424 p.

Gusev S.S., Tulchinsky G.L. The Problem of Understanding in Philosophy: A Philosophical and Epistemological Analysis. Moscow, “Politizdat”, 1985. 192 p.

Carroll L. Alice’s Adventures in Wonderland. Translated by N. M. Demurova. Poems in translations by S. Ya. Marshak, D. G. Orlovskaya, and O. I. Sedakov. Commentary by Martin Gardner. 2nd edition, reprinted. Moscow: Nauka, 1991. 370 p.

Montaigne M. On Three Types of Communication//Michel de Montaigne. Essays. In three books. Book Three. Moscow: Nauka, 1979. Pp. 32–43.

Nikitina E. S. Semantic Analysis of Text: A Psychosemiotic Approach. Moscow: Lenand, 2016. 200 p.

Pepizzini F. Critical Discourse. Five Types of Dialogue / translated by G.N. Shelogurova // Rhetoric. 1996. No. 1(3). P. 91.

Канд. филос. наук А.А. Осьмушина (Саранск)
98761985@mail.ru

ПОНЯТИЯ *ПРОГРЕСС*, *РАЗВИТИЕ* И *РОСТ* В РУССКОЙ, ЗАПАДНОЙ, КИТАЙСКОЙ И ЯПОНСКОЙ ЛИНГВОФИЛОСОФСКИХ ТРАДИЦИЯХ

Аннотация. Русское и иноязычное содержание понятий ***прогресс***, ***развитие*** и ***рост*** не совпадают по семантическому объему. В статье на материале русского, английского, немецкого, китайского и японского языков анализируются философские и семантические различия указанных понятий. Выявлено, что русская традиция сохраняет телеологический оттенок (энтелехия Аристотеля) и этическую нагруженность понятия *развитие*, отсутствующие в западных языках. Китайская традиция мыслит прогресс циклически (возвращение к порядку), японская – как антиномию внешнего движения и внутреннего углубления. Делается вывод о языковом направлении внимания как механизме формирования различий в культурных моделях прогресса.

Ключевые слова: прогресс, развитие, рост, лингвистическая относительность.

Candidate of Philosophy A.A. Osmushina (Saransk)
98761985@mail.ru

CONCEPTS OF PROGRESS, DEVELOPMENT AND GROWTH IN THE RUSSIAN, WESTERN, CHINESE AND JAPANESE LINGUISTIC AND PHILOSOPHICAL TRADITIONS

Abstract. The Russian and foreign-language content of the concepts of progress, development, and growth do not coincide in terms of semantic scope. This article analyzes the philosophical and semantic differences between these concepts using the Russian, English, German, Chinese, and Japanese languages. It is revealed that the Russian tradition retains the teleological aspect (Aristotle's entelechy) and the ethical load of the concept of development, which are absent in Western languages. The Chinese tradition views progress cyclically as return to order, while the Japanese tradition sees it as an antinomy of external movement and internal deepening. It is concluded that linguistic direction of attention is a mechanism for forming differences in cultural models of progress.

Keywords: progress, development, growth, linguistic relativity.

Понятия ***прогресс***, ***развитие*** и ***рост*** в европейских языках часто используются как синонимы или взаимозаменяемые термины. Однако лингвофилософский анализ показывает, что за каждым из этих слов стоит уникальная концептуальная история, а в разных культурах эти понятия приобретают несводимые друг к другу смыслы. Перевод русской фразы *развитая личность* на английский как ‘developed personality’ приводит к смысловому сдвигу: для носителя английского языка это выражение ассоциируется с функциональными компетенциями и тренингами, тогда как в русском контексте речь идет о духовной глубине, нравственной рефлексии и способности к страданию.

Цель настоящего исследования – выявить и сопоставить семантические и философские основания понятий прогресса, развития и роста в четырех культурных традициях: русской, западноевропейской (на материале английского и немецкого языков), восточноазиатской (китайской и японской).

Методология работы основана на теории лингвистической относительности (Э. Сепир, Б. Уорф): язык направляет внимание, но не детерминирует мышление, с включением понятия «внутренней формы слова» (А.А. Потебня); используется метод концептуального анализа философских текстов и языковых номинаций.

Изучая семантику ключевых слов, заметим, что в русском языке три слова образуют смысловое поле с четкими границами. *Рост* – количественное увеличение (высота, вес, валовой внутренний продукт). Этимологически связано с глаголами «расти», «выращивать», что по сути представляет собой биологическую метонимию без этической окраски. *Развитие* – качественное, внутреннее изменение, раскрытие потенций. Этимологически восходит к ‘*витие*’ (от ‘вить’, ‘свивать’), формируя образ развертывания того, что уже заложено внутри, т.е. в слове закреплена презумпция телеологии: у развития есть цель, заложенная в самой сущности объекта. Прогресс – заимствование из латыни (*progressus* ‘движение вперед’). В русском языке XIX–XX вв. слово приобрело этическую окраску. Прогресс стал требовать нравственной оценки: возможен ли технический прогресс без духовного? Не является ли прогресс на самом деле регрессом?

Ключевое различие, отсутствующее в английском языке: в русском развитие не сводится к прогрессу. Духовное развитие возможно без технического прогресса, и, напротив, технический прогресс может сопровождаться регрессом в нравственной сфере.

Обращаясь к философским основаниям, отметим, что русская философская традиция (В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, С.Н. Булгаков) развила понятие развития как духовного становления, противопоставленного западному линейному прогрессу. Прогресс, по В. С. Соловьеву, возможен только как духовный; материальный прогресс без нравственного стержня ведёт к катастрофе [Соловьев, 2000].

Н. А. Бердяев утверждал, что технический прогресс без внутреннего преображения человека неизбежно ведет к рабству. Человек, победивший природу, становится рабом машин. Настоящий прогресс, с точки зрения Н.А. Бердяева, заключается не в накоплении вещей, а в творчестве и свободе духа [Бердяев, 1990].

С. Л. Франк и С. Н. Булгаков добавляли: прогресс нельзя измерять количеством фабрик и университетов. Критерием должно быть приближение к Абсолюту, к идеалу любви и справедливости [Франк, 1992; Булгаков, 1993].

Таким образом, в русской философской традиции прогресс без нравственного развития квалифицируется как регресс. Подлинное движение вперед может требовать отступления от внешнего технического развития во внутреннюю, духовную жизнь.

В русском языке закреплено понимание развитой личности в смысловом поле глубины, культуры, рефлексии, тогда как носитель английского языка, переводя *развитая личность* как ‘developed personality’, невольно сдвигает смысл в сторону функциональной компетентности (тренинг, навыки). Это различие восходит к аристотелевскому понятию энтелехии – актуализации внутренней формы. Желудь развивается в дуб, яйцо – в курицу, человек – в добродетельного гражданина [Аристотель, 1976]. Русский язык сохранил этот телеологический оттенок; английское *development* его не имеет.

Обратимся к семантике исследуемых слов в английском языке. *Growth* – количественный рост (биологический, экономический). *Development* – функциональное улучшение, раскрытие потенциала (чаще техническое или инфраструктурное). Может применяться к бактерии, жилому району, навыкам работы в электронных таблицах и личности без различения уровней. *Progress* – линейное движение вперед, кумулятивное улучшение с прагматичной, позитивной коннотацией.

Таким образом, в английском отсутствует лексема, которая несла бы этическую нагрузку духовного развития: *development* техничен, *progress* линеен.

Что же в немецком языке?

Fortschritt указывает на процесс развития общества в целом, на системные сдвиги. Отсюда *Fortschrittsbericht* (‘отчёт о прогрессе’). *Entwicklung* – развитие как развертывание (близко к русскому *развитие*, но без этической нагруженности). *Wachstum* – рост.

Западная философия создала классическую модель линейного прогресса в эпоху Просвещения: прогресс неумолим, бесконечен, движим разумом и наукой [Кондорсе, 1936; Тюрго, 1937].

И. Кант встроил прогресс в этику как регулятивную идею: человечество должно действовать так, как будто прогресс возможен в направлении вечного мира и всеобщего гражданского состояния [Кант, 1966].

Г. В. Ф. Гегель дал наиболее развернутую версию: всемирная история – это прогресс в сознании свободы. Каждый народ выступает ступенью на пути Абсолютного Духа. Расплатой за этот прогресс становятся страдания и даже преступления [Гегель, 2000].

К. Маркс материализовал гегелевскую схему: смена общественно-экономических формаций ведет к коммунизму – окончательному прогрессу, где человек освобождается от отчуждения [Маркс, 1974].

XX в. разбил веру в прогресс. Освенцим, ГУЛАГ, мировые войны показали: прогресс может оборачиваться варварством. В. Беньямин перевернул оптику, рассматривая прогресс как шторм, который дует из рая, а подлинная история пишется на стороне побежденных, а не победителей [Беньямин, 1997].

Такова западная трактовка исследуемых понятий. Обратимся теперь к восточной. Современное китайское слово 进步 (*jìnbù*) представляет собой заимствование конца XIX в. – кальку с японского *shinpo*, которое, в свою очередь, является переводом западного ‘progress’. Зачем понадобилось заимствовать слово? В традиционном китайском языке не существовало линейного понятия прогресса. Время мыслилось циклически через династийные циклы: расцвет, упадок, обновление. Идеал находился не в будущем, а в далеком прошлом – в «золотом веке» совершенномудрых правителей [M. Гране, 2008]. Поэтому 进步 до сих пор ощущается как «внешнее» понятие, связанное с модернизацией и технологиями. Исконно китайское отношение к истории – это не движение в неизведанное, а возвращение к правильному порядку, восстановление утраченной гармонии.

Традиционная философия Китая (конфуцианство, даосизм) не развивала западной идеи прогресса, но утверждала следование ритуалу и

мудрости предков [Лунь юй, 2004]. Даосизм оценивает прогресс как удаление от Дао: подлинное движение подразумевает возврат к простоте, к естественности, тогда как технические новшества вызывают подозрение [Лао-цзы, 2001].

Современная китайская официальная идеология сочетает марксистский прогресс (строительство социализма, движение к коммунизму) с идеей великого возрождения китайской нации. В этом гибриде прогресс понимается как возвращение Китая на исторически причитающееся ему первое место в мире.

В свою очередь японские слова *進歩* (‘shinpo’) и *退歩* (‘taiho’) были созданы в эпоху Мэйдзи (конец XIX в.) для перевода западных понятий *progress* и *regress*. Однако классическая японская буддийская психология различает *shinpo* – ‘движение вовне, озабоченность объектами, материальными вещами, сиюминутными целями’ и *taiho* – ‘движение вовнутрь, обращение к своему «я», к глубинным переживаниям’ [Нисида, 2011]. В этой оптике регресс оказывается путем к мудрости: отказ от суетной гонки за благами открывает возможность просветления. В 1970-е гг., после японского «экономического чуда», вышли бестселлеры вроде «Давайте учиться регрессу!» [T. Tanaka, 1978], призывавшие искать счастье не в росте валового внутреннего продукта, а в возвращении к традиционной духовности.

К. Нисида, основатель Киотской школы, пытался соединить дзэн-буддизм с западной философией. Прогресс для него – не линейное движение, а самоуглубление, которое открывает абсолютную пустоту как истинную реальность. Внешний прогресс (экономический, технологический) оправдан только как средство для внутреннего освобождения [К. Нисида, 2011].

М. Маруяма, историк идей, показал, что современный японский прогресс представляет собой сложный гибрид: заимствование западных технологий происходит при сохранении традиционных структур мышления. Япония, по его мнению, продемонстрировала, что можно интенсивно развиваться технически и при этом не терять (а иногда и укреплять) культурную идентичность [Маруяма, 2001].

Объединим полученные результаты исследования в сопоставительной таблице 1.

Таблица 1

Сопоставление понятий ***рост***, ***развитие***, ***прогресс*** в четырех традициях

Традиция	Рост	Развитие	Прогресс	Специфика
Русская	количественный	качественное, духовное, телеологическое (энтелехия)	этическая коннотация, может быть регрессом	противопоставление технического и духовного
Западная	Количественный	функциональное улучшение	линейное, кумулятивное, прагматичное	вера в прогресс → кризис веры в XX в.
Китайская	—	возвращение к порядку, циклическое	заимствованное понятие	гибрид марксистской линейности и конфуцианской цикличности
Японская	—	*shinpo* (‘вовне’), *taiho* (‘вовнутрь’)	внешняя суета	регресс как путь к мудрости

Заключение

Выполненное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Содержание изучаемых категорий в разных языках и культурах не универсально.

Русское различение содержания роста, развития и прогресса не имеет прямых аналогов в английском языке. Носитель английского языка объединяет русское ‘развитие личности’ и ‘развитие инфраструктуры’ в одном слове *development*, теряя качественное различие между духовным и техническим. Русская традиция сохраняет аристотелевско-гегельянский телеологизм. Развитие понимается как раскрытие внутренней сущности, часто через страдание и преодоление противоречий. Западный прогресс концептуализируется как кумулятивное улучшение. Современная китайская традиция объединяет линейность технологического прогресса и традиционную цикличность исторического развития. Японская традиция предлагает наиболее радикальную инверсию: подлинный путь – регресс в глубины собственного «я».

Разница в лексике фиксирует различные аспекты реальности, на которые язык побуждает обращать внимание. Понимание этих различий, в свою очередь, имеет практическое значение. В международных проектах, педагогике и межкультурной коммуникации несовпадение изучаемых понятий может приводить к непониманию. Дальнейшие

исследования могут быть направлены на экспериментальную проверку гипотезы о том, что носители разных языков по-разному оценивают социальные и технологические изменения в зависимости от лингвокультурного и лингвофилософского содержания концептов ***прогресс***, ***развитие*** и ***рост*** в их языках.

Литература

Аристотель. О душе // Аристотель. Сочинения в 4 т. М.: Мысль, 1976. Т. 1. С. 371–448.

Беньямин В. О понятии истории // Новое литературное обозрение. 1997. № 23. С. 70–81.

Бердяев Н.А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 175 с.

Булгаков С.Н. Свет Невечерний. М.: Республика, 1993. 415 с.

Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 2000. 480 с.

Гране М. Китайская мысль. М.: Республика, 2008. 526 с.

Кант, И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // И. Кант. Сочинения в 6 т. М.: Мысль, 1966. Т. 6. С. 5–24.

Кондорсе Ж.А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума / Ж.А. Кондорсе; пер. с фр. И.А. Шапиро. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1936. 265 с.

Лао-цзы. Дао Дэ цзин. М.: Феникс, 2001. 288 с.

Лунь юй / Изречения Конфуция. М.: Восточная литература, 2004. 431 с.

Маруяма, М. Сознание и сущность японской культуры. М.: Муравей, 2001. 227 с.

Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. М.: Политиздат, 1974. Т. 42. С. 41–174.

Нисида К. Исследование блага. СПб.: Наука, 2011. 248 с.

Потебня А.А. Мысль и язык. М.: Лабиринт, 1999. 268 с.

Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве. СПб.: Азбука, 2000. 384 с.

Тюрго А.Р.Ж. Избранные философские произведения / А.Р.Ж. Тюрго; пер. с фр. И.А. Шапиро. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. 200 с.

Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. 511 с.

Tanaka T. Let’s Learn Regression! Tokyo: Kobunsha, 1978. 203 p.

References

Aristotle. On the Soul // Aristotle. Works in 4 vols. M.: Mysl, 1976. Vol. 1. Pp. 371–448.

Benjamin V. On the Concept of History // New Literary Review. 1997. No. 23. Pp. 70–81.

Berdyaev N.A. The Meaning of History. Moscow: Mysl, 1990. 175 p.

Bulgakov S.N. The Evening Light. Moscow: Respublika, 1993. 415 p.

Hegel G.W.F. Lectures on the Philosophy of History. St. Petersburg: Nauka, 2000. 480 p.

Granet M. Chinese Thought. Moscow: Respublika, 2008. 526 p.

Kant I. The Idea of Universal History in the World-Civil Plan // I. Kant. Works in 6 volumes. Moscow: Mysl, 1966. Vol. 6. Pp. 5–24.

Condorcet J.A. Sketch of a Historical Picture of the Progress of the Human Mind / translated from French by I.A. Shapiro. Moscow: State Social and Economic Publishing House, 1936. 265 p.

Lao Tzu. Tao Te Ching. Moscow: Phoenix, 2001. 288 p.

Lun Yu / The Sayings of Confucius. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2004. 431 p.

Maruyama M. Consciousness and the Essence of Japanese Culture. Moscow: Muravey, 2001. 227 p.

Marx K. Economic and Philosophical Manuscripts of 1844 // K. Marx, F. Engels. Works. 2nd ed. M.: Politizdat, 1974. Vol. 42. Pp. 41–174.

Nishida K. The Study of the Good. St. Petersburg: Nauka, 2011. 248 p.

Potebnya A.A. Thought and Language. Moscow: Labyrinth, 1999. 268 p.

Solovyov V.S. Readings on God-Manhood. St. Petersburg: Azbuka, 2000. 384 p.

Turgot A.R.J. Selected Philosophical Works / translated from French by I.A. Shapiro. Moscow: State Social and Economic Publishing House, 1937. 200 p.

Frank S.L. The Spiritual Foundations of Society. Moscow: Respublika, 1992. 511 p.

Tanaka T. Let’s Learn Regression! Tokyo: Kobunsha, 1978. 203 p.

Канд. филол. наук С.А. Прямухина (Покров)
sveta-pr@bk.ru

КАЛЬКИРОВАНИЕ КАК КОГНИТИВНО-ЯЗЫКОВОЙ ФЕНОМЕН (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКО-РУССКИХ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ XVIII–XIX ВВ.)

Аннотация. В статье на материале существительных *наглядность* и *начитанность* рассматривается процесс словообразовательного калькирования как особый тип лексического заимствования, занимающий промежуточное положение между переводом и прямой трансляцией иноязычной единицы. Устанавливается, что семантическая эволюция данных лексем непосредственно связана с изменением когнитивных установок эпохи: становлением педагогической парадигмы наглядности и формированием категории «книжной образованности». Делается вывод о том, что кальки представляют собой результат сложной когнитивной операции по интерпретации чужого понятийного содержания средствами родного языка.

Ключевые слова: калькирование, словообразовательные кальки, языковые контакты, сопоставительный анализ, немецкий язык, русский язык.

Candidate of Psychological Sciences S.A. Pryamukhina (Pokrov)
sveta-pr@bk.ru

CALQUING AS A COGNITIVE-LINGUISTIC PHENOMENON (BASED ON GERMAN-RUSSIAN LANGUAGE CONTACTS IN THE 18TH–19TH CENTURIES)

Abstract. The article examines the process of derivational calquing as a special type of lexical borrowing, using the Russian nouns *naglyadnost'* (visual clarity) and *nachitannost'* (bookish erudition) as case studies. This type of borrowing is shown to occupy an intermediate position between translation and direct transfer of a foreign-language unit. It is established that the semantic evolution of these lexemes is directly linked to changes in the cognitive orientations of the era: the formation of the pedagogical paradigm of visual instruction and the emergence of the category of "bookish erudition." It is concluded that calques represent the result of a complex cognitive operation involving the interpretation of foreign conceptual content through the means of the native language.

Keywords: calquing, derivational calques, language contact, contrastive analysis, German language, Russian language

Проблема взаимодействия языков в процессе их контактирования неизменно остается в центре внимания лингвистики, так как именно через заимствование наиболее отчетливо проявляются механизмы адаптации нового понятийного материала в системе языка-реципиента. Среди разнообразных типов лексической интерференции особое место занимает калькирование – способ пополнения словарного состава, при котором заимствуется словообразовательная модель или семантическая структура иноязычного образца [Арапова, 2000].

В данной статье на примере отвлеченных русских существительных *наглядность* и *начитанность* предпринята попытка продемонстрировать, как словообразовательное калькирование с немецкого языка в конце XVIII – первой половине XIX в. отражает новшества в лексическом составе языка и сдвиги в интеллектуальной культуре контактирующих народов, связанные с педагогическим просвещением и ростом авторитета книжного знания.

Материалом исследования послужили памятники литературы и публицистики конца XVIII – первой половины XIX в., труды педагогов и философов (А.И. Галича, А.Г. Ободовского, В.Г. Белинского, Н.В. Гоголя, И.Г. Песталоцци), переводные словари (И.Х. Аделунга, И.А. Гейма, Ф. Рейфа, И.Я. Павловского), толковые словари (Словарь Академии Российской, Словарь церковно-славянского и русского языка, Словарь В.И. Даля), работы историков языка (В.В. Виноградова, Н.С. Араповой).

Принципиальная значимость калькирования для теории языка заключается в том, что оно демонстрирует активную роль принимающего языка, который перестраивает чужой элемент по своим внутренним законам. В этом смысле калька – это продукт двойного кодирования: она сохраняет отсылку к источнику (ее внутренняя форма мотивирована иноязычным оригиналом) и одновременно встраивается в систему родного языка через собственные словообразовательные средства. Эта двойственность порождает «промежуточный» статус калькированных единиц между исконной и заимствованной лексикой. Она отражает фундаментальный когнитивный процесс – перевод одного понятийного содержания в иную языковую форму, требующий от носителя языка осмысленного соотнесения чужого концепта с уже имеющимися категориями [Виноградов, 1994].

С точки зрения морфологической базы при калькировании приоритетную роль играет основа слова. Через нее осуществляется интерпретация исходной лексемы. Аффиксы подбираются по аналогии с уже существующими в языке-реципиенте деривационными типами. В слове *наглядность* корень *-гляд-* с приставкой *на-* связывает новое абстрактное значение с глаголом *наглядеться* и существительным *наглядка*; в слове *начитанность* корень *-чит-* с приставкой *на-* – с глаголом *начитаться* и прилагательным *начитанный*. Таким образом, семантика этих калькированных единиц оказывается «привязанной» к уже освоенным лексемам, что облегчает их восприятие и употребление, даже если само понятие является новым. При этом калькирование выходит за рамки собственно лексикологии, затрагивая механизмы порождения и понимания речи и активируя тем самым метаязыковую рефлексию реципиента.

Происхождение прилагательного *наглядный*, восходит к исконно русскому глаголу *наглядеться* в значении ‘насмотреться, испытать, научиться, приобресть сведение о чем’, и существительному *наглядка* ‘способность делать что, получаемая от рассматривания или от частого примечания’ [САР, 1790, ч. 2, стб. 103]. В академическом Словаре (1789–1894) слова *наглядный* и *наглядность* еще не зафиксированы. Однако уже в 30-х гг. XIX в. они появляются в философско-педагогических трудах. А.И. Галич использует *наглядность* как синоним ясности мышления [Галич, 1834, с. 187]. А.Г. Ободовский применяет словосочетания *чувственная наглядность, наглядность познания, средства наглядности* [Ободовский, 1837, с. 15, 30, 118]. В немецком аутентичном тексте им соответствуют *anschauliche Erkenntniß*, *anschauende Erkenntniß, Anschauung* [Niemeier, 1818, S. 99, 100].

Непосредственным образцом для этих русских лексем послужило немецкое *Anschaulichkeit* ‘наглядность как качество’ (реже – *Anschauung* ‘созерцание, представление’ в терминологическом значении), восходящие к глаголу *anschauen* ‘взирать, созерцать’ (корень *-schau-‘смотреть, видеть’*) и прилагательному *anschaulich* ‘наглядный, зримый’. По данным словаря И.Х. Аделунга *anschaulich* и *Anschaulichkeit* к концу XVIII в. еще не имели устойчивых русских эквивалентов, здесь представлены лишь толкования данных лексем [Adelung, 1793, Th. 1, S. 354] без русских соответствий.

Переводные словари фиксируют русское прилагательное *наглядный* на рубеже 1820-1830-х гг. [Гейм, 1826, т. 2, с. 487], однако только в первом значении ‘такой, на которого можно было легко наглядеться’ [Рейф, 1844,

ч. 1, с. 327]. Лишь к середине века закрепляется новое педагогическое значение – ‘приобретаемый наглядкою’ [СЦСРЯ, 1847, т. 2, с. 356], ‘усвоенный наглядкою; опытный, практический, ясный, понятный, вразумительный’ [Даль, 1865, ч. 2, с. 985].

Существительное *наглядность* появляется позже прилагательного. Первая фиксация – в словаре И.Я. Павловского: *‘Наглядный, anschaulich; наглядное обучение der Unterricht durch lebendige Anschauung; наглядное учение die Anschauungslehre. Наглядность, die Anschaulichkeit’* [Павловский, 1859, с. 332]. В 1830-1850-х гг. его активно используют В.Г. Белинский (как свойство литературного таланта и как педагогический принцип), Н.В. Гоголь, Н.Т. Костырь. Семантика лексемы расширяется от конкретной способности «рассматривать» до универсального принципа познания, что коррелирует с идеями И.Г. Песталоцци о чувственной основе обучения.

Структурный анализ показывает, что русская словообразовательная модель *на-гляд-н-ость* полностью повторяет немецкую *An-schau-lich-keit*. Однако есть и расхождение: немецкое *Anschaulichkeit* образовано от прилагательного *anschaulich*, которое, в свою очередь, – от глагола *anschauen*, тогда как русское восходит к существительному *наглядка*, обозначающему навык [Виноградов, 1994, с. 342–344]. Тем не менее в синхроническом плане эта связь воспринимается как прозрачная, что позволило слову «прижиться». Важно, что в некоторых переводах И. Канта и И.Г. Песталоцци немецкое *Anschauung* передавалось также как *воззрение, наблюдение*, но именно вариант *наглядность* оказался наиболее жизнеспособным в педагогическом дискурсе.

Немецкое причастие *belesen* ‘начитанный’ (от глагола *lesen* ‘читать’) фиксируется с конца XVI в., а существительное *Belesenheit* – с 70-х гг. XVII в. В переводных словарях XVIII в. *belesen* передается на русский язык описательно *‘много книг читал’* [Вейсман, 1731, с. 77], а *Belesenheit* – как *‘книгочетство’* или *‘многочетство’* [Аделунг, 1798, с. 229], что можно расценить как попытки найти исконные эквиваленты, которые, однако, не закрепились.

В русских академических словарях конца XVIII – начала XIX в. не зафиксированы лексемы *начитанность*, *начитанный*, лишь глагол *начитаться* в двух значениях: «1) Довольно читать. 2) Чрез многое чтение обресть знание, сведение» [САР, 1814, ч. 3, стб. 1268].

Первые употребления прилагательного *начитанный* и существительного *начитанность* в текстах относится к 1820–1830-м гг. Особый интерес представляет полемика, развернувшаяся вокруг этих

неологизмов. А.С. Шишков критикует Н.М. Карамзина за употребление слова *начитанность*, считая его искусственным и чуждым русскому духу, хотя еще в 1803 г. П.И. Макаров сетует на отсутствие этого новообразования в словарях [Виноградов, 1994, с. 360–362].

В 1820-е гг. слово *начитанность* появляется в письмах В.Ф. Одоевского В.К. Кюхельбекеру [Одоевский, 1824, с. 2]; в журналах «Сын Отечества», «Отечественные записки», «Московский телеграф». Прилагательное *начитанный* широко используется И.И. Панаевым в 1840-1850 гг. [Панаев, 1912, т. 3, с. 1, 403]. К середине XIX в. обе лексические единицы зафиксированы в Словаря церковно-славянского и русского языка [СЦСРЯ, 1847, т. 2, с. 422] и в словаре В.И. Даля» [Даль, 1863, ч. 2, стб. 1083]. Переводные словари И.А. Шмидта и Ф. Рейфа дают четкие русско-немецкие соответствия [Schmidt, 1844, Th. 1, S. 213; Schmidt, 1844, Th. 2, S. 64; Рейф, 1844, ч. 1, с. 347].

Словообразовательная калька структурно близка к оригиналу: немецкое *be-les-en* и *Be-les-en-heit* соотносятся с русскими *на-чит-а-нн-ый* и *на-чит-а-нн-ость*. Однако, как отмечает В.В. Виноградов, в русском языке *начитанный* – это не страдательное причастие от глагола *начитать*, а отглагольное прилагательное, закрепившееся именно в качественном значении ‘много читавший, сведущий’ [Виноградов, 1994, с. 360]. Именно такая структурная неточность, морфологическое несовпадение, показывает, что калькирование – это переработка иноязычной модели по законам русского словообразования, с сохранением внутренней формы, но с иным грамматическим статусом (качество вместо действия).

Семантически производное существительное *начитанность* приобретает оценочно-качественный оттенок – ‘образованность, эрудиция, способность с рефлексии над прочитанным’. Таким образом, калька зафиксировала новую социальную ценность, которая входила в русскую культуру именно в этот период.

Проведенный анализ позволяет выделить несколько общих закономерностей, характерных для словообразовательного калькирования указанного периода.

1. Двуступенчатая адаптация. Сначала появляется прилагательное, которое воспринимается как производное от исконного глагола (*наглядный*, *начитанный*), а затем под влиянием немецкого суффикса образуется отвлеченное существительное, закрепляющее признак как самостоятельную сущность. Это соответствует общему когнитивному механизму – от конкретного признака к обобщенной категории.

2. Приоритетная роль основы. В обоих случаях приставка *на-* и корни *-гляд-, -чит-* уже существовали в русском языке и обладали широкой валентностью, что позволило калькам вписаться в лексико-семантическую систему.

3. Структурная неточность. Сравнение немецких и русских единиц показывает, что полное структурное соответствие не является обязательным. Слово *начитанность* отклоняется от прямого перевода: немецкая приставка *be-* чаще передается в русском языке через *о-* (*об-)*. Это не мешает функционированию кальки, так как внутренняя форма (представление о приобретенном через чтение) сохраняется.

Исследование подтверждает, что словообразовательные кальки являются результатом сложной когнитивной деятельности, направленной на интеграцию нового понятийного содержания в систему родного языка. На примере лексем *наглядность* и *начитанность* установлено, что они представляют собой неточные кальки с немецких *Anschaulichkeit* и *Belesenheit*. При этом каждая из них опирается на уже существовавшую в русском языке основу, что обеспечивает семантическую прозрачность и ускоряет ассимиляцию. Обе лексемы относятся к метаязыковому слою, они обозначают абстрактные свойства познавательной деятельности. Их появление в русском языке отражает сдвиг в мышлении к опоре на чувственный опыт (*наглядность*) и на индивидуальное освоение книжной культуры (*начитанность*). Таким образом, калькирование выходит за рамки лексикологии и требует междисциплинарного подхода, учитывающего структурные закономерности языка и когнитивные механизмы усвоения нового знания.

Литература

Аделунг И. Х. Полный немецко-российский лексикон, из большого граматикально-критического словаря господина Аделунга составленный, с присовокуплением всех для совершенного познания немецкого языка нужных словоизречений и объяснений. СПб.: печатан в Императорской типографии, у Ивана Вейтбрехта, 1798. Ч. 2. 1060 с.

Арапова Н. С. Кальки в русском языке послепетровского периода: опыт словаря. М.: Изд-во МГУ, 2000. 320 с.

Вейсман Э. Немецко-латинский и руский лексикон: Купно с первыми началами рускаго языка к общей пользе / При Имп. Академии наук печатию издан; перевели на русский язык И.И. Ильинский, И.П. Сатаров

и И.С. Горлицкий. St. Petersburg: Gedr. in der Kayserl. Acad. der Wissenschafften Buchdruckerey, 1731. 788 с.

Виноградов В. В. История слов: около 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных / отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Толк, 1994. 1138 с.

Галич А. Картина человека. Опыт наставительного чтения о предметах самопознания для всех образованных сословий, начертанный А. Галичем. СПб.: тип. Акад. наук, 1834. 677 с.

Гейм И. Полный российско-французско-немецкий словарь, сочиненный по новейшему изданию словаря Академии Российской и других. Изд. 2-е, противу перваго издания Словаря российско-французско-немецкаго г-на проф. Ивана Гейма исправленное и во многом дополненное Карлом Мессом. СПб.: в типографии Ивана Глазунова, 1826. Т. 2. 549 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х ч. М.: Издание Общества любителей российской словесности, учрежденного при императорском Московском Университете. М.: типография Лазаревского института восточных языков (А. Мамонтов), 1863–1865.

Ободовский А. Г. Руководство к дидактике, или науке преподавания, составленное по Нимейеру Александром Ободовским, инспектором классов Императорскаго Санктпетербургскаго воспитательнаго дома. СПб.: В тип. Конрада Вингебера, 1837. 166 с.

Одоевский В. Ф. Письмо в Москву к В.К. Кюхельбекеру. [М.]: [В типографии Императорскаго Московского театра], [1824]. 22 с.

Павловский И.Я. Полный русско-немецкий словарь / сост. Иваном Павловским. Рига: издание книгопродавца Н. Киммеля, 1859. Ч. 1. 376 с.

Панаев И.И. Собрание сочинений Ив.Ив. Панаева: Т. 1–6. М.: В.М. Саблин, 1912. 3947 с.

Рейф Ф. Новый карманный словарь русского, французского, немецкого и английского языков, в пользу сих четырех народов по словарям Академии российской, Академии французской, Аделунга, Гейнсиуса, Джонсона, Вебстера и по другим лексиконам, составленный Филиппом Рейфом, кавалером российского ордена св. Анны. Карлсруэ: придвор. тип. В. Гаспера, 1844. Ч. 1. 840 с.

САР: Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. СПб.: При Императорской Академии наук, 1806–1822. Ч. 1–6. 7140 стб.

САР: Словарь Академии Российской. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1789–1794. Ч. 1–6. 6064 стб.

СЦСРЯ: Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный Вторым Отделением Императорской академии наук. СПб.: Тип. Императорской акад. наук, 1847. Т. 2. 471 с.

Adelung J. Ch. Grammatisch-kritisches Wörterbuch der hochdeutschen Mundart, mit beständiger Vergleichung der übrigen Mundarten, besonders aber der Oberdeutschen / Von Johann Christoph Adelung. T. 1–4. Leipzig: J.G.I. Breitkopf, 1793–1801.

Niemeyer A. H. Grundsätze der Erziehung und des Unterrichts für Eltern, Hauslehrer und Erzieher / Von D. August Hermann Niemeyer. 7. Ausg. Halle: Bei dem Verfasser u. in Commiss. der Waisenhaus-Buchh., 1818. Th. 1. 610 S.

Schmidt I. A. E. Vollständiges russisch-deutsches und deutsch-russisches Wörterbuch zum Gebrauch beider Nationen. T. 1–2. Leipzig: Karl Tauchnitz, 1844. 1037 S.

References

Adelung I. Kh. Complete German-Russian Lexicon. Pt. 2. St. Petersburg, 1798. 1060 p.

Arapova N. S. Calques in the Russian Language of the Post-Petrine Period: An Attempt of a Dictionary. Moscow: MGU, 2000. 320 p.

Dal' V. I. Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. In 4 pts. Moscow, 1863–1865.

Galich A. Kartina cheloveka. Opyt nastavitel'nogo chteniya o predmetakh samopoznaniya dlya vsekh obrazovannykh sosloviy. St. Petersburg: tip. Akad. Nauk, 1834. 677 p.

Geim I. Complete Russian-French-German Dictionary. Vol. 2. St. Petersburg: v tipografii Ivana Glazunova, 1826. 549 p.

Niemeyer, A. H. Grundsätze der Erziehung und des Unterrichts für Eltern, Hauslehrer und Erzieher. 7. Ausg. Th. 1. Halle: Bei dem Verfasser u. in Commiss. der Waisenhaus-Buchh. 1818. Th. 1. 610 S.

Obodovskiy A. G. Guide to Didactics, or the Science of Teaching, Compiled according to Niemeyer. St. Petersburg: V tip. Konrada Vingebera, 1837. 166 p.

Odoevskiy V. F. Letter to Moscow to V.K. Kyukhel'beker. [Moscow]: [V tipografii Imperatorskogo Moskovskogo teatra]. [1824]. 22 p.

Panaev I. I. Collected Works. Vols. 1–6. Moscow: V.M. Sablin, 1912. 3947 p.

Pavlovskiy I. Ya. Complete Russian-German Dictionary. Pt. 1. Riga: izdanie knigoprodavtsa N. Kimmelya, 1859. 376 p.

Reif F. New Pocket Dictionary of the Russian, French, German and English Languages. Pt. 1. Karlsruhe: pridv. tip. V. Gaspera. 1844. 840 p.

Schmidt I. A. E. Vollständiges russisch-deutsches und deutsch-russisches Wörterbuch zum Gebrauch beider Nationen. T. 1–2. Leipzig: Karl Tauchnitz. 1844. 1037 S.

Dictionary of the Russian Academy. St. Petersburg: Pri Imp. Akad. nauk. 1789–1794. Pt. 1–6. 6064 p.

Dictionary of the Russian Academy, Arranged in Alphabetical Order. Pt. 1–6. St. Petersburg: Pri Imperatorskoy Akademii nauk. 1806–1822. 7140 p.

Dictionary of Church-Slavonic and Russian Language. Vol. 2. St. Petersburg: Tip. Imperatorskoy akad. nauk. 1847. 471 p.

Veisman E. German-Latin and Russian Lexicon. St. Petersburg: Gedr. in der Kayserl. Acad. der Wissenschafften Buchdruckerey, 1731. 788 p.

Vinogradov V. V. History of Words: About 1500 Words and Expressions and More than 5000 Words Associated with Them. Moscow: Tolk, 1994. 1138 p.

Аспирант Г.М. Рафикова (Уфа)
gklysova@yandex.ru

ДИАЛОГ КАК ТИП ТЕКСТА

Аннотация: Статья посвящена исследованию текстового статуса диалога. Традиционно под текстом понимаются только монологические тексты и произведения письменной речи. Однако, особый статус диалога как одного из типов текста заключается в том, что стратегию его развертывания определяет не один, а два человека.

Ключевые слова: текст, диалог, монолог, структура, речевой акт, речевая ситуация, адресат, субъект.

Graduate student G.M. Rafikova (Ufa)
gklysova@yandex.ru

TEXT TYPE DIALOGUE

Abstract. The article is devoted to a study of the textual status of the dialogue. Traditionally, text is understood to mean only monological texts and writings. However, many linguists drew attention to the special status of dialogue as a type of text.

Keywords: text, dialogue, monologue, structure, speech act, speech situation, addressee, subject.

Дискуссионной в научных исследованиях, посвященных лингвистике текста, представляется проблема текстового статуса диалога. О.Б. Сиротинина отмечает, что разговорная речь почти не знает текстовой организации, так как в разговорной речи коммуникативная функция языка доминирует над информативной [Сиротинина, 1993, с. 93]. И.Я. Чернухина пишет, что «жизнь языка осуществляется в его функциях, в диалоге и тексте (устном и письменном)» [Чернухина, 1992, с. 124].

Признание текстового статуса диалога позволяет говорить об особенностях передачи информации в диалоге, которая идет сразу по нескольким каналам: словесному, интонационному, мимико-жестикуляционному, ситуативно-предметному. Содержательная сторона, выявляющаяся в диалоге, расчленена между собеседниками и объединена предметом разговора. Необходимое содержание складывается из смысла, заложенного в речевых отрезках с явным словесным выражением, и из подразумеваемого смысла. Мысли формируются в опоре на общий опыт говорящих, на элемент обстановки разговора, с учетом мимики и жестов, а также с ориентировкой на ситуацию и языковой контекст. Отличие диалогического текста от монологического состоит в том, что в создании семантического единства участвует субъект и адресат речи, которые являются соавторами текста со стороны его порождения и восприятия. Замысел монолога моноцентричен (принадлежит одному автору), а замысел диалога полицентричен: «коммуникативное соавторство» означает существование двух замыслов, которые в случае эффективного общения должны быть скоординированы в процессе речевого взаимодействия [Борисова, 2001, с. 23].

Диалогический и монологический тексты различаются также с точки зрения структуры, лежащей в основе речевой ситуации, и с точки зрения действующих в них закономерностей текстообразования.

Различия в структуре речевой ситуации определяются распределением ролей между участниками речевого акта. В случае монолога только один из субъектов является лицом, осуществляющим производство текста, второй участник речевого акта – адресат, или реципиент, либо мыслится, либо не сразу реагирует. В основе такого речевого акта лежит однонаправленное отношение: передача информации – получение информации. Монологический текст представляет собой линейную цепочку предложений.

Принципиальное отличие диалога от монолога состоит в том, что субъекты, меняясь коммуникативными ролями (говорящий – адресат), создают текст совместно. Диалогический текст представляет собой альтернативную цепочку предложений, образуемую чередованием высказываний двух или нескольких участников речевого акта то в роли говорящего, то в роли слушающего. Сам текст вступает в обоюдно направленные отношения с участниками взаимодействия: в основе диалога лежит двустороннее отношение (стимул – реакция), допускающее различные комбинации.

Общими для диалога и монолога являются смысловая целостность, тема – рематическая организация его составляющих и коммуникативная преемственность между его компонентами, наличие структурных показателей связности.

Однако особенность диалога как одного из типов текста заключается не в том, что в нем переплетаются различные свойства текста, а в том, что стратегию его развертывания объединяет не один человек, а два и более. Преимущественная привязанность разговорных текстов к устной форме исполнения во многом объясняется большими экспрессивными возможностями говорения с опорой на невербальные средства выражения в ситуации личного физического контакта общающихся.

Текстовый характер диалога проявляется наиболее ярко в художественном тексте. Единицей анализа персонажной речи становится диалогический фрагмент, который определяется как «структурированное сочетание персонажной и авторской речи, представляющей речевое общение персонажей в художественном тексте» [Хисамова, 2009, с. 12].

В зоне презентации диалога используются конструкции с прямой речью, персонажные реплики, самостоятельные предложения авторской речи, описывающие диалогическую ситуацию.

Коммуникативная ситуация, репрезентируемая художественным текстом, имя свою специфику, в основном соотносится с прототипическим диалогом. Этим определяется специфика моделирования диалога в составе художественного текста. Словесное оформление параметров коммуникативной ситуации способствует передаче речевого поведения персонажа и его вербальных и невербальных составляющих.

Литература

Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: проблема интегративности: автореф. дис. … д-ра. филол. наук. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2001. 43 с.

Сиротинина О.Б. Разговорный стиль // Функциональные стили и формы речи / под ред. О.Б. Сиротининой. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1993. 172 с.

Хисамова Г.Г. Диалог как компонент художественного текста (на материале художественной прозы В.М. Шукшина): автореф. дис. … д-ра филол. наук. Уфа: Изд-во БашГУ, 2009. 50 с.

Чернухина И.Я. Культура речи – прагматика – риторика – стилистика // Статус стилистики в современном языкознании. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1992. С. 122–130.

References

Borisova I.N. Russkii razgovornii dialog_ problema integrativnosti. Avtoref. diss. … dokt. filol. nauk. Ekaterinburg: Izd-vo UrGU, 2001. 43 s.

Sirotinina O.B. Razgovornii stil // Funkcionalnie stili i formi rechi / Pod red. O.B. Sirotininoi. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1993. 172 s.

Hisamova G.G. Dialog kak komponent hudojestvennogo teksta (na materiale hudojestvennoi prozi V.M. Shukshina). Avtoref. diss. … dokt. filol. nauk. Ufa: Izd-vo BashGU, 2009. 50 s.

Chernuhina I.Ya. Kultura rechi – pragmatika – ritorika – stilistika // Status stilistiki v sovremennom yazikoznanii. Perm: Izd-vo Perm. un-ta, 1992. S. 122–130.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ *ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ*

Канд. психол. наук Т.В. Зеленкова,
студ. С.Д. Кабанкова (Орехово-Зуево)
tzelenk@mail.ru; kabankovasonya@mail.ru

СМЫСЛЫ И ЗНАЧЕНИЯ ДУМСКРОЛЛИНГА: ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ВЫБОР НЕГАТИВНОГО КОНТЕНТА У АКЦЕНТУИРОВАННЫХ СТУДЕНТОВ

*Аннотация***.** В статье рассматривается думскроллинг как психолингвистическое явление. Показано, что акцентуации характера студентов задают эмоциональную направленность выбора негативного контента в интернете. Этот выбор связан с бессознательными компенсациями. Он формирует у студентов личностные смыслы (по А.Н. Леонтьеву). Семантическая кластеризация предпочтений позволила выделить устойчивые тематические группы, которые рассматриваются как значения. Использовались U-критерий Манна-Уитни и корреляционный анализ Спирмена.

Ключевые слова: психолингвистика, личностный смысл, значение, акцентуация, думскроллинг, негативный контент, семантическая кластеризация.

PhD in Psychology T.V. Zelenkova, stud. S.D. Kabankova (Orekhovo-Zuevo)
tzelenk@mail.ru; kabankovasonya@mail.ru

SENSES AND MEANINGS OF DOOMSCROLLING: A PSYCHOLINGUISTIC VIEW ON NEGATIVE CONTENT CHOICE BY ACCENTUATED STUDENTS

Abstract. This article examines doomscrolling as a psycholinguistic phenomenon. It is shown that students' personality traits determine the emotional orientation of their choice of negative online content. This choice is associated with unconscious compensations and shapes students' personal meanings (according to A.N. Leontiev). Semantic clustering of preferences allowed us to identify stable thematic groups, which are considered meanings. The Mann-Whitney U-test and Spearman correlation analysis were used.

Keywords: psycholinguistics, personal sense, meaning, accentuation, doomscrolling, negative content, semantic clustering.

Введение. Современный студент живет в знаковой среде. Заголовки, короткие видео, комментарии, эмодзи – все это образует сплошное семиотическое поле. Студент не просто воспринимает этот поток. Он выбирает из него отдельные фрагменты, причем часто этот выбор падает на негативный контент. Такое поведение получило название «думскроллинг». Этот термин обозначает компульсивную тягу к просмотру плохих новостей [Казун, Малыгина, 2024.]

Обычно думскроллинг изучают как привычку или как реакцию на стресс, однако у него есть и другая сторона. Выбор негативного контента – это речевая деятельность особого рода: студент работает со знаками, отбирает слова и образы, реагирует на них эмоционально. А значит, думскроллинг попадает в поле психолингвистики и имеет отношение к работе сознания с языковыми знаками.

Цель настоящей статьи показать, как акцентуация порождает личностные смыслы, и как эти смыслы складываются в общие значения.

Теоретическую опору данного исследования мы видим в теории речевой деятельности А.А. Леонтьева [А.А. Леонтьев, 1997], который рассматривал речевой акт как кольцеобразный процесс, и в концепции сознания А.Н. Леонтьева, выделяющего в сознании два разных уровня – значение и личностный смысл [А.Н. Леонтьев, 2005].

Если значение, как общественно выработанная единица, одинаково для каждого студента, то личностный смысл рождается в конкретной личности и отвечает на вопрос: «чем это является для меня». Один и тот же знак может иметь разный смысл у разных людей: заголовок о катастрофе тревожный и гипертимный студенты прочитают по-своему. Личностный смысл часто остается неосознанным, и проявляется через выбор. Именно через выбор контента смысл становится виден исследователю.

К. Леонгард показал, что акцентуация – это заостренная эмоциональная направленность, которая делает человека особо чувствительным к определенным стимулам [Леонгард, 2000]. С точки зрения психолингвистики акцентуация работает как фильтр. Она пропускает одни знаки и задерживает другие. Тревожный фильтр улавливает знаки угрозы. Демонстративный – знаки драмы. Педантичный – знаки нарушения порядка. Циклотимный – знаки колебания состояния.

Когда человек испытывает трудности в распознавании и понимании собственных чувств, препятствующие формированию адаптивных копинг-стратегий, такой фильтр порождает бессознательную компенсацию [Зеленкова, 2024]. Психика стремится «договорить» то, что не выражено напрямую. Тревога ищет внешнего подтверждения, подавленность – валидации, демонстративность – материал для нарратива. Негативный контент в интернете дает готовый языковой материал, позволяющий психике решить компенсаторную задачу.

Материалы и методы. В нашем исследовании приняли участие 34 студента первого курса психолого-педагогического факультета. Использовались следующие методики: тест-опросник Леонгарда-Шмишека, позволяющий определить тип акцентуации и авторская анкета, включающая вопросы о признаках думскроллинга и оценивающая время в интернете, частоту столкновения с негативным контентом, стремление к контролю через думскроллинг, чувство тревоги при просмотре, чувство «залипания» и другие. Также в анкете фиксировались темы предпочитаемого негативного контента и каналы его получения.

Для статистической проверки применялись U-критерий Манна-Уитни и корреляционный анализ Спирмена. Дополнительно мы провели семантическую кластеризацию. Темы негативного контента были объединены в смысловые группы. Каждая группа сопоставлялась с профилем акцентуаций. Так были выделены устойчивые «смысловые гнезда», которые и рассматривались как значения в леонтьевском смысле.

Результаты и обсуждение. Рассмотрим данные, относящиеся к индивидуальным реакциям студентов. Корреляционный анализ показал следующие связи. Циклотимность положительно связана с тремя параметрами – контроль над ситуацией ($r = 0,35$ при $p \leq 0,05$), тревога и подавленность ($r = 0,41$ при $p \leq 0,05$) и «залипание» на плохих новостях ($r = 0,37$ при $p \leq 0,05$). Гипертимность связана с тревогой отрицательно ($r = –0,41$ при $p \leq 0,05$) – чем выше гипертимность, тем меньше чувство тревоги при просмотре.

U-критерий Манна-Уитни при сравнении полярных групп по результатам анкеты подтвердил эти характеристики. Так, студенты с циклотимным типом используют негативный контент как инструмент контроля ($p \leq 0,05$), тревогу при просмотре испытывают студенты педантичного, возбудимого и циклотимного типов ($p \leq 0,05$). Циклотимные студенты чувствуют «залипание» и стремятся ограничить просмотр ($p \leq 0,05$).

Рассмотрим полученные данные в контексте терминов А.Н. Леонтьева.

1. Уровень личностных смыслов. У циклотимной личности негативный контент приобретает особый смысл. Это смысл «зеркала собственной фазы». В период спада студент находит в ленте соцсетей знаки катастрофы, которые подтверждают его внутреннее состояние. Возникает чувство конгруэнтности, а сам акт просмотра становится заменителем контроля. Студент как бы говорит себе: «я владею ситуацией, потому что я в курсе». При этом часть смысла прорывается в сознание, и появляется стремление ограничить просмотр. Это уже рефлексивный речевой акт – слова к самому себе.

У педантичной личности негативный знак несет смысл «нарушенного порядка». Каждая новость о катастрофе или преступлении подтверждает: мир может выйти из правил. Компенсация состоит в постоянной инвентаризации мира. Студент проверяет: все ли учтено, все ли под контролем. Отсюда – тревога.

У возбудимой личности негативный контент несет смысл «разрешенной разрядки». Сильные эмоции получают законный повод, и тревога превращается в импульс. Импульс – в комментарий, а комментарий – в конфликт. Так замыкается круг.

У гипертимной личности компенсация работает иначе. Высокий витальный тонус сам по себе обесценивает негативный знак. Тревожный заголовок просто не задерживает внимание, и студент проходит мимо. Личностный смысл у негативного знака здесь почти не возникает.

У дистимной личности негативный фон присутствует постоянно, поскольку дополнительный негатив избыточен. Поэтому потребности в контроле через контент не возникает. Смысл здесь – «все и так понятно».

Видно, что один и тот же знак приобретает разные личностные смыслы. Заголовок «происшествие со школьниками» один студент проигнорирует, второй прочитает с тревогой, третий «залипнет», четвертый напишет агрессивный комментарий. Это и есть психолингвистическая работа сознания.

2. Уровень общественных значений. Семантический анализ ответов выявил несколько устойчивых тематических групп. Эти группы воспроизводятся в выборе разных студентов и существуют независимо от конкретной личности. Это и есть значения в леонтьевском понимании.

Первая группа – *экзистенциально-катастрофическая*. В нее входят темы войн, катастроф, происшествий. Сюда же относятся обобщенные посты «все плохо». Эта группа оказалась самой популярной. На нее

откликнулись 85% студентов девяти типов выраженных акцентуаций. Исключение составлял только педантичный тип. *Общественное значение* этой группы можно описать формулой «мир как угроза».

Вторая группа – *криминальная*. У студентов с выраженными акцентуациями по числу предпочитаемого контента она вышла на первое место (61,8%). Исключение составляли демонстративные и педантичные студенты. По количеству выборов она опередила другие темы почти в два раза. *Общественное значение* этой группы — «нарушенная норма». Криминальный сюжет всегда строится вокруг разрыва правил. Это резонирует с акцентуированной чувствительностью к границам.

Третья группа – *социально-конфликтная*. В нее входят два типа негативного контента: политические новости и конфликты в комментариях. Эта группа оказалась наименее востребованной (23,5% выборов). Это связано с тем, что *общественное значение* «коллективный спор» требует от студента включения в группу, а акцентуированные студенты чаще работают со знаками индивидуально.

Четвертая группа – *персонально-драматическая*. Это сплетни и скандалы из жизни звезд. К ней обратились только пять типов: возбудимый, гипертимный, экзальтированный, эмотивный и циклотимный (26,5% выборов). *Общественное значение* – «публичная судьба другого как материал». Здесь негативный знак становится исходной заготовкой для собственного нарратива.

Важно, что эти четыре кластера сформировались из повторяющихся выборов разных студентов. Каждый студент шел к ним своим путем, со своим личностным смыслом, но в итоге их выборы объединились в общие смысловые группы. В этом процессе проявляется диалектический принцип, о котором писал А.Н. Леонтьев: индивидуальные смыслы порождают общественные значения и наоборот – значения становятся почвой для индивидуальных смыслов [А.Н. Леонтьев, 2005].

Отдельного внимания заслуживает вопрос источника получения негативного контента. Подавляющее большинство студентов (59%) получают негативный контент через ленту рекомендаций, и только 26% – через осознанно выбранные новостные каналы. Единичные случаи – мессенджеры и телевидение.

С точки зрения психолингвистики это важно. Меняется сама коммуникативная ситуация: знак приходит не от конкретного отправителя, а от алгоритма. Алгоритм же реагирует на прошлый выбор студента. Получается, что лента рекомендаций – это автоматическое продолжение внутренней речи. Студент выбрал – алгоритм подкрепил;

алгоритм подкрепил – личностный смысл закрепился; закрепился смысл – оформилось значение. Так замыкается кольцо.

В этом смысле лента работает как «внешний голос». Этот голос подхватывает невысказанные смыслы студента и возвращает их ему в виде новых знаков. Чем сильнее акцентуация, тем точнее этот возврат, а чем точнее возврат, тем глубже погружение в думскроллинг.

Полученные результаты складываются в общую картину. Думскроллинг имеет трехуровневую структуру, и эта структура повторяет леонтьевскую модель сознания.

Первый уровень – чувственная ткань. Ее составляет сама фактологическая фактура контента – заголовки, кадры, шрифты, эмодзи – то, что воспринимается напрямую.

Второй уровень – значение. Оно представлено в семантических кластерах, которые являются общими для культуры. Эти кластеры выявляются через сравнение выборов разных студентов и существуют объективно (в языке, в медиа, в общественном сознании).

Третий уровень – личностный смысл. Это индивидуальная компенсаторная работа акцентуации. Она превращает нейтральные для постороннего наблюдателя знаки в субъективно значимые «послания самому себе».

Эти три уровня неразрывны, и функционируют одновременно. Студент видит заголовок (чувственная ткань), распознает его как «катастрофу» (значение) и переживает катастрофу как «мое подтверждение» или «мою угрозу» или «мой случай» (личностный смысл). Именно так складывается полный акт думскроллинга.

Выводы

1. Думскроллинг продуктивно описывается как психолингвистическое явление. Это речевая деятельность по работе с негативными знаками.

2. Акцентуации характера работают как семантические фильтры. Они задают эмоциональную направленность выбора, который связан с бессознательными компенсациями и формирует у студентов личностные смыслы по А.Н. Леонтьеву.

4. Семантическая кластеризация предпочтений выявляет устойчивые группы тем, которые рассматриваются как значения по А.Н. Леонтьеву. Выделены четыре основных значения: «мир как угроза», «нарушенная норма», «коллективный спор», «публичная судьба другого».

5. Алгоритмическая лента социальных сетей выступает как «внешний голос». Она замыкает контур «смысл – значение – подкрепление».

6. Психолингвистический подход открывает новый путь профилактики. Работать нужно не с «негативным контентом вообще», а с конкретным компенсаторным смыслом, скрывающимся за устойчивым выбором.

Литература

Зеленкова Т.В. Стрессоустойчивость и копинг у студентов-психологов // Психические состояния субъектов образования: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Орехово-Зуево, 2024. С. 60–66.

Казун А. Д., Малыгина Н. С. Эмоциональный опыт думскроллинга: как справиться с негативными новостями? // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2024. Т. 16. № 4. С. 78–95.

Леонгард К. Акцентуированные личности. Ростов-н/Д.: Феникс, 2000. 544 с.

Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 287 с.

Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл, 2005. 431 с.

References

Zelenkova T.V. Stressoustoichivost' i koping u studentov-psikhologov // Psikhicheskie sostoyaniya sub"ektov obrazovaniya: sb. materialov Vseros. nauch.-prakt. konf. Orekhovo-Zuevo, 2024. P. 60–66.

Kazun A. D., Malygina N. S. Ehmotsional'nyi opyt dumskrollinga: kak spravit'sya s negativnymi novostyami? // Interaktsiya. Interv'yu. Interpretatsiya. 2024. T. 16. № 4. P. 78–95.

Leongard K. Aktsentuirovannye lichnosti. Rostov n/D: Feniks, 2000. 544 p.

Leont'ev A. A. Osnovy psikholingvistiki. M.: Smysl, 1997. 287 p.

Leont'ev A. N. Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. M.: Smysl, 2005. 431 p.

Канд. психол. наук Е.Е. Копченова (Орехово-Зуево)
eek_psy@mail.ru

ИНОЯЗЫЧНАЯ ЛЕКСИКА В НАУЧНОЙ И ПОПУЛЯРНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности использования иноязычной лексики в научной и популярной психологии. В последние

годы наиболее часто психологические термины заимствуются из английского языка с помощью калькирования, транскрипции, транслитерации. Заимствованные термины описывают феномены, относящиеся к сфере образования, межличностных отношений, психотерапии, активности в интернет-пространстве, использованию электронных устройств. Отмечается, что в популярной психологии психологические термины чаще подвергаются семантическим и морфологическим изменениям.

Ключевые слова: научная психология, популярная психология, поп-психология, иноязычная лексика, заимствования.

PhD in Psychology E.E. Kopchenova (Orekhovo-Zuevo)
eek_psy@mail.ru

FOREIGN LANGUAGE VOCABULARY IN SCIENTIFIC AND POPULAR PSYCHOLOGY

Abstract. The article examines the features of the use of foreign language vocabulary in scientific and popular psychology. In recent years, psychological terms have been most often borrowed from the English language using calculus, transcription, and transliteration. Borrowed terms describe phenomena related to education, interpersonal relationships, psychotherapy, Internet activity, and the use of electronic devices. It is noted that in popular psychology, psychological terms are more often subject to semantic and morphological changes.

Keywords: scientific psychology, popular psychology, pop psychology, foreign language vocabulary, borrowings.

В отечественной психологии многие термины были заимствованы в конце 19 – начале 20 века, когда психологическая наука только начинала развиваться как самостоятельная дисциплина, использующая экспериментальный метод. Поэтому многие термины и понятия пришли в психологию из естественно-научных дисциплин, в частности, из физиологии (реакция, эксперимент, лабильный, ригидный, импульс, сенсорный). Наряду с этим из психиатрии были заимствованы термины, обозначавшие различного рода психические отклонения и нарушения (агнозия, абулия, астения, апатия, галлюцинации, суггестия и др.).

Многие используемые в настоящее время психологические термины имеют греческое или латинское происхождение. В языке психологии

используются общенаучные термины (гипотеза, метод, методология, анализ, синтез, система, детерминизм, принцип), межнаучные (индивид, онтогенез, филогенез, диагноз, реакция, кризис, тест, анкета), специальные термины (архетип, атрибуция, интериоризация, социометрия, фрустрация).

С 90-х годов 20 века в психологии наблюдается появление терминов и понятий, заимствованных из английского языка – гендер, имидж, лидер, тренинг, паттерн, интервью, респондент, триггер, эмпатия, девиация, делинквентность, гиперактивность и др.

Употребление психологических терминов в научных публикациях в определенной мере отражает тенденции развития научных интересов ученых. В исследовании, в котором изучалась динамика частоты употребления психологических терминов в научной периодике с 1980 по 2010 годы, показано, как изменялось проблемное поле психологических исследований [Потемкин и др., 2015]. В этот период отмечен значительный рост использования таких терминов, как: аддиктивный, агрессивность, гемблинг, идентичность, менталитет, нарциссизм, катарсис, конгруэнтность, компетентность, креативность, самоактуализация и др.

В 21 веке терминологический аппарат психологии пополняется терминами, описывающими подростковые субкультуры и увлечения детей (гейминг, квадроберы, косплей, фурри, фиджитал-игры), различные процессы, относящиеся к системе образования (дистракт, инклюзия, тьютор, медиация, буллинг, скулшутинг, цифровой сторителлинг). Распространение цифровых технологий и социальных сетей привело к заимствованию терминов, связанных с применением электронных и цифровых устройств, поведением в интернет-пространстве: кибербуллинг (травля в онлайн-пространстве), кибервиктимность (склонность быть жертвой в цифровой среде), кибергруминг (сексуальное домогательство несовершеннолетних в онлайн-форме), киберлафинг (использование цифровых устройств и интернета во время работы и учебы в личных целях), кибersталкинг (систематическое и навязчивое преследование и запугивание другого человека в интернете), киберхаррасмент (интернет-домогательства), киберхондрия (цифровая ипохондрия), фаббинг (игнорирование собеседника в ситуации общения и постоянное отвлечение на смартфон).

Наиболее частными способами заимствований иноязычной лексики являются транскрипция и транслитерация. При транскрибировании происходит воспроизведение звуковой формы иноязычного слова:

аттитюд (от фр. attitude), прайминг (от англ. priming), рейтинг (от англ. rating). Транслитерация заключается в воспроизведении графической формы слова, т.е. его буквенного состава: стресс (stress), адаптация (adaptatio), локус контроля (locus of control), когнитивный диссонанс (cognitive dissonance), предиктор (predictor), конструкт (consruct).

Использование этих способов объясняется тем, что не всегда в русском языке можно найти соответствующее эквивалентное слово. Кроме того, транскрипция и транслитерация используются в целях экономии, когда один иноязычный термин заменяет многословное определение. Так, киберхондрией обозначают склонность человека к чрезмерному и повторяющемуся поиску в интернете информации о здоровье и симптомах различных заболеваний.

Используется и дословный перевод иноязычных терминов (калькирование) – любовная аддикция (love addiction), ментальная карта (mind map), командообразование (team building), метакогнитивные искажения (metacognitive bias), дизайн исследования (research design).

Не только научная психология пополняется иноязычной лексикой. Популярная и поп-психология также активно используют заимствованные слова. Популярная психология ставит своей целью популярное изложение выявленных в научной психологии фактов, закономерностей, каких-либо психологических теорий и практик, повышение психологической культуры, расширение представлений человека о своих психологических особенностях.

В отличие от популярной психологии, поп-психология использует популяризацию психологических знаний как товар, предлагаемый за деньги [Юревич, 2021]. Она предлагает читателю версию психологического знания и его практического применения, имеющую ряд особенностей. Во-первых, это язык, который не отличается от обыденного языка, и с помощью которого описывается личный опыта автора, позиционирующего себя как специалиста в области психологии; а также ситуации, с которыми автор лично сталкивался. Транслируемые знания никак не верифицируются, т.е. не подвергаются проверке, а обосновываются здравым смыслом, логикой, опытом и должны приниматься на веру. Поп-психология предлагает однозначное объяснение какой-либо психологической проблемы, ситуации и однозначные способы их решения, не рассматривая даже возможность других вариантов. Тексты содержат упрощенное изложение результатов научных исследований, смысл которых нередко искажается.

Некоторые термины и понятия, достаточно давно использующиеся в научном языке психологии, только сейчас получили популярность и распространение в обыденном общении среди неспециалистов, в основном в интернет-коммуникациях (гештальт, инсайт, конгруэнтность, креативность, паттерн, эмпатия и др.). При этом не всегда смысл, вкладываемый в понятие, совпадает в научной и поп-психологии. Значения психологических терминов, используемых в обыденной речи, становятся более эмоциональными, персонифицированными и упрощенными [Здриковская, Мохова, 2022].

Интересен в этом плане термин «гештальт» (от нем. Gestalt – форма, структура), который является центральным понятием в гештальтпсихологии, изучавшей феномены сознания. В рамках данного направления гештальт рассматривался как целостная образная структура, не сводимая к сумме составляющих его ощущений [Большой психологический словарь, 2007)]. Различные формы гештальтов изучались на примере восприятия формы, движений, иллюзий. В настоящее время понятие «гештальт», как его понимали в гештальтпсихологии, в основном анализируется исследователями в историческом аспекте, при описании существовавших на какую-либо проблему взглядов.

Идеи гештальтпсихологии оказали влияние на Ф. Перлза, который рассматривал психическую жизнь человека как процесс образования гештаьтов, т.е. целостных образов наличной ситуации, существующих «здесь и сейчас». Личность стремится к тому, чтобы завершить незавершенное, закончить незаконченное и таким образом достичь целостности. Незаконченность ситуации (неудовлетворенная потребность, неразрешенный конфликт в прошлом, невыраженные переживания и др.) приводит к тому, что человек не может жить в настоящем. Работа психотерапевта состоит в том, чтобы помочь клиенту завершить незавершенный гештальт. Именно в этом смысле слова «закрыть гештальт» стали употребляться в популярной психологии, текстах блогеров и интернет-коммуникациях неспециалистов. В научной литературе психологи, описывающие приемы и техники гештальттерапии предпочитают говорить о «завершении незавершенных ситуаций».

Среди неспециалистов распространенными стали психотерапевтические термины (паттерн, триггер), а также понятия, описывающие возникающие в межличностных отношениях различные виды насилия, в том числе психологического (абьюз, виктимблейминг (обвинение жертвы в ответственности за совершенное в отношении неё

насилие), газлайтинг, груминг, буллинг, троллинг и др.). Большой пласт иноязычной лексики представлен терминами, обозначающими разного рода состояния и процессы, в том числе и патологические: бедроттинг (лежание в постели для восстановления сил), хейтвотчинг (просмотр контента, вызывающего негативные эмоциональные состояния – раздражение, гнев, неприязнь) и хейтфолловинг (подписка на такой контент в социальных сетях), прокрастинация (склонность постоянно откладывать важные дела, что приводит к психологическим проблемам).

Многие из заимствованных терминов, широко употребляемых в популярной и поп-психологии, практически не встречаются в научной психологической литературе и пока не зафиксированы в современных психологических словарях [Энциклопедический психологический словарь-справочник, 2021)].

В популярной психологии, в отличие от научной, заимствованные слова достаточно легко подвергаются морфологическим изменениям – буллить, булли (инициатор травли), креатив, креативить, кретивщик, троллить, триггерить. От слова «абьюз» образованы абьюзер, абьюзник, абьюзинг, абьюзирование, абьюзерский, абьюзивный, абьюзный, абьюзерить, абьюзить, абьюзировать, абьюзничать; от «газлайтер» – газлайтинг, газлайтерский, газлайтерский, газлайтинговый, газлайтить [Голикова, 2021)].

Литература

Большой психологический словарь / под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. 3-е изд., доп. и перераб. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. 666 с.

Голикова Т.А. Лингвокультурологический словарь заимствований современного русского языка: 2000–2020 гг. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2021. 486 с.

Здриковская Т.А., Мохова Ю.А. Функционирование психотерапевтических терминов в русскоязычном интернет-дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. Вып. 5. С. 1548–1553.

Потемкин С.Б. Анализ тенденций развития психологии на основе выявления динамики частоты использования психологических терминов / С.Б. Потемкин, Л.А. Хасин, П.Л. Хасина, Е.В. Щедрина // Вопросы психологии. 2015. № 6. С. 95–103.

Энциклопедический психологический словарь-справочник. 1000 понятий, определений, терминов: учебно-методическое пособие для вузов / под ред. С.Л. Кандыбовича, А.Д. Короля, Т. В. Разиной. 6-е изд. перераб. и доп. Минск: Харвест, 2021. 864 с.

Юревич А.В. Поп-психология как область приложения психологического знания // Психологическое знание: виды, источники, пути построения / отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Институт психологии РАН, 2021. С. 385–403.

References

Bol'shoi psikhologicheskii slovar' / pod red. B. G. Meshcheryakova, V. P. Zinchenko. 3-e izd., dop. i pererab. SPb.: Praim-EVROZNAK, 2007. 666 s.

Golikova T.A. Lingvokul'turologicheskii slovar' zaimstvovanii sovremennogo russkogo yazyka: 2000–2020 gg. M.; Berlin: Direkt-Media, 2021. 486 s.

Zdrikovskaya T.A., Mokhova Yu. A. Funktsionirovanie psikhoterapevticheskikh terminov v russkoyazychnom internet-diskurse // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2022. Tom 15. Vypusk 5. S. 1548–1553.

Potemkin S.B., Khasin L.A., Khasina P.L., Shchedrina E.V. Analiz tendentsii razvitiya psikhologii na osnove vyyavleniya dinamiki chastoty ispol'zovaniya psikhologicheskikh terminov // Voprosy psikhologii. 2015. № 6. S. 95–103.

Ehntsiklopedicheskii psikhologicheskii slovar'-spravochnik. 1000 ponyatii, opredelenii, terminov: Uchebno-metodicheskoe posobie dlya vuzov / pod red. S.L. Kandybovicha, A.D. Korolya, T. V. Razinoi. 6-e izd. pererab. i dop. Minsk: Kharvest, 2021. 864 s.

Yurevich A.V. Pop-psikhologiya kak oblast' prilozheniya psikhologicheskogo znaniya // Psikhologicheskoe znanie: vidy, istochniki, puti postroeniya / Otv. red. A. L. Zhuravlev, A. V. Yurevich. M.: Izd-vo «Institut psikhologii RAN», 2021. S. 385–403.

Доктор пед. наук Л.П. Мухаммад (Москва),
доктор филол. наук В.В. Шмелькова (Пенза)
ludmilamuh@yanex.ru; vshmelkova@rambler.ru

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННЫХ МЕДИАТЕКСТОВ О ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И КАРЬЕРЕ ЖЕНЩИНЫ

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые особенности современных медиатекстов о профессиональной деятельности и карьере женщины. В качестве материала исследования были взяты тексты о самопрезентации потенциального работника, деловых собеседованиях при поступлении на работу, профессиональной коммуникации руководителя и сотрудников, отношениях между коллегами в коллективе из журнала «Лиза», рассчитанного на женскую аудиторию.

Ключевые слова: русский язык, медиатекст, журналы для женщин.

Doctor of Pedagogical Sciences L. P. Muhammad (Moscow)
Doctor of Philology V. V. Shmelkova (Penza)

FEATURES OF MODERN MEDIA TEXTS ABOUT PROFESSIONAL ACTIVITY AND CAREER OF A WOMAN

Abstract. The article examines some features of modern media texts about a woman's professional activities and career. The research material consists of texts about a potential employee's self-presentation, job interviews, professional communication between managers and employees, and relationships between colleagues in the workplace, taken from the magazine "Liza", which is aimed at a female audience.

Keywords: Russian language, media text, women's magazines.

Одна из разновидностей современного текста – медиатекст. Г.Я. Солганик даёт медиатексту следующее определение: «Это разновидность текста, принадлежащая массовой информации, характеризующаяся особым типом автора (принципиальное совпадение производителя речи и её субъекта), специфической текстовой модальностью (открытая речь, многообразное проявление авторского Я), рассчитанная на массовую аудиторию» [Солганик, 2017, с. 14].

Журналы для женщин появились в начале XX века и всегда были очень популярными. В советский период выходили в свет большими тиражами журналы «Работница» и «Крестьянка», которые продолжали

издаваться и в постсоветское время, приблизившись к стандартам так называемых «глянцевых» изданий.

В конце XX века в России появилось большое количество печатных изданий, адресованных женщинам разных возрастов («Домашний очаг», «Даша», «Лиза», «Девчонки», «Пенсионерочка» и др.), каждый из которых был рассчитан на определённую возрастную аудиторию.

Основная тематика современных изданий для женщин следующая:

1. Семья и дом (Свадьба, Советы по сохранению брака, Проблема домашнего насилия, Материнство, Советы по воспитанию детей, Товары для дома, Декор, Кулинария);

2. Деловая карьера (Поиск работы, Открытие бизнеса, Выстраивание отношений с руководством, Проблемы карьерного роста, Интервью с успешными женщинами, Контроль доходов);

3. Здоровье (Профилактика болезней, Репродуктивное здоровье, Эстетическая медицина).

В данной статье мы остановимся на некоторых особенностях текстов (примеры взяты нами из материалов популярного журнала «Лиза»), посвящённых профессиональной деятельности и карьере современной женщины.

Деловой медиатекст функционирует в печатном издании в системе различных способов обращения к женской аудитории посредством актуальных для неё форм, жанров, нацеленных на формирование и анализ профессиональной коммуникации.

На текст определённого содержания читательницу настраивает заголовок, он создаёт атмосферу доверительности, используя формы повелительного наклонения глагола (чаще всего – совет) и преимущественно ТЫ-формы.

Синтаксическая структура заголовков:

1. Конструкции с именительным темы:

– Конкуренция на работе: как отстоять свои позиции;

– Профессия: скандалист;

– Наш новый шеф: молодой и злой;

– Коллектив: уроки выживания;

– Менеджер: звучит гордо!

2. Словосочетания:

– Конфликты на рабочем месте;

– Правая рука босса;

– Во власти кукловода;

– Работа в вольном стиле;

– Успешно испорченная репутация;
– Субординация без конфликтов;
– Произвести должное впечатление.
3. Вопросительные предложения:
– Кто ты, мой босс?
– Можно ли добиться повышения зарплаты?
– Вы готовы руководить?
– Как написать идеальное резюме?
– У тебя нервная работа?
– Как обуздать бурный ритм нашей жизни?
4. Побудительные предложения:
– Шагай смелее!
– Берите меня! Я лучшая!
– Шагай смелее!
5. Конструкции типа *Как сделать что-то*:
– Как добиться повышения оклада;
– Как стать самой обаятельной.

По содержанию тексты можно разделить на следующие группы:
1. Тексты о самопрезентации;
2. Тексты о собеседованиях;
3. Тексты об отношениях «руководитель – сотрудник»;
4. Тексты об отношениях между коллегами;
5. Тексты о карьере.

Рассмотрим подробнее эти тексты.

1. Тексты о самопрезентации

Самопрезентация – это самопредставление, осознанная стратегия поведения, с помощью которой человек создаёт впечатление о себе. Самопрезентация позволяет людям создавать и формировать нужный образ. Самопрезентации в женских журналах отводится особое внимание. В них часто используются предложения с глаголами в повелительном наклонении: *Держи марку! Говори, но не много! Вызови доверие! Избавься от ненужных слов! Не избегай общения! Тщательно подготовься к собеседованию!*

Для примера рассмотрим статью из журнала «Лиза» «Как написать идеальное резюме?» После заголовка следует подзаголовок: *Хорошо написанное резюме поможет найти именно ту работу, о которой вы мечтаете!*

Текст делится на части, имеющие свои названия, что помогает ориентироваться в материале (*Если это первое резюме, Если вы опытный работник* и т.д.). Каждая из частей заканчивается выводами, советами.

2. Тексты о собеседовании

Собеседование – особая деловая коммуникативная ситуация, встреча с потенциальным работодателем или его представителем при приёме на работу. Цель собеседования – познакомиться воочию, понять, насколько работодатель и соискатель подходят друг другу, а также обсудить детали сотрудничества. На собеседовании работодатель задаёт вопросы, касающиеся образования соискателя, его опыта, полученных навыков и знаний.

Рассмотрим текст «Курьёзы на собеседовании» в разделе «Карьера». После заголовка следует подзаголовок *В работе специалистов HR нередко возникают смешные моменты. Мы тоже собрали коллекцию ситуаций и фраз из серии «нарочно не придумаешь*. Прочитав заголовок и подзаголовок, читательница может понять, о чём пойдет речь, какова точка зрения автора текста по этому вопросу. Из текста она сможет узнать о тех вещах, которые не стоит делать на собеседовании и получить советы от автора.

Далее следует текст, разделённый на части: *Ляпы в резюме: Грамматические ошибки или опечатки в резюме или сопроводительном письме дадут понять нанимателю, что ты не заботишься о качестве выполняемой работы*. Названия частей информируют о содержании текста. Также автор привлекает внимание читательницы следующим образом: *Перед собеседованием ты жутко волнуешься – так хочется получить это место! И сама не замечаешь, как начинаешь теребить пуговицы на блузке, нервно сжимать кулаки. Стоит внимательно следить за собой, ведь порой один лишь неправильный жест или взгляд может испортить всё дело.*

Далее автор даёт советы, что не надо делать на собеседовании: плохо отзываться о прежнем начальнике, сразу поднимать вопрос о зарплате и т.д.

Автор аргументирует свои тезисы: собеседование в деловых сферах важно по следующим причинам: оно позволяет компании узнать больше о кандидате, в то время как кандидат имеет возможность ознакомиться с требованиями данной должности; даёт возможность оценить карьерный потенциал и т.п.

3. Тексты об отношениях «руководитель – сотрудник»

Для примера возьмём материал «Наш новый шеф. Молодой и злой». Структура текста почти не отличается от других текстов, представленных в этом издании, но в данном материале не используется подзаголовок, а текст сразу начинается с автобиографии. Повествование ведётся от первого лица, что также является способом привлечения внимания: *Сразу признаюсь: никогда не писала писем в редакцию. Но вот пишу вернее кричу: помогите советом! Мне 43 года, работаю старшим экономистом в строительной компании 15 лет. Всегда была на хорошем счету у начальства. А вот теперь на грани увольнения. Вернувшись из отпуска, я познакомилась с новым начальником, который на следующий день поручил мне сделать анализ работы отдела за последние 5 лет. Он даёт такие задания, что я работаю ночами.*

Далее автор текста комментирует сложившуюся ситуацию:

Всем нам хорошо известно, что приход нового начальника может быть непростым. Человек, который обучал вас, скорее всего, ушёл, а кто-то с ограниченными знаниями о вашей компании, команде и работе собирается отвечать за вашу повседневную рабочую жизнь.

После комментария автор даёт советы и аргументирует их:

1. Поддержание отношений с начальником важно по следующим причинам:

2. От него зависит карьерный рост. Например, переход на более высокие или более ответственные должности, перспективные проекты.

3. Он может помочь вам в профессиональном развитии, стать наставником, вдохновить примером.

4. Наличие хороших отношений с руководителем может повысить уровень мотивации и удовлетворённости работой. Когда вы чувствуете, что ваш руководитель поддерживает и ценит ваш вклад, вы будете более вовлечены и заинтересованы в своей работе.

5. Хорошие отношения на рабочем месте могут уменьшить уровень стресса и конфликтов, а также создать комфортную и дружественную атмосферу. Это может положительно повлиять на ваше самочувствие и общую работоспособность.

4. Тексты об отношениях с коллегами

Коммуникация с коллегами, поведение в коллективе – также очень важный аспект деловой коммуникации. Конфликты на работе с коллегами мешают профессиональной деятельности и даже могут стать причиной увольнения.

Рассмотрим текст «Покажи себя с лучшей стороны!». Текст начинается с описания важных аспектов этой проблемы, далее следуют комментарии и советы:

1. Не опаздывай! Выполняй все указания начальства!

2. Соблюдай субординацию и поддерживай деловые отношения с коллегами и руководителями!

3. Помогай и не копи обиды! Не копи обиды и претензии. Во избежание скрытого конфликта лучше сразу проговорить то, что не нравится или вызывает несогласие. Именно замалчивание часто приводит к конфликтам.

4. Делай свою работу хорошо и старайся помогать коллегам решать их задачи. Это позволит минимизировать претензии и конфликты, так как никто не сможет упрекнуть вас в лени или безответственности.

Далее автор делает следующий вывод: *Чувствуй себя уверенно в любой деловой ситуации, и ты будешь успешна*.

5. Тексты о карьере

Карьера – это осознанный путь человека в рамках профессиональной деятельности. В широком смысле карьерой называют успешную реализацию своих умений, знаний и навыков. Карьеру человек строит сам, сообразуясь с особенностями внутри– и внеорганизационной реальности и, главное, – со своими собственными целями, желаниями и установками.

Для примера возьмём статью из журнала «Лиза» «Там, за чистым горизонтом». В тексте рассказывается о том, что такое карьера и карьерный рост в бизнесе. Подробно описываются стратегии в пути к успешной карьере и даются советы о том, какими качествами должен владеть человек в пути к успешной карьере. После заголовка имеется подзаголовок текста: *Человеку свойственно стремиться к лучшему. В том числе и к заветному креслу начальника*.

Текст состоит из нескольких связанных друг с другом частей. В каждой части есть своя тема: *Плавное восхождение по-западному; Стремительный взлет по-русски; Качества первой необходимости*.

В первой части статьи говорится о понятии «карьера». Описываются соотношения понятия в России и в других странах, где карьера – это важная составляющая жизни любой женщины или мужчины, а человек, не стремящийся покорить её высоты, считается существом не совсем полноценным.

В России понятие «карьера» много лет носило негативный оттенок. В настоящее время это слово приобрело положительный оттенок значения (*успешная карьера, блестящая карьера* и т.п.)

Далее в тексте описываются качества успешного сотрудника: уверенность и ответственность, интеллект и кругозор, коммуникабельность, лидерство. Статья, по мнению её автора, обязательно привлечёт к себе читательницу, желающую построить свою карьеру.

Таким образом, тексты, посвящённые профессиональной деятельности и карьере, имеют простую и очень чёткую структуру. На восприятие текста определённого содержания читательниц настраивают заголовок и подзаголовок. В подобных текстах последовательно создаётся атмосфера доверительности, для чего используются формы повелительного наклонения глагола (чаще всего – совет) и преимущественно ТЫ-формы.

Литература

Мадримова Х. Б. Современные медиатексты в российских изданиях для женщин // Межкультурная коммуникация в современном мире: сборник научных статей. Пенза: ПГУ, 2023. С. 56–59.

Солганик Г. Я. Стилистика текста. М.: Флинта, 2007. 320 с.

References

Madrimova Kh. B. Modern media texts in Russian publications for women // Intercultural communication in the modern world: Collection of scientific articles. Penza: PGU, 2023. Pp. 56–59.

Solganik G. Ya. Text stylistics. Moscow: Flinta, 2007. 320 p.

Канд. филол. наук С.Р. Нафикова (Уфа)
sulpan_bgu@mail.ru

СПЕЦИФИКА РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА В РУССКОМ И БАШКИРСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. В статье исследуются процессы взаимодействия русского и башкирского речевого этикета в ситуации активного двуязычия. Подчеркивается, что речевой этикет является не только лингвистической, но и когнитивной моделью, определяющей восприятие национального характера. Особое внимание уделяется тому, как русский

коммуникативный стиль соотносится с традиционными установками башкирской речевой культуры.

Ключевые слова: речевой этикет, ситуация общения, этикетная формула, межкультурная коммуникация, национальная специфика

Candidate of Philology S.R. Nafikova (Ufa)
sulpan_bgu@mail.ru

SPEECH ETIQUETTE IN RUSSIAN AND BASHKIR LANGUAGES

Abstract. This article examines the interaction between Russian and Bashkir speech etiquette in a context of active bilingualism. It emphasizes that speech etiquette is not only a linguistic but also a cognitive model that shapes the perception of national character. Particular attention is paid to how the Russian communicative style relates to traditional principles of Bashkir speech culture.

Keywords: speech etiquette, communication situation, etiquette formula, intercultural communication, Russian-Bashkir bilingualism

В лингвистике существует множество подходов к изучению и определений такого сложного и многогранного явления, как речевой этикет [Гольдин, 1980; Формановская, 1982; 2002; Акишина, Формановская, 1983; Карасик, 1992; Национально-культурная специфика речевого поведения, 1997 и др.]. Однако, как мы полагаем, в определении, предложенном Н.И. Формановской, отражены все традиционно выделяемые черты речевого этикета: «Речевой этикет – это социально заданные и национально-специфичные регулирующие правила речевого поведения в ситуациях установления, поддержания и размыкания контакта коммуникантов в с оответствии с их статусно-ролевыми и личностными отношениями в официальной и неофициальной обстановке общения» [Формановская, 2002, с. 240].

Исследователи выделяют следующие функции, выполняемые речевым этикетом в процессе общения: контактоустанавливающая, регулирующая, апеллятивная, конативная, волюнтативная, эмотивная. Вместе с тем Н.Г. Тырникова считает необходимым разграничивать контактоустанавливающую функцию и функцию поддержания коммуникации, т.к. в процессе общения они выполняются различными этикетными средствами [Тырникова, 2003, с. 6].

Традиционно речевой этикет рассматривается в связи со стандартными коммуникативными ситуациями (обращение, знакомство,

приветствие, прощание, извинение, благодарность, поздравление, пожелание, комплимент, соболезнование) [Формановская, 2002], образующими особый класс речевых этикетных актов.

В современном мире межкультурная коммуникация становится повседневной реальностью, особенно в таких полиэтнических регионах, как Республика Башкортостан. Речевой этикет в этих условиях перестает быть застывшим набором правил и превращается в зону активного взаимодействия и взаимовлияния языковых моделей. Основная проблема заключается в том, что при внешнем владении вторым языком говорящий часто переносит на него этикетные стратегии родной культуры, что приводит к возникновению коммуникативных неудач.

Русский и башкирский коммуникативные стили базируются на различных культурных доминантах. Русский коммуникативный стиль, особенно в его народно-разговорном преломлении, характеризуется стремлением к искренности, эмоциональности и сокращению дистанции при достижении душевного контакта. Так, формальные правила этикета для русского человека часто вторичны по сравнению с внутренней «правдой» общения. Однако в официальной сфере русский этикет строго ориентирован на статусную дистанцию и модель «имя+отчество».

Башкирская языковая модель традиционно более ритуализирована и центрирована на идее социальной гармонии и глубокого почтения к старшим. Здесь этикет выступает как жесткий каркас, нарушение которого воспринимается как неуважение не только к личности, но и к ее роду.

При взаимодействии этих систем возникают специфические проблемы, связанные с влиянием лингвокультурологии.

В башкирской традиции обращение к старшему по имени без добавления слов *ағай* ‘брат’ или *апай* ‘сестра’ может восприниматься как избыточно холодное и дистанцированное. В условиях межкультурного общения часто возникает «гибридная» модель: использование русского имени или отчества с башкирскими уважительными терминами родства: *Юрий ағай, Петрович ағай, Катя апай* и т.д. Проблема возникает, когда башкирская модель прямо переносится в русский дискурс (например, обращение «дядя Саша» к малознакомому человеку в официальной обстановке), что может быть воспринято русским адресатом как нарушение субординации или фамильярность.

Русский коммуникативный стиль допускает большую прямолинейность в выражении просьбы или несогласия, башкирская модель предполагает большую степень имплицитности. В межкультурном диалоге башкирская «деликатность» может быть интерпретирована

русским собеседником как нерешительность, а русская «искренность» – как грубость или давление.

Национально-культурная специфика прежде всего затрагивает область этикетного речевого поведения, представляющего собой широкую область стереотипов общения в различных ситуациях межличностного взаимодействия. Национальная специфика речевого этикета наиболее ярко проявляется в приветствиях, которыми обмениваются люди при встрече [Формановская, 2002, с. 55].

Русские приветствуют друг друга этикетными формулами: *Здравствуйте! Доброе утро! Добрый день! Добрый вечер! Здорово! Привет!* Помимо указанных, есть и другие фразы, используемые в зависимости от обстоятельств, места, времени встречи. Входящего встречают словами *Добро пожаловать! Милости просим! Будьте как дома!* Если он пришел из бани – *С легким паром!;* если вернулся из дальней поездки – *С приездом!* Долгожданная встреча с человеком, которого не видели много лет, сопровождается приветствием *Сколько лет, сколько зим!* Представляют нового знакомого словами *Прошу любить и жаловать!*

Не менее интересна проявляющаяся при встрече специфика речевого поведения русского человека: он не всегда сознается, что у него все хорошо, предпочитая усредненный ответ: *Нормально! Ничего* [Хисамова, 2012, с. 4-5].

Башкирский речевой этикет испытывает значительное влияние русского речевого этикета. Под этим влиянием башкирский речевой этикет усваивает традиционно несвойственные ему формы, например, форма обращения на *Вы* (традиционно башкиры обращались к друг другу на *ты*). Наряду с этим башкирский речевой этикет сохранил свои национально-специфические черты. В первую очередь это строгая возрастная дифференциация коммуникантов и обширная система обращений башкирского языка, которая основывается прежде всего на терминологии родства даже при отсутствии между коммуникантами фактического родства. Например, при обращении к незнакомому мужчине, старшему по возрасту, употребляются термины *ағай* ‘брат, дядя’, *олатай, ҡартатай, бабай* ‘дедушка’; к незнакомой женщине старше по возрасту – *апай* ‘сестра, *тетя’, өләсәй, ҡартәсәй, әбей* ‘бабушка’.

У башкир сложились определенные речевые формулы приветствий. Безэквивалентым по отношению к русскому языку является старинное приветствие *Әссәләмәғәләйкүм,* распространенное среди мусульманских

народов. Данное приветствие используется преимущественно людьми старшего поколения (мужчинами). В ответ на это приветствие употребляется формула *Вәғәләйкүмәссәләм!*

В деревнях, в отличие от городов, где здороваются только со знакомыми, принято приветствовать всех – знакомых и незнакомых. Это объясняется гостеприимным характером башкир, ибо в прошлом они не только приветствовали, но и приглашали «юлаусыны» (путника) к себе, угощали и предоставляли ночлег. Младшие по возрасту первыми обращаются со словами приветствия, что является показателем воспитанности и доброжелательности [Баязитова, 2010, с. 106].

Наиболее ярко специфика башкирского речевого этикета проявилась в употреблении благопожеланий. Благопожелания – небольшие по объему речевые формулы, используемые в повседневном общении по тому или иному поводу: рождение ребенка, оказание услуг, покупка, постройка дома, женитьба и т.д. Так, тем, у кого родился ребенок, адресуют следующие пожелания: *тәүфиҡле булһын* ‘пусть будет благонравным, дисциплинированным’; *оҙон ғүмерле булһын* ‘пусть живет долго’. При виде работающих говорят: *алла ярҙам бирһен* ‘бог в помощь’, *алла ҡеүәт бирһен* ‘пусть аллах даст силы’. Человеку, купившему новую вещь, желают: *йылы тәнеңдә туҙһын* ‘пусть износится на теплом теле’, *ҡотло булһын* ‘пусть будет с душой’.

Изучение речевого этикета важно с точки зрения межкультурной коммуникации, поскольку «учёт системы оппозиций, сложившихся в речевом этикете разных народов, может помочь избегать коммуникативных неудач при межкультурных контактах» [Родионова, 2009, с. 181].

В условиях глобализации наблюдается упрощение этикетных формул в обоих языках. Однако в Башкортостане наблюдается и обратный процесс – ревитализация национального этикета. Молодое поколение двуязычных граждан осознанно использует башкирские формулы приветствия (*һаумыһығыҙ* ‘здравствуйте’) и благодарности (*рәхмәт* ‘спасибо’) даже в русской речи, что выполняет функцию этномаркированности и подчеркивает идентичность.

Таким бразом, межкультурная коммуникация в контексте взаимодействия русской и башкирской языковых моделей – это не просто обмен информацией, а постоянное согласование ценностных систем. Русский коммуникативный стиль, отражая коммуникативное сознание народа, его культурные ценности и традиции, находит яркое воплощение в художественных произведениях (к примеру, В.М. Шукшина,

В.П. Астафьева) [Ишмуратова, Хисамова, 2017], задавая эталон речевой искренности и специфических стратегий близости.

Для успешного взаимодействия необходимо понимать, что этикетное речевое поведение представителей того или иного лингвокультурного сообщества позволяет не просто соблюсти формальность, но и правильно интерпретировать национальный характер. Проблемы взаимодействия моделей решаются через повышение лингвокультурологической компетенции, когда участники диалога осознают, что за различием формул стоит различие в способах структурирования мира, а не личные качества собеседника.

Литература

Акишина А.А., Формановская Н.И. Русский речевой этикет. М., 1983. 184 с.

Баязитова Р.Р. Традиционный семейный этикет башкир. Уфа, 2010. 176 с.

Гольдин В.Е. Речь и этикет. М., 1980. 109 с.

Ишмуратова С.Р., Хисамова, Г.Г. Речевое поведение персонажа в художественном тексте. Уфа: РИЦ БашГУ, 2017. 116 с.

Карасик, В.И. Язык социального статуса. М.: Институт языкознания АН СССР, 1992. 330 с.

Национально-культурная специфика речевого поведения. М., 1997.

Родионова А.Е. Контактоустанавливающие формулы в русском и тюркском языках: оппозитивный подход к изучению межъязыковой интерференции // Роль классических университетов в формировании инновационной среды регионов: материалы междунар. науч.-практ. конф. Уфа, 2009. С. 182 –187.

Тырникова Н.Э. Общее и специфическое национальное в речевом этикете (на материале русского и английского языков): дис. … канд. филол. наук. Саратов, 2003. 24 с.

Формановская Н.И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспект. М., 1982. 158 с.

Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М., 2002. 216 с.

Формановская Н.И. Русский речевой этикет: нормативный и социокультурный контекст. М., 2002. 160 с.

Хисамова Г.Г. Национально-культурная специфика речевого общения: речевой этикет. Уфа, 2012. 35 с.

References

Akishina A.A., Formanovskaya N.I. Russian Speech Etiquette. Moscow, 1983. 184 p.

Bayazitova R.R. Traditional Family Etiquette of the Bashkirs. Ufa, 2010. 176 p.

Goldin V.E. Speech and Etiquette. Moscow, 1980. 109 p.

Ishmuratova S.R., Khisamova G.G. The Speech Behavior of a Character in a Literary Text. Ufa: RIC BashGU, 2017. 116 p.

Karasik, V.I. The Language of Social Status. Moscow: Institute of Linguistics of the USSR Academy of Sciences, 1992. 330 p.

National and cultural specifics of speech behavior. Moscow, 1997.

Rodionova A.E. Contact-establishing formulas in the Russian and Turkic languages: an oppositional approach to the study of interlingual interference // The role of classical universities in shaping the innovative environment of regions: materials of the international scientific and practical conference. Ufa, 2009. Pp. 182–187.

Tyrnikova N.E. General and specific national features in speech etiquette (based on the material of the Russian and English languages): diss. … candidate of philological sciences. Saratov, 2003. 24 p.

Formanovskaya N.I. Russian Speech Etiquette: Linguistic and Methodological Aspects. Moscow, 1982. 158 p.

Formanovskaya N.I. Speech Communication: Communicative-Pragmatic Approach. Moscow, 2002. 216 p.

Formanovskaya N.I. Russian Speech Etiquette: Normative and Sociocultural Context. Moscow, 2002. 160 p.

Khisamova G.G. National and Cultural Specificity of Speech Communication: Speech Etiquette. Ufa, 2012. 35 p.

М.М. Прищепа (Витебск, Беларусь)
maksimpr2002@gmail.com

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ХАРАКТЕРОЛОГИЧЕСКИЙ КОД КУЛЬТУРЫ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТИ: КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ И ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ

Аннотация. В статье проведён анализ эмоционально-характерологического культурного кода в годонимиконе десяти городах Витебской области. Данный код является одним из наименее представленных в регионе (3,5 %). Выявлена значительная межгородская

вариативность: наиболее высокие относительные показатели зафиксированы в Глубоком (5,8 %), Барань (5,6 %), Новолукомле (5,6 %) и Поставах (5,0 %), тогда как в крупных исторических центрах – Орше (1,4 %) и Полоцке (1,5 %) – данный код выражен слабо, т.е. он связан с типологией города. Результаты вносят вклад в семиотику урбанонимов в контексте региональной идентичности.

Ключевые слова: урбаноним, годоним, эмоционально-характерологический культурный код, Витебская область, региональная идентичность.

M.M. Pryshchepa (Belarus, Vitebsk)
maksimpr2002@gmail.com

EMOTIONAL-CHARACTEROLOGICAL CODE OF CULTURE IN THE URBAN ENVIRONMENT OF THE VITEBSK REGION: QUANTITATIVE ANALYSIS AND TERRITORIAL DIFFERENTIATION

Abstract. The article analyzes the emotional-characterological cultural code in the hodonymicon of ten cities in the Vitebsk region. This code is one of the least represented in the region (3.5 %). Significant intercity variability is revealed: the highest relative indicators are recorded in Hlybokaye (5.8 %), Barań (5.6 %), Novolukoml (5.6%) and Pastavy (5.0%), while in large historical centers – Orsha (1.4 %) and Polotsk (1.5 %) – this code is weakly expressed, i.e. it is related to the typology of the city. The results contribute to the semiotics of urbanonyms in the context of regional identity.

Keywords: urbanonym, hodonym, emotional-characterological cultural code, Vitebsk region, regional identity.

Современная урбанонимия всё чаще рассматривается не просто как система навигационных маркеров, а как многослойный семиотический код, транслирующий культурные смыслы, ценностные ориентиры и коллективные представления городского сообщества [Голомидова, 2017; Мезенко, 2021]. В белорусском языкознании и культурной географии последних лет активно разрабатывается подход, связывающий названия внутригородских линейных объектов (годонимов) с понятием культурных кодов – устойчивых моделей восприятия и категоризации мира, закреплённых в языковых формах [Шатерник, 2021; Дорофеенко, 2026]. Особый интерес среди них представляет эмоционально-характерологический код, который фиксирует в городском пространстве

субъективные психологические оценки, эмоциональные состояния и морально-волевые качества. В отличие от доминирующих топоморфного или антропоморфного кодов, эмоционально-характерологический код отражает человеческое измерение города – его стремление создать образ комфортной и оптимистичной среды.

Несмотря на растущее число работ по урбанонимии Беларуси [Лавшук, 2019; Смаль, 2020; Токарчук. 2020], исследования эмоционально-характерологического кода культуры остаются фрагментарными и, как правило, включены в общий семантический анализ без выделения его специфики. Особенно это касается региональных годонимиконов, где соотношение разных культурных кодов может существенно варьировать в зависимости от исторической роли города, его величины и экономической специализации. Витебская область, объединяющая древнейшие политические центры (Полоцк, Витебск, Оршу), малые исторические местечки (Глубокое, Поставы) и города новой индустриализации (Новополоцк, Новолукомль), представляет собой уникальный полигон для такого рода сопоставительного анализа. Однако до настоящего времени системного изучения распространённости и семантической структуры эмоционально-характерологического кода в годонимиконе городов Витебской области не проводилось.

Цель статьи – выявить особенности распространения, структуру и степень представленности эмоционально-характерологического кода культуры в годонимиконах Витебской области.

Для решения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: рассчитать абсолютные и относительные показатели эмоционально-характерологического кода для каждого из десяти городов Витебской области; сравнить его долю с другими культурными кодами в области; выявить города с максимальной и минимальной выраженностью данного кода; предложить интерпретацию полученных различий через призму историко-культурной типологии городов.

Источником материала исследования послужили списки названий улиц десяти городов Витебской области, полученные методом сплошной выборки из топографических карт и интернет-ресурсов, представленных в открытом доступе на официальном сайте Витебского областного исполнительного комитета. Общее количество составляет 3056 годонимов: из которых 107 презентовали эмоционально-характерологический код.

В работе использованы методы: контент-анализ, семантическая группировка, сравнительный анализ. Статистическая обработка включала

подсчёт частотности лексем, расчёт доли каждого семантического класса. Типологизация городов проводилась на основе их исторической роли и экономической специализации.

Основная часть. В наших предшествующих исследованиях был проведен структурно-семантический анализ годонимов Витебской области [Прищепа, 2025] на базе классификации культурных кодов, разработанной А.М. Мезенко [Мезенко, 2011]. Суммарное число зафиксированных проявлений эмоционально-характерологического кода по всем десяти городам составило 107 случаев, что равняется 3,5 % от общего массива кодов (3056 ед.). Это один из самых малочисленных кодов наряду с фауноморфным (0,1 %) и духовным (0,2 %). Для сравнения: доминирующий топоморфный код охватывает 55,5 % (1699 ед.), антропоморфный – 20,2 % (616 ед.). Низкая доля эмоционально-характерологических маркеров может свидетельствовать о том, что городская среда Витебской области в целом ориентирована на фиксацию объективно-физических (ландшафт, топография) или социально-исторических (антропонимы, события) смыслов, а не на передачу субъективных психологических оценок.

Абсолютные и относительные показатели эмоционально-характерологического кода представлены в таблице 1.

Таблица 1. Эмоционально-характерологический код в городах Витебской области

Город	Абсолютное число	Доля от всех кодов города (%)
Барань	4	5,6
Витебск	55	4,1
Городок	4	3,7
Глубокое	8	5,8
Лепель	5	3,3
Новолукомль	6	5,6
Новополоцк	8	4,7
Орша	7	1,4
Полоцк	5	1,5
Поставы	5	5,0
Всего/среднее	107	3,5

Максимальные относительные показатели зафиксированы в Глубоком (5,8 %), Барань (5,6 %), Новолукомле (5,6 %) и Поставах (5,0 %). Обращает внимание, что все эти города относятся к малым (население менее 20 тыс. чел.) или средним (Новолукомль – 13 тыс.), причём Новолукомль и Барань имеют выраженную монопрофильную структуру (соответственно энергетика и льнокомбинат). Глубокое и Поставы – исторические местечки с сохранившейся аутентичной застройкой. Можно предположить, что в малых городах эмоционально-характерологический код чаще проявляется в неформальных наименованиях (*улица Дружная*, *улица Весёлая*). Высокая доля может быть связана с компактностью среды, где личностные оценки быстрее переходят в публичное пространство. Промежуточное значение демонстрируют Витебск (4,1 %) и Новополоцк (4,7 %). Для областного центра (Витебск) абсолютное число 55 – наибольшее среди городов, однако в процентном отношении он уступает нескольким малым городам. Это ожидаемо для крупного культурного узла с высокой плотностью топоморфных (931ед., 67,7 %) и антропоморфных (164 ед., 12,0 %) кодов – они разбавляют эмоциональную составляющую. Новополоцк, как молодой город (основан в 1958 г.), обладает более рациональной планировкой и меньшей исторической памятью, но доля эмоционального кода (4,7 %) близка к среднеобластной. Минимальные показатели – в Орше (1,4 %) и Полоцке (1,5 %). Это два древнейших города региона (Полоцк впервые упоминается в 862 г., Орша – в 1067 г.). Их культурный ландшафт насыщен топоморфными (Полоцк – 140 ед., 40,9 %; Орша – 283 ед., 56,9 %) и антропоморфными годонимами (Полоцк – 125 ед., 36,5 %; Орша – 125 ед., 25,2 %). Эмоционально-характерологический код здесь почти вытеснен историко-героическими нарративами. Этот код в Витебской области по частоте близок к пространственному (107 ед., 3,5 %) и фитоморфному (106 ед., 3,5 %). Однако важно отметить, что в отличие от пространственного кода (фиксирующего геометрию и размещение) или фитоморфного (растительные образы), эмоционально-характерологический код несёт персональную, психологическую нагрузку.

Все 107 эмоционально-характерологических годонима распределены по семантическим группам (табл. 2). Большинство названий относятся к позитивной оценочной лексике. Отрицательных или амбивалентных не зафиксировано – это важная характеристика регионального подхода к номинации.

Таблица 2. Семантические группы урбанонимов эмоционально-характерологического кода

Семантическая группа	Примеры	Доля от выборки (%)
Свет / солнце / ясность	*улица Солнечная, улица Светлая, улица Ясная, улица Радужная, улица Хрустальная*	20,9
Положительные эмоции и состояния	*улица Радостная, улица Счастливая, улица Приветливая, улица Дружная, улица Мирная, улица Тихая, переулок Ласковый, улица Гармоничная*	25,6
Морально-волевые качества	*улица Великодушная, улица Свободная, улица Трудовая, улица Правды, улица Вольная, улица Энергичная, улица Активная, переулок Ритмичный*	16,3
Физико-динамические характеристики	*улица Горячая, улица Бурная, улица Гладкая, улица Спокойная, улица Тенистая, улица Снежная, улица Узорная*	15,1
«Вкусовые» / необычные метафоры	*улица Нектарная, улица Медовая, улица Урожайная, улица Лиричная, улица Логичная*	11,6
Социально-интерактивные	*улица Гостевая, улица Дружбы, улица Надежды, переулок Отрадный*	5,8
Прочие	*переулок Простой, переулок Гладкий, переулок Хрустальный*	4,7
Итого	107	100

Доминируют группы «Положительные эмоции» (25,6 %) и «Свет / солнце» (20,9 %), что указывает на стремление закрепить в городской среде образ комфортного и оптимистичного пространства. Группа «Морально-волевые качества» (16,3 %) включает как традиционные ценности (труд, правда, великодушие), так и современные (энергичность, активность, ритмичность) – особенно характерные для Новополоцка и молодых районов Витебска. Последний выделяется максимальным разнообразием. Здесь представлены все семантические группы, включая редкие наименования: *Лиричная улица*, *Хрустальный проезд*. Кроме того, присутствуют парные формы (улица, переулок, проезд с одним корнем

– Радостный/Радостная, Спокойный/Спокойная), что свидетельствует о системном подходе к именованию в советский и постсоветский периоды. Интересно, что в Витебске есть *Гостевая улица* – уникальная для региона номинация, подчёркивающая туристическую или принимающую функцию.

Новополоцк демонстрирует иную стратегию: все названия связаны с комфортом и межличностными отношениями (*улица Мирная, улица Тихая, Отрадный переулок, Большая Радужная улица, Малая Радужная улица, улица Дружбы, улица Надежды*). Отсутствуют энергичные номинации, что может быть связано с генеральным планом города (спальный характер, ориентация на семейный уют).

Малые города (Барань, Глубокое, Лепель, Новолукомль, Поставы, Городок) используют узкий набор наименований: почти повсеместно встречаются *улица Солнечная, улица Светлая, улица Урожайная, улица Радужная, улица Трудовая*. В Новолукомле добавляются названия (*улица Нектарная*, *улица Медовая*) – уникальные для области «сладкие» метафоры, отсылающие к поэтике номинации. В Витебске и Городке присутствует *улица Правды* (идеологически окрашенная номинация), в Поставах – *улица Трудовая* и *улица Тихая*. Древние исторические центры (Полоцк, Орша) семиотически перегружены топоморфными и антропоморфными годонимами, оставляя мало места для субъективных эмоциональных номинаций.

Анализ повторяемости наименований (табл. 3) показывает, что «Солнечная» номинация – абсолютный лидер (встречается в Витебске, Барань, Глубоком, Городке, Лепеле, Новолукомле, Поставах – 7 ед.). Второе место у «Светлой» номинации (Витебск, Барань, Новолукомль – 3 ед.). «Радужная» номинация встречается в Новополоцке (два раза), Барань и Новолукомле (4 раза). Номинация «Урожайная» – в Витебске, Барань, Новолукомле, Орше (4 раза). Такая повторяемость может свидетельствовать о существовании регионального каталога общепринятых названий улиц, особенно для новых микрорайонов.

Таблица 3. Повторяющиеся названия в годонимиконах Витебской области

Номинация	Число городов	Города
Солнечная	7	Витебск, Барань, Глубокое, Городок, Лепель, Новолукомль, Поставы
Светлая	3	Витебск, Барань, Новолукомль

Номинация	Число городов	Города
Урожайная	4	Витебск, Барань, Новолукомль, Орша
Радужная	3	Новополоцк, Барань, Новолукомль
Трудовая	2	Городок, Поставы

Доминирование световой и эмоционально-комфортной лексики (*улица Солнечная*, *улица Светлая*, *улица Радостная*, *улица Мирная*) соответствует общей тенденции белорусской урбанонимии советского и постсоветского периодов, где предпочтение отдавалось позитивному эффекту. Однако отсутствие названий, фиксирующих более сложные эмоции или отрицательные черты, делает эмоционально-характерологический код в Витебской области одномерно оптимистичным. Это может рассматриваться как элемент спокойствия и уверенности в городской среде.

Заключение. Эмоционально-характерологический код культуры в городах Витебской области занимает периферийное положение (3,5% от всех кодов), значительно уступая топоморфному и антропоморфному. Выявлена устойчивая диспропорция: малые города (Глубокое, Барань, Новолукомль, Поставы) демонстрируют относительно высокую долю этого кода (5–6 %), тогда как древние исторические центры (Орша, Полоцк) – минимальную (1,4–1,5 %). Витебск и Новополоцк занимают срединное положение. Полученные результаты позволяют говорить о двух различных стратегиях семиотического конструирования городской среды: «канонической» (с опорой на объективные исторические и топографические реалии) и «локально-персоналистской» (с включением субъективных, психологических характеристик).

Эмоционально-характерологический код культуры в городах Витебской области, несмотря на свою малую долю (3,5 %), обладает внутренне разнообразной семантической структурой. На основе анализа 86 урбанонимов установлено, что доминируют названия, связанные со светом/солнцем (20,9 %) и положительными эмоциями (25,6 %). Витебск выступает как центр разнообразия, Новополоцк – как город комфортных номинаций, малые города – как хранители стандартного набора названий (*улица Солнечная*, *улица Светлая*, *улицаУрожайная*). Древние центры (Орша, Полоцк) почти не используют эмоционально-характерологический код в урбанонимии, что подтверждает их ориентацию на историко-топографические смыслы.

Полученные результаты могут быть использованы при планировании новых городских районов (рекомендация расширять семантический репертуар за счёт более разнообразных эмоциональных состояний), а также для сравнительных исследований с другими регионами Беларуси и сопредельных стран.

Литература

Витебский городской исполнительный комитет. URL: https://vitebsk.gov.by/ru/ (дата обращения: 07.04.2026).

Голомидова М.В. Современная урбанонимическая номинация: стратегические подходы и практические решения // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14. № 3. С. 185–203.

Дорофеенко М.Л. Внутрипоселенческие топонимы Беларуси и Франции: национально-культурные особенности полевой организации: монография. Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2026. 211 с.

Лавшук О.А. Топонимия Витебской области: структура и семантика // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е. Педагогические науки. 2019. № 15. С. 82–88.

Мезенко А.М. Русский и белорусский тексты культуры в урбанонимии приграничья: сопоставительный аспект // Ономастика в Смоленске и Витебске: проблемы и перспективы исследования. 2021. № 9. С. 67–73.

Мезенко А.М. Урбанонимия как язык культуры // Ученые записки ТНУ им. В.И. Вернадского. Сер. Филология. Социальные коммуникации. 2011. Т. 24 (63). № 2. Ч. 1. С. 388–392.

Прищепа М.М. Пути репрезентации кодов культуры в урбанонимии Беларуси // Ономастика в Смоленске и Витебске: проблемы и перспективы исследования: материалы международной научной конференции, Смоленск, 17 октября 2025 / отв. ред. И.А. Королева. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2025. С. 111–118.

Смаль В.Н. Города Беларуси в зеркале культурных кодов: от Полоцка до Новополоцка. Минск: Беларуская навука, 2020. 215 с.

Токарчук С.М. Годонимы г. Бреста: общая характеристика, типизация и особенности пространственного распространения // Псковский регионологический журнал. 2020. № 2 (42). С.110–123.

Шатерник М.А. Культурные коды белорусского города: методология и региональные кейсы // Журнал культурной географии. 2021. Т. 12. № 2. С. 45–61.

References

Vitebsk City Executive Committee. URL: https://vitebsk.gov.by/ru/ (accessed: 07.04.2026)

Golomidova M.V. Modern urbanonymic nomination: strategic approaches and practical solutions // Voprosy onomastiki. 2017. Vol. 14. No. 3. Pp. 185–203.

Dorofeenko M.L. Intra-settlement toponyms of Belarus and France: national and cultural features of field organization: monograph. Vitebsk: VSU named after P.M. Masherov, 2026. 211 p.

Lavshuk O.A. Toponymy of the Vitebsk Region: structure and semantics // Bulletin of Polotsk State University. Series E. Pedagogical Sciences. 2019. No. 15. Pp. 82–88.

Mezenko A.M. Russian and Belarusian cultural texts in the urbanonymy of the border region: a comparative aspect // Onomastics in Smolensk and Vitebsk: problems and research prospects. 2021. No. 9. Pp. 67–73.

Mezenko A.M. Urbanonymy as a Language of Culture // Scientific Notes of TNU named after V.I. Vernadsky. Ser. Philology. Social Communications. 2011. Vol. 24 (63). No. 2. Part 1. Pp. 388–392.

Prishchepa M.M. Ways of Representing Cultural Codes in the Urbanonymy of Belarus // Onomastics in Smolensk and Vitebsk: Problems and Prospects of Research: Proceedings of the International Scientific Conference, Smolensk, October 17, 2025 / Edited by I.A. Koroleva. Smolensk: Publishing House of SmolGU, 2025. Pp. 111–118.

Smal V.N. Cities of Belarus in the Mirror of Cultural Codes: From Polotsk to Novopolotsk. – Minsk: Belaruskaya Navuka, 2020. 215 p.

Tokarchuk S.M. Godonyms of the city of Brest: general characteristics, typology and features of spatial distribution // Pskov Regional Studies Journal. 2020. No. 2 (42). Pp. 110–123.

Shaternik M.A. Cultural codes of the Belarusian city: methodology and regional cases // Journal of Cultural Geography. 2021. Vol. 12. No. 2. Pp. 45–61.

Докт. филол. наук, канд. психол. наук А.В. Пузырёв (Покров)
puzyrev-a-v@yandex.ru

ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА В РУССКИХ АНЕКДОТАХ (ОПЫТ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА)

Аннотация. Статья посвящена опыту применения универсальной схемы научного исследования (матрицы А.А. Гагаева) к анализу русских анекдотов как формы отражения жизненных сценариев человека. Рассматривается эвристический потенциал «квадрата познания», включающего пять ступеней сущности (от всеобщего к единичному) и пять целевых подсистем исследования. На обширном иллюстративном материале демонстрируется, каким образом тексты анекдотов фиксируют различные аспекты человеческого бытия: от всеобщих закономерностей мышления и психологических защит до уникально-неповторимых интерпретаций действительности и национально-специфических черт коммуникативного поведения. Автор обосновывает валидность использования данной матрицы для систематизации гетерогенного языкового и психологического материала, выявляя логику причинности, динамики и смысла жизненных явлений, запечатленных в массовом сознании. Делается вывод о том, что предложенная классификация носит предварительный характер и открывает перспективы для дальнейших целостно-системных исследований психолингвистической природы анекдота.

Ключевые слова: русский анекдот, универсальная схема научного исследования, целостно-системный подход, психолингвистика, ступени сущности, языковая картина мира, жизненный сценарий, А.А. Гагаев, субстратный подход, языковая игра.

Doctor of Philology, PhD in Psychology A.V. Puzyrev (Pokrov)

HUMAN LIFE IN RUSSIAN ANECDOTES (An experience of a systems approach)

Abstract. The article is devoted to the experience of applying a universal scheme of scientific research (A.A. Gagaev's matrix) to the analysis of Russian jokes as a form of reflecting human life scenarios. The heuristic potential of the "square of cognition," which includes five stages of essence (from the universal to the individual) and five target subsystems of research, is examined. Using extensive illustrative material, it is demonstrated how joke texts capture various aspects of human existence: from universal patterns of thinking and

psychological defenses to uniquely unique interpretations of reality and nationally specific features of communicative behavior. The author justifies the validity of using this matrix to systematize heterogeneous linguistic and psychological material, revealing the logic of causality, dynamics, and the meaning of life phenomena as reflected in mass consciousness. It is concluded that the proposed classification is preliminary in nature and opens up a perspective.

Keywords: Russian joke, universal scheme of scientific research, holistic-systemic approach, psycholinguistics, stages of essence, linguistic picture of the world, life scenario, A.A. Gagaev, substrate approach, language game.

В русских анекдотах фиксируются многие (хотя и далеко не все) аспекты человеческой жизни. Воспользуемся опытом наших коллег, с помощью анекдотов иллюстрировавших основы психолингвистики [Седов, 1998], и на материале анекдотов продемонстрируем классифицирующие возможности универсальной схемы научного исследования, предложенной философом А.А. Гагаевым и операционализованной нами в рамках психологических, психолингвистических и лингвистических исследований (см.: [А.А. Гагаев 1991; 1994; А.В. Пузырёв 1995; 2002; 2014; 2024]).

Приведём в наиболее общем, даже упрощённом виде саму универсальную схему понимания человеческой жизни. Пять горизонталей в ней – это пять ступеней познания, пять ступеней сущности изучаемого предмета, пять граней постижения человеческой жизни (в логическом плане: всеобщее, общее, конкретно-абстрактное, особенное, единичное; при онтологическом подходе – планы бытия, сущности, необходимости, явления и действительности). Пять вертикальных столбцов – это пять целевых подсистем исследования, накладывающихся на каждую из пяти ступеней сущности постижения жизни человека (в логическом плане: всеобщее, общее, конкретно-абстрактное, особенное, единичное; при онтологическом подходе – планы бытия, сущности, необходимости, явления и действительности). Получается своего рода «магический квадрат» познания (см. табл. 1):

Таблица 1. Квадрат познания

1. Причины причин жизни	5. Логика причин жизни	4. Динамика причин жизни	3. Смысл причин	2. Уникальность при-

			человече-ской жизни	чин жизни человека
6. Причины сущности человека	7. Логика человеческой сущности	8. Динамика человеческой сущности	9. Смысл человеческой сущности	10. Уникальность человеческой сущности
15. Причины необходимости человека	14. Логика человеческой необходимости	13. Динамика человеческой необходимости	12. Смысл человеческой необходимости	11. Уникальность необходимости человека
19. Причины человеческой реальности	16. Логика реальности человека.	17. Динамика реальности	18. Смысл реальности для человека	20. Уникальность реальности человека
24. Причины восприятия человека человеком	21. Логика восприятия человека человеком	23. Восприятие человека человеком как процесс	22. Смысл и оценка восприятия Другого	25. Уникальность восприятия человека человеком

Последовательность арабских цифр в этой таблице знаменует последовательность шагов научного познания. Она обоснована в работе [А.Гагаев, 1991].

Развернём, распакуем эту таблицу понимания сценариев человеческой жизни в русских анекдотах и воспользуемся дедуктивным порядком, движением в таблице слева направо (от всеобщего к единичному), хотя в развёрнутом целостно-системном исследовании рекомендуется закономерное чередование дедукции и индукции.

Всеобщее – всеобщее. ***Генетический аспект исходных причин и условий.***

В русских анекдотах отмечается всеобщий характер восприятия мира уникально-неповторимым, личностным образом:

Сидит маленький дракончик и плачет. Прохожий его спрашивает:

– Где твоя мама?

– Я её съел…

– А папа где?!

– Я его тоже съе-е-ел…

– Да ты знаешь, кто ты после этого?!

– Зна-а-аю, круглый сирота… [Анекдоты, 1993, с. 13].

Или:

Две старые девы сидят во дворе на скамейке и, поджав скорбно губы, наблюдают за петухом, который гоняется за одной из кур и никак не может догнать. Два раза обежав вокруг дома, курица выбегает на улицу и попадает под колеса грузовика.

– Она предпочла смерть, – произносит одна из дев с пафосом. [Никулин, 2008, с. 36]

Или (из английского юмора):

Старый лорд подходит утром к окну гостиной, долго смотрит на окутывающий Лондон тяжелый серый туман, а затем говорит своему дворецкому:

– Сегодня смог, Джон.

– Поздравляю, сэр. [Никулин, 2008, с. 45]

Всеобщее – общее. ***Логический аспект исходных причин и условий.***

В русских анекдотах содержатся определения базовых понятий человеческой жизни:

Какая разница между мужскими и женскими ногами?

– В ногах разницы нет, разница между ними [Анекдоты, 1993, с. 5].

Всеобщее – конкретно-абстрактное. ***Динамический аспект исходных причин и условий.***

В анекдотах фиксируется типичность для всего живого мира стереотипности характера мышления:

Свинья увидела на стене сарая электророзетку:

– Что, дохрюкалась? Замуровали? [Анекдоты, 1993, с. 9].

Обозначается всеобщий характер такого способа психологической защиты, как отрицание психологических проблем:

Поспорили звери, кто из них умный, а кто красивый. Спорили, спорили, а потом решили: пусть красивые отойдут налево, а умные – направо. Все разошлись, а обезьяна стоит посередине.

– А ты что стоишь? – кричат ей звери.

– А что ж мне, разорваться что ли?! [Анекдоты, 1993, с. 12].

Отражается всеобщий характер такого способа психологической защиты, как оглушение с помощью алкоголя:

В кабинете врача:

– Я никак не могу поставить точного диагноза. Думаю, что всё это из-за пьянки.

– О, я Вас понимаю, доктор. Я приду в другой раз, когда Вы будете трезвым. [Анекдоты, 1993, с. 17].

Или:

В бар входит мужчина и, указывая на мертвецки пьяного посетителя, говорит:

– Бармен, мне то же самое… [Анекдоты, 1993, с. 17].

Или:

Больной показывает врачу совершенно чёрный язык.

– Что случилось? – удивляется врач.

– Пол-литра водки случайно разлил на свежий асфальт [Анекдоты, 1993, с. 18].

Иллюстрируется всеобщий характер разрушительной силы страха:

– Ничего не понимаю, – говорит один учёный другому. – Белым мышам я создаю идеальные условия, а они дохнут от разрыва сердца!.. А у серых – плохие условия, а им хоть бы что! Смотри, какие весёлые!

– Понимаешь, старик, я твоим белым мышам по вечерам кошку нашего сторожа показывал… [Анекдоты, 1993, с. 12]

Фиксируется всеобщий характер манипуляций в межполовых отношениях:

Пожилой мужчина советуется с другом:

– Мне уже 65 лет, я богат и я хочу жениться на молодой девушке. Как ты думаешь, мои шансы повысятся, если я ей скажу, что мне только 50?

– Твои шансы повысятся, если ты ей скажешь, что тебе 85! [Анекдоты, 1993, с. 3–4]

Или:

Что делает лиса, когда хочет иметь маленьких лисят?

То же самое, что и женщина, которая хочет иметь лису [Анекдоты, 1993, с. 6].

Отмечается всеобщий характер видения мира сквозь призму профессиональных занятий:

Открытое декольте одной знакомой дамы главный бухгалтер М. называл «непокрытым дефицитом»… [Анекдоты, 1993, с. 4]

Или:

Один алкаш другому:

– Сёма, а что бы нам взять на ужин?

– А там, на кухне, бутылка мяса… [Анекдоты, 1993, с. 16]

Формулируются всеобщие законы счастливой семейной жизни:

Как молодой жене обращаться с мужем?

– Как с собакой: кормить, ласкать, почаще водить гулять. [Анекдоты, 1993, с. 6]

Всеобщее – особенное. ***Функциональный аспект исходных причин и условий.***

В русских анекдотах обосновывается всеобщность гендерного влияния на характер мышления:

Лягушка прыгает по дороге. Сзади на неё наезжает асфальтоукладчик и вдавливает её в асфальт. Лягушка отлепляется от асфальта:

– Вот прижал, так прижал, не то что наши мужики в болоте! [Анекдоты, 1993, с. 13]

Всеобщее – единичное. ***Личностный аспект исходных причин и условий.*** Анекдоты на этот аспект универсального подхода к предмету нами не обнаружены.

Общее – всеобщее. ***Генетический аспект внутренних закономерностей развития.***

В русских анекдотах обосновывается всеобщий характер (для представителя конкретной национальности) национальной картины мира:

Петух топчет курицу.

Из дома выходит грузин и бросает горсть зёрен. Петух бросает курицу и клюёт зёрна.

– Нэ дай Бог так оголодать! – со вздохом произносит грузин. [Анекдоты, 1993, с. 13]

Отмечается своеобразие детского восприятия, неумение детей делать правильные выводы, от которых потом будет зависеть их собственная жизнь:

Вовочка спрашивает маму:

– Мамочка, а почему невеста на свадьбе всегда в белом?

– Белый цвет – признак счастья, радости, чистоты… – объясняет мама.

– А… теперь я понимаю, почему жених в чёрном. [Анекдоты, 1993, с. 4]

Общее – общее. ***Логический аспект внутренних закономерностей развития.***

В русских анекдотах можно встретить весьма неожиданные определения известным понятиям:

Эротика – это порнография, которая умеет держать себя в рамках приличия [Анекдоты, 1993, с. 4].

В подобных случаях можно говорить о языковой игре:

Что такое крест – накрест?

Поп на медсестре [Анекдоты, 1993, с. 5].

Или:

Кто такой муж?

Заместитель любовника по хозяйственной части. [Анекдоты, 1993, с. 6].

Или:

Что такое реактивный муж?

Это когда – Ту-104, а жену ни разу. [Анекдоты, 1993, с. 6].

Общее – конкретно-абстрактное. ***Динамический аспект внутренних закономерностей развития.***

В русских анекдотах содержатся наблюдения над разрушительным характером типичного поведения на курорте:

– Где Вы провели отпуск?

– Первую половину в Ялте.

– А вторую?

– В вендиспансере. [Анекдоты, 1993, с. 4].

Фиксируются в качестве типичных национальные особенности поведения:

Турист убегает от итальянской проститутки.

Она: «Импотенто? Сифилито? Педерасто? А-а, советико…» [Анекдоты, 1993, с. 6]

Высмеивается пристрастие отечественных разведчиков к «девочкам» и «ресторанам»:

Главы разведок нескольких стран договорились выяснить, чьи разведки стойки в случае провала. С этой целью, по предварительной договоренности, были рассекречены по одному наименее важному резиденту от каждой стороны, и они были арестованы. Допросы велись по очереди с нарастающей строгостью.

Американского разведчика купили. Француз все выболтал подсунутой в камеру красотке.

Англичанин согласился только на потомственное право ношения титула лорда с родовым гербом и поместьем.

Русский разведчик молчал, как его не обрабатывали: не помогали не деньги, ни угрозы. Удивленная такой стойкостью, после очередного бесплодного допроса комиссия решила посмотреть, как он ведет себя в камере. Установили аппаратуру и уселись у экрана. Вот разведчика завели, закрыли дверь. Упав на кровать, испытуемый обхватил голову руками, потом вскочил и стал биться головой об стену, причитал:

– Вот тебе девочки! Вот тебе рестораны! Шифры надо было учить! Явки запоминать! [Анекдоты, 1995, с. 536]

Содержатся наблюдения над речью с «фрейдистскими» оговорками, когда из слов вытекает такое глубинное содержание, которое обычно принято скрывать:

– Девушка! Разрешите Вас пригласить в турпоход.

– Какая я Вам девушка? Я уже два раза в турпоходе была. [Анекдоты, 1993, с. 5]

Или:

– Кума! Вчера в трамвае твой муж такой анекдот рассказывал, мы так смеялись, чуть с кровати не упали! [Анекдоты, 1993, с. 5]

Или:

Женщину изнасиловали. В милиции ее спрашивают:

– Как дело было?

– Он ко мне сзади подошел и изнасиловал.

– Почему же Вы не кричали?

– Он меня все время шантажировал, все время угрожал: как только закричишь, я сразу уйду.

[Никулин, 2008, с. 183]

Общее – особенное. ***Функциональный аспект внутренних закономерностей развития.***

Анекдоты иронизируют над тяжестью семейной жизни для многих мужчин:

Друг спрашивает:

– Почему ты не носишь обручальное кольцо?

– За глотку душит! [Анекдоты, 1993, с. 5]

Обнаруживают использование знания женской психологии для повышения доходов по продажам:

В мясном магазине позади прилавка висит огромное зеркало.

– Зачем Вы повесили зеркало? – спрашивает покупатель директора.

– Чтобы покупательницы не смотрели на весы. [Никулин, 2008, с. 43–44]

Общее – единичное. ***Личностный аспект внутренних закономерностей развития.*** Анекдоты на этот аспект реальности не отмечены.

Конкретно-абстрактное – всеобщее. ***Генетический аспект процесса перехода человеческой сущности в явление.***

В анекдотах часто обозначаются установки различных этносов.

Распространённость установки у американцев ночевать не со своей женой:

В Америке провели статистику, по каким причинам мужчины ночью встают с постели:

1. Пять процентов – чтобы сходить в туалет;

2. Двадцать процентов – чтобы идти на работу;

3. И семьдесят процентов – чтобы одеться и идти домой. [Никулин, 2008, с. 34]

Справедливость пословицы: «Русские быстро ездят, но медленно запрягают»:

В концлагере сидят: американец, француз, англичанин и русский.

Приходит эсэсовец.

– Сейчас мы вас расстреляем. Но так как мы гуманная нация, то можем выполнить последнее желание каждого.

Один попросил на последнее желание – возлюбленную, другой – стакан виски, третий еще что-то, а русский говорит:

– Дайте мне пинка под зад, да посильнее.

Удивились, но дали пинка. Он ударился об стенку, отлетел, выхватил у охранника автомат и всех немцев перестрелял.

– Выходите, братцы, на свободу!

Его спрашивают:

– Почему же ты раньше так не сделал, если мог?

– Нам, русским, пока по жопе не надают, мы ничего сделать не можем. [Никулин, 2008, с. 242–243]

Всеобщий характер мотивированности поведения установками, усвоенными в детстве:

Дети по одному входят в класс и здороваются с учительницей. Только Вовочка всех растолкал и сразу плюхнулся на свое место. Учительница строго:

– Вовочка! Выйди из класса и зайди нормально, как твой папа домой приходит!

Вовочка покинул класс и прикрыл за собой дверь. Вдруг дверь с треском распахивается от удара Вовочкиной ноги:

– Ну что, суки, не ждали? [Никулин, 2008, с. 91–92]

Всеобщий характер мотивированности поведения этническими установками – готовность Хаймовича и Рабиновича помогать друг другу за казённый счёт:

В КГБ раздаётся телефонный звонок:

– Алло! Это КГБ?

– Да.

– Вы знаете Рабиновича, который проживает по Дерибасовской, в доме пятнадцать?

– Да.

– А вы знаете, что у него во дворе есть сарай?

– Да.

– А вы знаете, что у него в сарае есть бревна?

– Да.

– А вы знаете, что в бревнах он прячет золото?

– Спасибо.

На следующий день Рабиновичу звонит Хаймович.

– Ну как дела?

– Спасибо, дорогой! Не только распилили, но и раскололи. [Никулин, 2008, с. 12]

Всеобщий характер мотивированности поведения этническими установками – указывается на наивность чукчей и их доверчивость к внутренней форме русского слова, про их неразличение прямого и переносного значений слов:

Чукча идет вдоль поезда и бьется головой о каждый вагон.

– Эй, чукча, ты чего делаешь? Совсем дурак, что ли?

– Э-э-э, нет! Чукча не дурак, чукча умный! Чукча мягкий вагон ищет! [https://stihi.ru/2013/01/17/3330]

Женская установка сразу предполагать сексуальный подтекст:

– Мама! Ты знаешь, где умер Наполеон?

– Где?

– На Святой Елене.

– И таким гадостям вас учат в школе? [Никулин, 2008, с. 231]

Или:

Парень приглашает девушку танцевать:

– Можно Вас?

– Можно, но сначала давайте потанцуем. [Никулин, 2008, с. 234]

Или:

– Девушка, можно Вас на минуточку?

– А Вы успеете? [Никулин, 2008, с. 231]

Конкретно-абстрактное – общее. ***Логический аспект процесса перехода человеческой сущности в явление.***

Даже сумасшедший способен сменить свою доминанту в целях внешней мотивации собственного поведения:

В сумасшедшем доме больной тащит по полу за веревку зубную щетку. Подходит врач.

– Что, с собачкой прогуливаетесь?

– Это щетка.

Врач отошел. Псих зашел за угол и говорит, обращаясь к щетке:

– Ну что, Бобик, здорово мы его надули? [Никулин, 2008, с. 122]

Антипсихологизм многих врачебных рекомендаций:

– Боюсь, мистер Смит, что с этого дня Вы должны бросить пить, курить, встречаться с женщинами.

– Но, я ведь мужчина, доктор!

– Можете продолжать бриться. [Никулин, 2008, с. 26]

Конкретно-абстрактное – конкретно-абстрактное. ***Динамический аспект процесса перехода человеческой сущности в явление.***

В анекдотах высмеивается установка выпить перед тем, как умереть или получить серьёзную травму:

Автобус стоит на остановке. Шофер достал бутылку:

– Будет ли кто?

Все молчат.

Выпил, покурил. Достает еще одну:

– Будет ли кто?

Молчат. Выпил. Надевает мотоциклетный шлем:

– Ну что, смертнички, поехали?! [Никулин, 2008, с. 205–206]

Конкретно-абстрактное – особенное. ***Функциональный аспект процесса перехода человеческой сущности в явление.***

Мощь доминанты:

Машинист парижского экспресса видит издали лежащую на рельсах парочку. Дает гудок. Никакого внимания. Снова гудит и с трудом тормозит состав. Соскочив с паровоза, подлетает к парочке со страшными ругательствами. Молодой человек поднимается и говорит:

– Месье, один из нас должен был остановиться. Я не мог. [Никулин, 2008, с. 34–35]

Формирование доминанты в общении родственников:

– Дорогой, мне так не хочется идти в гости к родственникам.

– Мне тоже. Но ты представь, если мы не пойдем, как они обрадуются.

– Да. Надо идти. [Никулин, 2008, с. 212]

То же самое:

Муж спрашивает жену:

– Ну как ты сходила в гости?

– О, это был прекрасный вечер. Петровы попросили меня спеть. И я спела им романс.

– Молодец. Ненавижу этих Петровых. [Никулин, 2008, с. 215]

Ярость жены обычного мужчину пугает больше, чем заключение в камеру (из английского юмора):

В полицию приходит человек.

– Я пришел сдаться властям.

– А что Вы сделали?

– Я ударил мою жену.

– И убили ее?

– Что Вы! На ней нет даже царапины.

– Ну это пустяки – можете идти.

– Ни за что. Она стоит за этой дверью. [Никулин, 2008, с. 41]

Опасность неточно сформулированных желаний:

Идет негр по берегу моря: жарко, губы рассохлись. Спустился к морю. Вдруг увидел в воде возле самого берега золотую рыбку. Схватил ее, а рыбка и говорит:

— Отпусти меня, я исполню три твоих желания!

Негр подумал:

— Ну хорошо. Во-первых. Хочу стать белым. Во-вторых. Хочу, чтобы на коленях у меня сидели женщины. В-третьих, чтобы у меня всегда было много воды.

И он стал унитазом в женском туалете. [Никулин, 2008, с. 45]

Конкретно-абстрактное – единичное. ***Личностный аспект соотношения психики и состояния тела.***

Связь телесных и психических процессов у конкретного человека:

Один знаменитый путешественник, отправляясь в Антарктиду, включил в состав экспедиции самую уродливую женщину, какую смог найти. Он объяснил это так:

– Когда она покажется мне хорошенькой, я пойму, что пора возвращаться на родину. [Никулин, 2008, с. 37]

Особенное – всеобщее. ***Генетический аспект материализации явления.***

В анекдотах отмечаются национальные манеры поведения:

Рабинович заходит в аптеку весь в чёрном: шляпа, рубашка, галстук, трость, костюм и т.д. Шёпотом просит у девушки-продавца:

– У Вас найдётся чёрный презерватив?

– Для вас, конечно, но по какому случаю?

– Понимаете, умер мой лучший друг, хочу выразить его жене соболезнование [Анекдоты, 1993, с. 24].

Или:

Едут двое чукчей в автобусе. Один подходит к водителю и спрашивает:

– Я доеду на этом автобусе до вокзала?

– Нет, не доедете.

Второй чукча подходит:

– А я? [Анекдоты, 1993, с. 50]

Или:

Подходит еврей к рыбакам:

– Рыбаки, вы чёрную икру есть будете?

– Будем.

– Когда будете есть, позовите меня [Анекдоты, 1993, с. 50].

Высмеивается ранняя половая жизнь в сегодняшней Рооссии:

Вовочка спрашивает доктора:

– Дядя доктор! А шестилетняя девочка может забеременеть?

– Нет!

– Шантажистка! [Никулин, 2008, с. 91]

Особенное – общее. ***Логический аспект материализации явления.***

В русских анекдотах формулируются параметры психологического типа «женщина с огоньком»:

Чем отличается женщина от такси?

– Женщина с огоньком никогда не бывает свободной [Анекдоты, 1993, с. 6].

Особенное – конкретно-абстрактное. ***Динамический аспект материализации явления.***

В анекдотах фиксируется «заразительность» антиобщественных форм поведения:

Возле общественного туалета стоит негр и писает. Подходит милиционер:

– Как Вам не стыдно, не можете в туалете это сделать?

Негр очень смущённо:

– Нет, нельзя! Там – белый господин вино пьёт! [Анекдоты, 1993, с. 15]

В русских анекдотах отмечается, с одной стороны, психологический феномен прирастания маски к личности, а с другой – показывается некоторая неадекватность психологических масок:

Штирлиц с трудом открыл глаза и подумал:

«Если я у них, то я штандартенфюрер Штирлиц.

Если я у своих, то полковник Исаев…»

Входит милиционер:

– Ну и здорово же Вы вчера надрались, гражданин Тихонов!.. [Анекдоты, 1993, с. 15]

В анекдотах высмеивается склонность большой части мужского населения России к бытовому алкоголизму:

Бизнес по-советски. Украсть ящик водки, выпить содержимое, бутылки сдать, а деньги – пропить. [Анекдоты, 1993, с. 16]

Или:

– Папа, мама сказала, что теперь водка дорогая, и ты будешь меньше пить.

– Она ошибается, сынок, это ты теперь будешь меньше есть. [Анекдоты, 1993, с. 17]

Или:

Одна девушка говорит другой в баре:

– Представляешь, никак не могу поймать кайф. То недобор, то в отключку… [Анекдоты, 1993, с. 17]

Обращается внимание на типичность в семейных отношениях несовпадения сексуального темперамента:

Жена у сексопатолога:

– Доктор, посоветуйте, что мне делать, муж совсем измучил. Приходит домой, съедает борща – и сразу в койку. И откуда только силы берутся?

– Пусть устроится ещё на одну работу, скажите, что Вам не хватает денег.

Так она и сделала. Муж пришёл после второй работы поздно вечером очень усталый.

– Ну что, борща? – спрашивает жена.

– Какого борща – устал, как собака. В койку! [Анекдоты, 1993, с. 24]

Высмеивается распространённость среди мужчин инфантов и импотентов:

Молодая чета приходит к сексопатологу. Муж виновато:

– Доктор, я до сих пор не знаю, что нужно делать с женой в постели.

Врач скользнул взглядом по молоденькой жене:

– Сейчас покажу.

Уложил её на кушетку и исполнил обязанности мужа.

– Ну, теперь ясно?

– Спасибо, доктор. Только я не знаю…

– Что ещё?

– Если Вы будете заняты, то куда нам обращаться? [Анекдоты, 1993, с. 23]

Подвергается иронии распространённость глупых женщин:

Беременная женщина на приёме у мужчины-гинеколога:

– Доктор, а в какой позе я буду рожать?

– Ну что Вы беспокоитесь, голубушка, в той же самой, в какой зачали ребёнка.

– Какой ужас. Рожать ребёнка на заднем сиденье автомобиля с высунутой в окно ногой!? [Анекдоты, 1993, с. 23]

Особенное – особенное. *Функциональный аспект материализации явления.*

В русских анекдотах фиксируется дефектность причинно-следственных связей в мировосприятии одного из директоров, сделавшего не самые точные выводы:

Директор уволил секретаршу и приказал найти новую. Объявили конкурс. Одна приходит, её проверяют – опытная. Директор спрашивает:

– А ножницы у Вас есть?

– Нет.

Отказал. И так не принял девять. Наконец, у десятой оказались ножницы. Приняли. Через неделю она спрашивает шефа:

– А при чём тут ножницы?

– Понимаешь, однажды я приехал на работу, а секретарша заметила, что на ширинке оторвана пуговица. Стала пришивать, пришила, а нитку стала откусывать зубами. В это время вошёл первый секретарь горкома. Объявил выговор за разврат в рабочее время… [Анекдоты, 1993, с. 3]

В анекдотах говорится и о разрушительном характере привычного хода мыслей в непривычной ситуации:

Аллочка пришла на работу с синяком под глазом.

– Кто это Вас так?

– Муж.

– Так он же в командировке?

– Я тоже так думала… [Анекдоты, 1993, с. 4]

Высмеивается невнимательность лечащего персонала в больницах:

К знахарю, ставящему диагноз по радужной оболочке глаза, приходит мужчина:

– Доктор, чем я болен?

Тот быстро его к прибору:

– Так, у Вас инфаркт миокарда, рубцующаяся язва желудка и хроническая ангина.

– О, какой ужас! Может, Вы посмотрите другой глаз?

– Зачем?

– Но ведь Вы смотрели стеклянный протез! [Анекдоты, 1993, с. 22–23]

Женское мастерство в обнаружении мужниных измен (серия «Муж уехал в командировку»):

Жена уехала на курорт. Через несколько дней муж ей посылает телеграмму: «Где вилки?»

Она ему в ответ телеграфирует: «Спи дома».

И так несколько раз. По приезде домой муж говорит ей:

– Почему ты мне не ответила, где вилки? Она подводит его к кровати и снимает простыни – вилки под простынями. [Никулин, 2008, с. 51–52]

Высмеиваются глупые надежды на чудесное исцеление в результате какого-то внешнего влияния:

Кашпировский зачитывает очередную телеграмму:

«У меня за ушами были бородавки. После Ваших сеансов уши отпали, а бородавки остались, но потемнели». [Анекдоты, 1993, с. 25]

Убыточность невнимательного отношения к словам:

Холостой мужчина купил жензаменитель:

– Не читая инструкции, быстро в постель, находит отверстие, вставляет своё хозяйство и медленно нажимает кнопку в ожидании кайфа. Резкая боль пронзила его тело, осмотрел хозяйство, Боже! Пришита пуговица от кальсон. [Анекдоты, 1993, с. 38]

Особенное – единичное. *Личностный аспект материализации явления.*

В русских анекдотах содержится информация о конкретных исторических личностях, ср.:

У Бриджит Бардо спросили:

– Что для Вас является самым большим удовольствием?

– Рюмку коньяку – до, и сигарету – после. [Анекдоты, 1993, с. 3]

Аллюзия на известный ответ Чапаева про Ленина и III Интернационал:

Петька спрашивает Чапаева:

– Василий Иванович! Ты за "Битлз" или за "Роллинг Стоунз"?

Тот подумал:

– А Леннон в каком? [Никулин, 2008, с. 184]

Единичное – всеобщее. ***Генетический аспект уникально-неповторимой интерпретации.***

В русских анекдотах обнаруживается ирония по поводу «лингвистических преступлений», типичных для средств массовой информации:

Сообщение ТАСС:

«Вчера в Тихом океане столкнулась с айсбергом и затонула американская подводная лодка. Команда айсберга награждена орденами и медалями» [Анекдоты, 1993, с. 43].

Типичность и стереотипность восприятия:

Вопрос:

– Что мужчины делают стоя, женщины – сидя, а собака – поднимая одну лапу?

Ответ:

– Здороваются. Но мы догадались, о чем подумали вы. [Никулин, 2008, с. 237]

Высмеивание мифов о сексуальной немощи в преклонном возрасте:

Бабка приходит на прием к врачу.

– Бабушка! Вы беременны.

– Вот чертовы внуки! Сначала расскажи, потом покажи, а потом дай попробовать! [Никулин, 2008, с. 233]

Или:

Пожилой состоятельный мужчина женился на молоденькой девушке. Молодость жены его очень волнует.

– Не знаю, как мы будем жить, – жалуется он своему приятелю, – все-таки мне семьдесят, а ей восемнадцать. Что мне делать?

– А Вы наймите молодого секретаря, – говорит ему друг.

Встречаются через год.

– Как Ваша жена? – интересуется приятель.

– Спасибо, она беременна.

– Да? Поздравляю! А как секретарь себя чувствует?

– Спасибо, хорошо. Она тоже беременна. [Никулин, 2008, с. 27]

В анекдотах фиксируется армейская готовность согласиться с любым высказыванием, если оно принадлежит старшему по службе:

– Товарищ прапорщик! А крокодилы летают?

– Шо-о!? Кто тебе такую херню сказал?

– Товарищ майор.

– Товарищ майор?! Да-а…

– Видите ли, товарищ сержант, вообще-то, они летают, но низэнько, низэнько! [Анекдоты, 1993, с. 44]

Фиксируется сдвиг русского национального сознания в сторону криминализации:

Разговаривают две подруги:

– Наташа, ты ведь окончила школу с золотой медалью, была отличницей в университете!.. Как же ты стала валютной проституткой?..

– Ах, сама не знаю… Наверно, просто повезло? [Анекдоты, 1993, с. 7]

Буквальное понимание предсмертного завещания:

Перед смертью адвокат Кин Рой сказал жене:

– Схорони меня поскромнее, на памятник не траться.

После похорон на его могилу вдова положила табличку двери его служебного кабинета: «Адвокат Кин Рой – принимает ежедневно с 10 до 15 часов». [Никулин, 2008, с. 28]

Распространённость манипуляций в советской пропаганде:

В колхозе была объявлена лекция о любви со слайдами. Вечером клуб заполнен до отказа.

– Есть четыре типа любви, – начал лектор. – Первый – это любовь между мужчиной и женщиной. Второй – это любовь между двумя женщинами. Третий – это любовь между двумя мужчинами. А вот четвёртый тип – это любовь к нашей Партии. Вот о нём и будем сегодня говорить.

Товарищ Иванов! Давайте слайды! [Никулин, 2008, с. 242]

Распространённость манипуляций в российской пропаганде:

Анекдот № 951557

Уже более полумиллиона обращений поступило на прямую линию с Путиным, в основном, россияне просят повысить пенсионный возраст, понизить пенсии и зарплаты, увеличить президентский срок, помочь деньгами Асаду и Мадуро, ужесточить уголовное законодательство и пороть народ! [https://www.anekdot.ru/id/951557/].

Единичное – общее. ***Логический аспект уникально-неповторимой интерпретации.***

В русских анекдотах фиксируется известное положение о том, что на уровне коммуникации каждый прав, а несовпадение точек зрения на одно и то же событие – вполне обычное явление:

– Жена, сколько раз ты мне изменяла?

– Всего два раза, милый: один раз с оркестром, другой – с футбольной командой. [Анекдоты, 1993, с. 5]

Или:

Проститутка спрашивает у товарки:

– Ты в первый раз – как? По любви или за деньги?

– Ну, три рубля не деньги. Значит, по любви! [Анекдоты, 1993, с. 6]

Единичное – конкретно-абстрактное. ***Динамический аспект уникально-неповторимой интерпретации.***

В русских анекдотах отмечается довольно обычный меркантильный интерес при заключении браков:

Она выскочила за него замуж на 3-й день знакомства с его сберкнижкой. [Анекдоты, 1993, с. 5]

В анекдотах приводятся случаи квазикоммуникации, т.е. случаи «будто бы общения», когда собеседник как бы не слышит и не понимает партнёра по общению:

Муж под утро является домой:

– Где ты был?! Я всю ночь ждала, глаз не сомкнула! – набрасывается на него жена.

Муж устало:

– А ты думаешь я спал? [Анекдоты, 1993, с. 5]

В то же самое время приводятся случаи сверхкоммуникации, когда один из партнёров по общению «говорит больше, чем говорит»:

Жена собирается на юг.

– Дорогой! Что тебе привезти?

– Что хочешь, сейчас всё лечат. [Анекдоты, 1993, с. 5]

В анекдотах обращается внимание на привычность манипуляций во внутрицерковном общении:

В шикарном автомобиле едут две монашки. Ведёт машину девушка.

Монашка:

– Кто Вам купил этот лимузин? Папа?

– Нет, Ваш пастор.

– А он, негодяй, нам говорит – Бог Вам заплатит. [Анекдоты, 1993, с. 7]

Привычность манипуляций в межличностном общении:

По улице еле-еле идет старый Рабинович. Ему кричат:

– Рабинович, как Ваше здоровье?

– Не дождетесь! [Никулин, 2008, с. 13]

Однотипность реакций у членов одной референтной группы:

Смит сидел за завтраком и просматривал газету. Вдруг остолбенел: в газете было напечатано объявление о его смерти. Он сейчас же позвонил своему другу.

– Алло, Джон! Ты читал объявление о моей смерти?

– Да, – ответил Джон, – кстати, откуда ты говоришь? [Никулин, 2008, с. 33]

Несовпадение видимости семейной идиллии и восприятия жены мужем:

Семейная идиллия.

Муж читает газету. Жена вяжет. У ее ног лежит пес. В камине пылает огонь. Жена говорит мужу:

– Умоляю тебя! Не говори «да, дорогая», всякий раз, когда пес зарычит во сне. [Никулин, 2008, с. 33]

Эффект несовпадения смысловых потоков в процессе общения:

Останавливает Волк в лесу Красную Шапочку и говорит:

– Давай.

– Сейчас разденусь.

– Да ты что, дура, пирожки давай! [Никулин, 2008, с. 65]

Единичное – особенное. ***Функциональный аспект уникально-неповторимой интерпретации.***

В анекдотах обращается внимание на национальные особенности коммуникации:

Касса аэропорта.

Грузин подходит к кассе, вкладывает в паспорт тысячу рублей, подаёт его кассиру и просит:

– Дарагой! Одын бэлэт на Москва!

Из кассы:

– Бэлэтов – нэт! – и возвращает паспорт.

Пассажир добавляет ещё тысячу рублей.

– Дарагой! Дай бэлэт! Сильно спешу.

Кассир снимает трубку телефона:

– Дэвушка, мне областного прокурора.

Пассажир про себя думает: «Неужели земляк продаёт?» Но слышит речь кассира:

– Товарищ прокурор, Ваша бронь отменена. Вы в Москву не полетите. [Анекдоты, 1993, с. 38]

Примеры манипуляций, которые, по логике событий, затем приведут к большим неприятностям для манипулятора:

Стук в дверь. Муж открывает и видит мужчину с ручкой и блокнотом в руках.

– Будете принимать участи в групповом сексе?

– А кто ещё будет?..

– Вы, я и Ваша жена.

– Не-е, я не буду.

– Тогда я Вас вычёркиваю. [Анекдоты, 1993, с. 3]

Удачные ответы женщин при неудачном комплименте:

Два лейтенанта идут по улице. Видят впереди девушку с прелестным задом. Обгоняют, заглядывают в лицо и разочарованно произносят:

– Девушка, если бы Вы были так же прекрасны спереди, как сзади, мы бы Вас расцеловали.

– Целуйте туда, где я красива! [Анекдоты, 1993, с. 3]

Тонкие нападения женщин на мужчин:

Сарра:

– Дорогой, на тебе сидит гавнянная муха!

– Что ты хочешь сказать, что я говно?

– Нет, но муху не обманешь. [Анекдоты, 1993, с. 37]

Единичное – единичное. ***Личностный аспект уникально-неповторимой интерпретации.***

В русских анекдотах обозначается уникально-неповторимое несовпадение в коммуникативном акте значения и смысла сказанного:

Доктор больному:

– Вам нельзя пить, курить, увлекаться случайным сексом, играть в карты.

Больной про себя:

– Видимо, тут уже побывала моя жена. [Анекдоты, 1993, с. 25]

Нетрудно убедиться, что в русских анекдотах отражаются самые различные ситуации жизни. А потому цель настоящей статьи – показать, что матрица универсальной схемы научного исследования, предложенной А.А.Гагаевым, может быть применена к классификации любого жизненного материала, – может считаться достигнутой.

В заключение статьи сформулируем в рабочем порядке различия двух подходов к русским анекдотам – нашего и предложенного безусловно уважаемыми Е.Я. и А.Д. Шмелёвыми [Е.Я. Шмелева, А.Д. Шмелев, 2002] (см. табл. 2).

Различия в подходах к русским анекдотам (таблица 2).

№№	Параметр различий	Е.Я. и А.Д. Шмелёвы	А.В. Пузырев
1	Объект исследования	Русский анекдот	Русский анекдот

2	Предмет исследования	Анекдот как русский речевой жанр и текст	Анекдот как материал для проверки продуктивности матрицы А.А. Гагаева
3	Цель	Описать устройство, функционирование и языковую поэтику анекдота	Показать классифицирующие возможности «квадрата познания» и систематизировать жизненные сценарии
4	Путь исследования	Индуктивно-описательный: от корпуса текстов к жанровым признакам	Дедуктивный: от всеобщих ступеней сущности к их единичным проявлениям
5	Основное внимание	На коммуникативно-жанровых особенностях (рассказывание, слушатель, «гвоздь» анекдота, серийность, вариативность)	На содержательно-психологических аспектах (мышление, защиты, манипуляции, страхи, национальные установки)
6	Анекдот представляется как	Специфически русский культурно-языковой феномен	Иллюстрация жизненных сценариев человека вообще
7	Инструмент анализа	Лингвистическая и фольклористическая терминология (речевой жанр, прецедентность, языковая игра)	Философско-психологическая сетка из 25 позиций
8	Отношение к модели исследования	Жанровая модель выводится из самого материала и не претендует на универсальную объяснительную матрицу	Анекдот подчинён схеме и подтверждает её всеприменимость
9	Степени вовлечённости в материал	Стремление к аналитической нейтральности в описании жанра	Возможность прямых психологических интерпретаций и оценок персонажей

10	Отношение к материалу	Рассмотрение циклов, сюжетов и механизмов комического в их естественном многообразии	Отбор примеров под заранее заданные ячейки матрицы

В качестве итога можно заметить, что в настоящей статье на материале русских анекдотов предложена целостно-системная лингвопсихологическая классификация содержания жизни; тогда как в подходе Е.Я. и А.Д. Шмелёвых дано лингвосемиотическое и жанроведческое описание русского анекдота как такового. В этом и заключается основное различие наших исследований.

Заметим, что раскрытие темы – «целостно-системный подход к отражению человеческой жизни в русских анекдотах» – носит далеко не окончательный, но предварительный характер. Привлечение большего количества анекдотов может уточнить представленную в статье схему, сделать её более развёрнутой, и в этом видятся определённые перспективы у проведённого исследования.

Литература

Анекдоты. Вып. 1. М.: Вихрь, 1993. 64 с.

Анекдоты: сборник. Ростов-н/Д.: Книга, 1995. 576 с.

Никулин Ю.В. 999+1001 анекдот от Никулина / сост., рис. Ю.В. Никулин; [предисл. М.Ю. Никулина]. М.: Печатные Традиции, 2008. 512 с., ил.

Гагаев А.А. Теория и методология субстратного подхода в материалистической диалектике. Саранск: Изд-во Мордовск. ун-та, 1991. 308 с.; вкл.

Гагаев А.А. Теория и методология субстратного подхода в научном познании: К вопросу о понятии «субстрат» в классической, неклассической, постнеклассической науке и метафизике. Саранск: Изд-во Мордовск. ун-та, 1994. 48 с.

Пузырёв А.В. Анаграммы как явление языка: Опыт системного осмысления. М.; Пенза: Ин-т языкознания РАН, ПГПУ им. В.Г.Белинского, 1995. 378 с.

Пузырёв А.В. Опыты целостно-системных подходов к языковой и неязыковой реальности: сборник статей. Пенза: ПГПУ имени В.Г. Белинского, 2002. 164 с.

Пузырёв А.В. Пузырёв А.В. О системном подходе в лингвистике: учебное пособие для студентов филологических специальностей. М.: ВНИИгеосистем, 2014. 520 с. (серия «Библиотека духовной культуры», вып. 47).

Пузырев А. В. Психология жизненных сценариев в пяти ступенях сущности // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2024. № 2 (50). С. 110–117.

Седов К.Ф. Основы психолингвистики в анекдотах. М.: Лабиринт-МП, 1998. 64 с.

Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д. Русский анекдот: Текст и речевой жанр. М.: Яз. славян. культуры, 2002 (Калуга: ГУП Облиздат). 143 с. (Studia philologica. Series minor)

References

Jokes. Issue 1. Moscow: Vikhry, 1993. 64 p.

Jokes: Collection. Rostov-on-Don: Kniga, 1995. 576 p.

Nikulin Yu.V. 999+1001 Anecdotes from Nikulin / compiled by Yu.V. Nikulin; illustrated by Yu.V. Nikulin; [foreword by M.Yu. Nikulin]. Moscow: Pechatnye Traditsii, 2008. 512 p., ill.

Gagaev A.A. Theory and Methodology of the Substrate Approach in Materialist Dialectics. Saransk: Mordovian Publishing House. University, 1991. 308 p.; incl.

Gagaev A.A. Theory and methodology of the substrate approach in scientific cognition: On the issue of the concept of "substrate" in classical, nonclassical, post-nonclassical science and metaphysics. Saransk: Publishing House of Mordovia. University, 1994. 48 p.

Puzyrev A.V. Anagrams as a Linguistic Phenomenon: An Attempt at Systematic Understanding. Moscow; Penza: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Penza State Pedagogical University named after V.G. Belinsky, 1995. 378 p.

Puzyrev A.V. Experiments in Holistic and Systemic Approaches to Linguistic and Non-Linguistic Reality: Collection of Articles. Penza: Penza State Pedagogical University named after V.G. Belinsky, 2002. 164 p.

Puzyrev A.V. Puzyrev A.V. On the Systemic Approach in Linguistics: a textbook for students of philological specialties. Moscow: VNIIgeosistem, 2014. 520 p. (series “Library of Spiritual Culture,” issue 47).

Puzyrev A. V. Psychology of Life Scenarios in Five Stages of Essence // Human Factor: Social Psychologist. 2024. No. 2(50). Pp. 110–117.

Sedov K. F. Fundamentals of Psycholinguistics in Jokes. Moscow: Labirint-MP, 1998. 64 p.

Shmeleva E.Ya., Shmelev A.D. Russian anecdote: Text and speech genre. M.: Yaz. Slav. culture, 2002 (Kaluga: GUP Oblizdat). 143 p. (Studia philologica. Series minor)

Канд. филол. наук В.Л. Соколова (Москва)
sokolova_mglu@mail.ru

СТРУКТУРА И ТИПОЛОГИЯ ИЗМЕНЕНИЙ КАТЕГОРИИ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ В КОНЦЕ XX-НАЧАЛЕ XXI ВЕКОВ

Аннотация. В статье поднимается проблема изменений в категории межличностных отношений в английском языке, которые произошли на рубеже XX–XXI веков. Автор предлагает свое определение межличностных отношений и некоторые критерии выявления принадлежности лексики к данной категории. Предварительное исследование позволило определить наиболее продуктивные процессы изменений в категории межличностных отношений в английском языке и подтвердило первоначальное предположение о чувствительности этой языковой категории к технологическим и социальным изменениям, происходящим в конце XX – начале XXI веков.

Ключевые слова: категория межличностных отношений в английском языке, типология межличностных отношений в английском языке, цифровизация межличностных отношений, изменение категории межличностных отношений, неологизмы межличностных отношений

Candidate of Philology V.L. Sokolova (Moscow)
sokolova_mglu@mail.ru

THE STRUCTURE AND THE TYPOLOGY OF CHANGES IN THE CATEGORY OF INTERPERSONAL RELATIONSHIPS IN THE ENGLISH LANGUAGE

Abstract. The article addresses the problem of changes in the category of interpersonal relationships in the English language, which occurred in the late 20th – early 21 centuries. The author suggests her own definition of interpersonal relationships and some criteria to establish if a lexeme belongs to this category.

A preliminary study was conducive to identifying the most productive processes involved in the changes of the category of interpersonal relationships in the English language and confirmed the author's original assumption about the sensitivity of this language category to the technological and social changes that have been taking place in the late 20th-early 21 centuries.

Keywords: the category of interpersonal relationships in the English language, typology of interpersonal relationships in the English language, digitalization of interpersonal relationships, changes in the category of interpersonal relationships, neologisms of interpersonal relationships

В современном мире, произошедшие в конце XX – начале XXI веков тектонические сдвиги в процессах коммуникации и прорывные достижения во всех областях науки – с одной стороны и – иногда сопутствующие этим процессам, а иногда происходящие независимо от них – изменения в ценностных ориентирах преимущественно англофонного мира – с другой не могли не оказать влияния на взаимодействия между людьми и соответственно – не могли не найти своего отражения в языковой реализации этих взаимодействий. Однако, как это ни парадоксально, разносторонних исследований динамики изменений категории межличностных отношений в английском языке за последние десятилетия на данный момент не проводилось.

Возможно, причиной недостаточного внимания исследователей к изменениям, происходящим в категории межличностных отношений в английском языке, могли стать, своего рода, стереотипы исследования межличностных отношений преимущественно в рамках сравнительного языкознания. Именно на эту область лингвистики приходится большая часть исследований концептуализации межличностных отношений в английском языке. Так, например, в работе А. В. Тарасовой подробно рассматривалась концептуализация межличностных отношений в русском и английском языковом сознании на материале концептов ДРУГ, ВРАГ, ЗНАКОМЫЙ, ЧУЖОЙ [Тарасова, 2009], в исследовании О. М. Лунцовой – градиент-концепт «дружба – мир – вражда» в русской и английской лингвокультурах на материале лексики и фразеологии [Лунцова, 2008], в работе О. Ю. Лукашковой – концепт «враг» в современных российских и американских средствах массовой информации [Лукашкова, 2003], у М. А. Хизовой – концепт ДРУЖБА в русской и английской лингвокультурах [Хизова, 2005], в исследовании Т. Л. Зенковой – концепт ЛЮБОВЬ (LOVE) в русской и английской лингвокультурах [Зенкова, 2023].

Таким образом, изучение динамики и типологии изменений категории межличностных отношений в английском языке, которые произошли за последние десятилетия под влиянием таких процессов, как цифровизация коммуникации и переоценка традиционных ценностей в англоязычном обществе, представляется благодатной почвой для исследования.

Полагаем, что наиболее наглядно изменения, которые претерпела категория межличностных отношений в английском языке на рубеже веков, можно проследить на примере языковых (неологизация, эвфемизация) и семантических процессов (расширение, сужение, модификация значения и т. п.), реализующихся в рамках данной категории, однако прежде чем обращаться к изменениям, необходимо рассмотреть определение и обозначить границы категории межличностных отношений в английском языке.

В целях своего исследования мы используем рабочее определение межличностных отношений как различных форм динамического взаимодействия между людьми, а также их социально-психологических установок, проявляющихся в разных коммуникативных условиях и контекстах, выведенное на основании существующих определений межличностных отношений в психологии, например: «Межличностные отношения (англ. interpersonal relations) – более или менее устойчивые отношения между людьми, основанные на личном знании друг друга, взаимных аттитюдах и соц. эмоциях (межличностной аттракции, симпатии или антипатии, ревности, зависти и т. п.), совместных формах деятельности» [Психологический словарь URL] и «Межличностные отношения — субъективно переживаемые взаимосвязи между людьми, объективно проявляющиеся в характере и способах взаимных влияний, оказываемых людьми друг на друга в процессе совместной деятельности и общения» [Большая психологическая энциклопедия].

В соответствии с рабочим определением межличностных отношений в качестве критерия принадлежности к категории INTERPERSONAL RELATIONS (or RELATIONSHIPS) рассматривалось наличие в семантике лексической единицы компонента *‘emotional interpersonal interaction’*. Таким образом, обозначение профессий и должностей не входит в категорию межличностных отношений и такие лексемы, как *teacher* или *partner* могут быть отнесены к межличностным отношениям только в тех значениях, которые обозначают межличностное взаимодействие (*He is a real* ***teacher****. Anna has been John’s* ***partner*** *for years, and now they are thinking of getting married*), а не вид профессиональной деятельности или

профессиональный статус (*He is a **teacher** at a primary school. He is a **partner** in a law firm*).

Поскольку семантический компонент *'emotional interpersonal interaction'* может в разной степени проявляться в разных лексемах, обозначающих межличностные отношения, данная категория имеет в английском языке как ядерные, так и периферийные элементы. В качестве ядерных рассматриваются обозначения эмоционально насыщенных межличностных взаимодействий, таких как дружба, вражда, любовь, включаемых в категорию межличностных отношений большинством исследователей, а в качестве периферийных элементов – качества, проявляющиеся во взаимодействии с людьми (такие, как *a backseat driver*), центральным семантическим компонентом которых является характеристика чьих-либо действий, а не эмоциональная оценка.

Что касается формальных критериев, таких, как принадлежность к частям речи или отнесенность к фразеологизмам, то, хотя большинство компонентов категории межличностных отношений в английском языке представлены существительными и глаголами, выражаемыми как единичными лексемами, так и фразеологизмами, формальное ограничение по критерию формы представляется нецелесообразным.

В общей сложности, исходя из описанного выше понимания категории межличностных отношений, в английском языке, отчётливо выделяется восемь семантических групп, обозначающих:

1) родственные отношения (*wife, tradwife, trophy wife, sister wife, siblings, piblings* (=*aunts and uncles*), *chiblings* (=*nieces and nephews*) и т. п.);

2) романтические отношения (*boyfriend, girlfriend, situationship, to bench someone* и т. п.);

3) дружеские отношения (*friendship, companionship, bromance* и т. п.);

4) качества, проявляемые во взаимодействии с людьми (*friendly, jealous, an A-type personality, a B-type personality, a backseat driver* и т. п.);

5) эмоциональное взаимодействие между людьми (*love, affection, head over heels, green-eyed monster* и т. п.);

6) отношения на работе или в процессе учёбы (*a watercooler effect, a curve killer* и т. п.);

7) социальное взаимодействие в период Covid-19 (*Covideo party, covidiot* и т. п.);

8) межличностные отношения, происходящие опосредованно, с использованием цифровой среды (*to lurk, to ghost*, *to catfish, to Gatsby* и т. п.).

Примечательно, что данная репрезентация категории межличностных отношений уже включает в себя элементы, обусловленные как цифровизацией коммуникации, так и изменениями аксиологического характера, произошедшими в конце XX – начале XXI века. Тем не менее, для более точного выявления изменений, в категории межличностных отношений за последние 35–40 лет был проведён предварительный анализ материала из 400 наиболее частотных единиц, относимых к категории межличностных отношений, отобранных с образовательных и словарных сайтов, с дополнительной проверкой частотности с помощью ресурса Google Books Ngram Viewer. Данный анализ показал, что в качестве наиболее продуктивных процессов изменений в категории межличностных отношений в английском языке в настоящее время можно считать следующие:

1. Расширение категории межличностных отношений за счёт необходимости обозначения отношений, происходящих опосредованно, с использованием цифровой среды. Например, в контексте интернет-коммуникации семантика таких лексем, как *to lurk* (“to read messages without contributing on an Internet discussion forum” [Merriam Webster’s Dictionary URL] и *to Gatsby* (“to post glamorous photos on social media for a specific person to see”) предусматривает межличностное взаимодействие с использованием цифровых ресурсов. Примечательно, что большинство лексем, обозначающих опосредованные цифровой средой межличностные отношения, уже существовали в английском языке, но имели другие значения (как в приведённых выше примерах с *to lurk* и *to Gatsby*). В ряде случаев подобного расширения семантики уже существующей, но малоупотребительной, лексемы, может привести к её «возрождению на новом уровне» в цифровой среде, как произошло с существительным и производным глаголом *catfish*. До 2010 года существительное *catfish* употреблялось исключительно для обозначения рыб, принадлежащих к отряду сомообразные и обладало частотностью, характерной для ихтиологического термина (0,1-0,15 на миллион слов), однако, с 2010, после выхода одноимённого документального фильма, когда лексема *catfish* стала использоваться применительно к людям, которые, преимущественно с недобропорядочными намерениями, создают фальшивые профили в социальных сетях, частотность *catfish* значительно возросла и в настоящее время составляет 0,15-0,18 на один миллион слов [Merriam Webster’s Dictionary URL]. Таким образом, метафорически выражаясь, существительное *catfish* стало, своего рода, «словом-Феникс»

(Phoenix word), возродившимся в английском языке в новом значении и на новом уровне употребления.

2. Расширение категории межличностных отношений за счёт тенденции к гендер-нейтральности, когда в языке искусственно создаются гендер-нейтральные обозначения межличностных отношений, призванные заменить существующие гендер-специфичные лексемы. Например, гендер-нейтральное *piblings* призвано заменить *aunts and uncles*, а *chiblings – nieces and nephews* (хотя с 1950 года существует синонимичный термин *niblings*).

3. Расширение категории межличностных отношений за счёт обозначения новых явлений, в особенности – реалий, связанных с пандемией Covid-19 в 2020–2023 гг. (*covidiot*, *quarantine bubble, pandemic pod, quaranteam*).

4. Спецификация центральных элементов категории INTERPERSONAL RELATIONSHIPS за счёт возникновения новых типов отношений. Например, лексема *trad wife* возникла как уточняющая в эпоху эмансипации, поскольку в семантике лексемы *wife* ведение домашнего хозяйства и уход за детьми ушли в настоящее время на второй план. Соответственно, указание на женщину, которая придерживается традиционной женской роли в семье, нуждается в пояснении – что она *traditional* (или *trad*) *wife*.

5. Расширение семантики центральных элементов категории INTERPERSONAL RELATIONSHIPS за счёт трансформации аксиологических установок. Например, за счёт популяризации установки ‘freedom of gender identity’, семантика лексем *wife* и *husband* значительно расширилась. При этом большинство словарей (такие, как Cambridge Dictionary и Merriam Webster’s Dictionary) сохраняют определение *wife* и *husband* как “a female partner in a marriage” [Merriam Webster’s Dictionary URL] и a “male partner in a marriage” [Merriam Webster’s Dictionary URL]).

6. Одновременное расширение и сужение семантических компонентов или в целом семантического значения одной лексемы. В частности, в лексеме *boyfriend* произошло расширение семантического компонента *boy* на разные возрастные группы и в то же время сужение семантического значения с “*male friend*” до “*dating partner*”.

7. Тенденция к эвфемизации, когда вместо лексем *lover, mistress, cohabitant*, обычно имеющих отрицательную коннотацию, используются *partner, girlfriend, boyfriend*.

Таким образом, даже относительно небольшое по объему, обзорное исследование тенденций наиболее продуктивных процессов изменений в

категории межличностных отношений в английском языке позволило выявить целый ряд явлений, связанных с трансформацией структуры рассматриваемой категории, а также с расширением или сужением семантики её компонентов, подтвердив наше первоначальное предположение о чувствительности языковой категории межличностных отношений в английском языке как к цифровизации современного общества, так и к изменением ценностных ориентиров в англоязычном социуме.

Литература

Зенкова Т. Л. Концепт «ЛЮБОВЬ» («LOVE») в русской и английской лингвокультурах // Интеграция науки, общества, производства и промышленности: проблемы и перспективы: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Уфа, 2023. С. 129-133.

Лукашкова О. Ю. Концепт «враг» в современных российских и американских СМИ //Язык и национальное сознание. Вып. 4. Воронеж: Истоки, 2003. С.156-161.

Лунцова О. М. Градиент-концепт «дружба – мир – вражда» в русской и английской лингвокультурах (на материале лексики и фразеологии): автореф. дис.канд. филол. наук. Волгоград, 2008.

Межличностные отношения // Большая психологическая энциклопедия. URL: https://psychology.academic.ru/3696/межличностные_отношения (дата обращения: 18.05.2026).

Межличностные отношения // Психологический словарь. URL: https://www.b17.ru/dic/mejlichnostnye_otnosheniya/ (дата обращения: 18.05.2026).

Тарасова А. В. Концептуализация межличностных отношений в русском и английском языковом сознании: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Волгоград, 2009. 196 с.

Хизова М. А. Концепт «дружба» в русской и английской лингвокультурах (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005.21 с.

Merriam Webster’s Dictionary. URL: https://www.merriam-webster.com/dictionary/ (дата обращения: 18.05.2026).

Магистрант С.А. Тихонова (Москва)
sophiatikhonova@mail.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЛИЧНОСТНЫЕ ФАКТОРЫ КРЕАТИВНОСТИ У СТУДЕНТОВ ГУМАНИТАРНЫХ И ТЕХНИЧЕСКИХ ПРОФИЛЕЙ ПОДГОТОВКИ

Аннотация. В статье рассматривается специфика личностных компонентов креативности у студентов гуманитарного и технического профилей. По данным пилотного исследования описаны различия в показателях личностной креативности, толерантности к неопределённости и ассоциативно-конвергентного творческого мышления. Показано, что техническая группа характеризуется более сбалансированным профилем, а гуманитарная – большей внутригрупповой неоднородностью.

Ключевые слова: личностная креативность, студенты, гуманитарный профиль, технический профиль, толерантность к неопределённости.

Master's student S.A. Tikhonova (Moscow)
sophiatikhonova@mail.ru

PSYCHOLOGICAL PERSONALITY FACTORS OF CREATIVITY IN STUDENTS OF HUMANITIES AND TECHNICAL FIELDS OF STUDY

Abstract. The article examines personality components of creativity in humanities and technical students. A pilot study describes differences in personal creativity, tolerance of ambiguity, and associative-convergent creative thinking. The results show that technical students demonstrate a more balanced profile, whereas humanities students are characterized by greater intra-group heterogeneity.

Keywords: personal creativity, students, humanities, technical fields, tolerance of ambiguity.

В современных психолого-педагогических исследованиях креативность рассматривается не только как способность к созданию новых идей, но и как системное качество личности. Такой подход предполагает, что творческое поведение определяется совокупностью когнитивных и личностных компонентов: особенностями мышления, обеспечивающими поиск нестандартных решений, и устойчивыми

характеристиками личности, поддерживающими активность субъекта в ситуации новизны, неопределённости и сложности [Guilford, 1950; Torrance, 1974; Богоявленская, 2002, с. 45].

Особую значимость изучение креативности приобретает в контексте профессионального обучения в вузе. Современная образовательная среда предъявляет студентам требования, связанные с проектной деятельностью, исследовательскими заданиями, поиском решений в условиях неполной информации и необходимостью самостоятельно выстраивать познавательную стратегию. В этих условиях важно учитывать не только общий уровень творческого потенциала, но и то, каким образом различные компоненты креативности сочетаются между собой.

Несмотря на широкую представленность исследований креативности студентов, проблема сопоставления структурных профилей креативности у представителей разных направлений подготовки остаётся недостаточно изученной. Особенно актуальным является сравнение студентов гуманитарного и технического профилей, поскольку образовательные задачи и профессиональные форматы в этих областях могут по-разному актуализировать такие личностные качества, как готовность к риску, любознательность, ориентация на сложность, воображение и толерантность к неопределённости [McLain, 1993].

Объектом исследования является креативность студентов как системное качество личности в условиях профессионального обучения в вузе.

Предмет исследования составляет специфика личностных компонентов креативности у студентов гуманитарного и технического профилей. В качестве ключевых компонентов рассматривались готовность к риску, любознательность, ориентация на сложность и воображение. Кроме того, учитывались толерантность к неопределённости и показатели ассоциативно-конвергентного творческого мышления по методике RAT.

Цель исследования – выявить и описать различия в структурных профилях личностных компонентов креативности у студентов гуманитарного и технического профилей обучения.

В соответствии с целью решались следующие задачи: подобрать диагностический комплекс; провести эмпирическое сравнение групп по выраженности отдельных шкал; описать профили сочетаний личностных компонентов креативности; интегрировать полученные результаты в

общие выводы и сформулировать психолого-педагогические рекомендации.

Исследование основывалось на предположении о том, что у студентов гуманитарного и технического профилей различаются не только уровни отдельных показателей креативности, но прежде всего структура креативности как сочетание её компонентов. Предполагалось, что у студентов технических направлений чаще проявляется более сбалансированный ресурсный профиль, включающий толерантность к неопределённости, готовность к интеллектуальному риску и ассоциативно-конвергентный компонент творческого мышления. У студентов гуманитарного профиля ожидалась большая выраженность компонентов, связанных с воображением, эмоционально-смысловой интерпретацией, вариативностью образов и субъективной переработкой информации.

Исследование носило пилотный характер. В нём участвовали две группы студентов: гуманитарный профиль – 15 человек, технический профиль — 15 человек.

Диагностический комплекс включал три методики. Методика диагностики личностной креативности Е.Е. Туник использовалась для оценки склонности к риску, любознательности, ориентации на сложность и воображения [Туник, 2002]. Шкала MSTAT-II Д. Маклейна применялась для изучения толерантности к неопределённости как личностного ресурса, обеспечивающего способность действовать в условиях неполноты информации и отсутствия готового алгоритма решения [McLain, 1993]. Тест отдалённых ассоциаций С. Медника использовался для оценки ассоциативно-конвергентного творческого мышления, включая оригинальность, уникальность и продуктивность [Mednick, 1962].

Обработка данных осуществлялась с применением методов математической статистики и качественно-количественного описания распределений. Такой подход позволил рассматривать не только уровень выраженности отдельных показателей, но и особенности группового профиля в целом.

Результаты по методике Е.Е. Туник показали, что основное различие между гуманитарной и технической группами проявляется не столько в отдельных показателях, сколько в общем профиле личностной креативности (таблица 1).

Таблица 1.
Результаты диагностики личностной креативности Е.Е. Туник

Профили / критерии	Склонность к риску	Любознатель-ность	Сложность	Вообра-жение
Гуманитарное направление	17	14,8	13,07	8,73
Техническое направление	16,93	15,67	14,73	11,2

У студентов гуманитарного профиля чаще наблюдалось сочетание умеренного риска, умеренной любознательности и умеренной ориентации на сложность при сравнительно более низком воображении. Такой профиль можно охарактеризовать как неравномерный. При сохранённом мотивационно-установочном контуре креативности, включающем интерес, готовность пробовать новое и работать со сложными задачами, у заметной части участников менее выраженным оказался компонент воображения как личностной опоры творческого поведения.

По шкале склонности к риску в гуманитарной группе доминировал средний уровень. Высокие значения встречались эпизодически, что позволяет говорить о «контролируемом риске»: студенты готовы пробовать новое, но преимущественно без резкого выхода за установленные рамки. Любознательность была достаточной, но неоднородной. По шкале сложности также преобладал средний уровень, однако у части студентов отмечались более низкие значения, что указывает на вариативность переносимости сложных задач внутри группы. Наиболее выраженной особенностью гуманитарной группы стало преобладание низкого уровня по шкале воображения; высокие значения практически не были представлены.

У студентов технического профиля чаще выявлялся более «плотный» и ресурсный профиль. Он характеризовался более высокой любознательностью, большей ориентацией на сложность и более высокими показателями воображения по сравнению с гуманитарной группой. Существенным является не только относительное повышение отдельных показателей, но и их согласованность. Компоненты личностной креативности у студентов технического профиля выглядели более сбалансированными, что создаёт эффект ресурсного личностного профиля [Богоявленская, 2002, с. 115].

По шкале риска в технической группе чаще встречались значения, приближающиеся к высокому уровню, а также отдельные высокие показатели. Любознательность была выражена заметнее: высокие значения встречались чаще, а низкие случаи были скорее исключением. Ориентация на сложность проявлялась через большее количество верхнесредних и высоких значений. Воображение у студентов технического профиля значительно чаще находилось в среднем диапазоне, включая достаточно высокие значения; низкие показатели присутствовали, но не доминировали. Таким образом, по личностным компонентам креативности техническая группа демонстрирует более согласованный и ресурсный профиль, тогда как гуманитарная группа характеризуется большей неравномерностью, прежде всего за счёт относительно сниженных показателей воображения.

Результаты по MSTAT-II показали (таблица 2), что в обеих группах доминирует средний уровень толерантности к неопределённости. Это является важным результатом, поскольку в рамках пилотной выборки нет оснований утверждать, что одна из групп в целом значительно более толерантна к неопределённости, чем другая. Базовое ядро обеих групп можно охарактеризовать как умеренное.

Таблица 2

Результаты методики толерантности к неопределённости Д. Маклейна MSTAT-II

Показатель	Гуманитарное направление	Техническое направление
Низкий уровень ≤41	2 чел. / 13,3 %	1 чел. / 6,7 %
Средний уровень 42–64	11 чел. / 73,3 %	11 чел. / 73,3 %
Высокий уровень ≥65	2 чел. / 13,3 %	3 чел. / 20,0 %

Различия проявились на уровне распределения крайних значений. У студентов гуманитарного профиля доли низкого и высокого уровней оказались одинаковыми и составили по 13,3 %. У студентов технического профиля низкий уровень встречался реже – 6,7 %, а высокий был представлен чаще – 20 %. Такое распределение можно описать как несколько более ресурсное по отношению к неопределённости. Техническая группа включает более выраженную подгруппу студентов, способных комфортнее действовать в условиях неопределённости. Это может поддерживать их активность в задачах, связанных с неполными данными, проверкой гипотез, итеративным поиском и оптимизацией

решений. Гуманитарная группа также демонстрирует адаптивность на среднем уровне, однако часть участников может быть более зависима от ясных критериев, заданной структуры и предварительного понимания требований к результату.

Данные теста отдалённых ассоциаций С. Медника позволили выявить различия в когнитивном аспекте креативности у студентов двух профилей (таблица 3).

Таблица 3

Результаты теста отдалённых ассоциаций С. Медника

Показатель	Гуманитарное направление: среднее M	SD	min–max	Техническое направление: среднее M	SD	min–max
Кол-во ассоциаций инд.	1,50	1,05	0,95–4,85	1,07	0,10	0,90–1,25
Индекс оригинальности	0,57	0,22	0,11–0,94	0,50	0,17	0,22–0,83
Индекс уникальности	0,36	0,24	0,00–0,75	0,28	0,15	0,00–0,55

У студентов гуманитарного профиля наблюдалась более выраженная неоднородность. По показателям оригинальности и уникальности был зафиксирован широкий размах значений: от очень низких до очень высоких. Встречались случаи нулевой уникальности, то есть часть участников давала исключительно частотные, конвенциональные решения. Одновременно в группе присутствовали участники с очень высокой оригинальностью или уникальностью, а иногда и с повышенной продуктивностью ассоциативного поиска.

Такой результат позволяет описать когнитивный профиль гуманитарной группы как внутренне контрастный. В нём сосуществуют по меньшей мере два условных подтипа. Первый можно обозначить как генеративно-ассоциативный: он связан с редкими, оригинальными и нестандартными решениями. Второй – как конвенционально-ассоциативный: он проявляется в более шаблонных решениях и нулевой уникальности.

У студентов технического профиля картина была более компактной и выровненной. Показатель продуктивности, то есть количества

ассоциаций, у большинства участников был близок к 1, что указывает на более экономную стратегию решения. Оригинальность варьировала, однако без таких экстремальных провалов и пиков, как в гуманитарной группе. Уникальность чаще находилась в умеренном диапазоне и не демонстрировала частых максимальных значений. Следовательно, когнитивный профиль студентов технического направления можно обозначить как профиль «собранной продуктивности». Решения в этой группе были достаточно нетривиальными, но при этом удерживались в диапазоне управляемой новизны и большей воспроизводимости.

Результаты RAT позволяют сделать промежуточный вывод: когнитивный компонент креативности у студентов гуманитарного профиля проявляется через разброс стратегий и результатов, то есть через сочетание высоких максимумов и отдельных провалов. У студентов технического профиля он выражается скорее через стабильность выполнения и более однородный стиль решения.

Объединение трёх линий данных – личностной креативности, толерантности к неопределённости и ассоциативно-конвергентного творческого мышления – позволяет представить различия между студентами гуманитарного и технического профилей как различия структурных конфигураций креативности.

Технический профиль в пилотной выборке выглядит более сбалансированным. Личностные ресурсы – риск, любознательность, ориентация на сложность и воображение – выражены у студентов технических направлений более согласованно. Толерантность к неопределённости имеет несколько более благоприятное распределение за счёт меньшей доли низких и большей доли высоких значений. Данные RAT демонстрируют более ровную и собранную когнитивную продуктивность.

Гуманитарный профиль, напротив, характеризуется более выраженной внутригрупповой неоднородностью. Личностный контур креативности чаще удерживается на умеренных значениях риска, любознательности и ориентации на сложность, однако при этом у значимой части студентов наблюдается относительное снижение воображения. Одновременно когнитивная креативность по RAT у части студентов может быть очень высокой, а у другой части – заметно низкой. Поэтому гуманитарную группу некорректно описывать как менее креативную. Более точным является вывод о её большей контрастности: в ней сильнее представлены разные когнитивные стратегии – от прорывной оригинальности до конвенциональности.

Таким образом, ключевая идея исследования подтверждается: различия между студентами гуманитарного и технического профилей проявляются прежде всего не как простое преимущество одной группы над другой, а как различия структурных профилей креативности. Это особенно важно для психолого-педагогической практики, поскольку развитие креативности должно учитывать не только общий уровень показателей, но и характер их сочетания.

Для студентов технического профиля актуальными могут быть образовательные условия, поддерживающие уже имеющийся ресурсный контур: задачи с вариативными способами решения, проектная работа, ситуации поиска и проверки гипотез. Для студентов гуманитарного профиля особенно значимыми могут быть задания, направленные на развитие воображения, расширение диапазона ассоциативного поиска и снижение зависимости от конвенциональных решений. При этом важно сохранять пространство для индивидуальных «пиков» оригинальности, поскольку именно они являются сильной стороной части студентов данной группы.

В результате пилотного исследования были выявлены различия в структурных профилях личностных компонентов креативности у студентов гуманитарного и технического профилей обучения.

У студентов технического профиля чаще обнаруживается ресурсный и более сбалансированный личностный профиль креативности по методике Е.Е. Туник. У студентов гуманитарного профиля, напротив, чаще проявляется профиль с большей неравномерностью, прежде всего за счёт более низких показателей воображения у значимой части участников.

Согласно результатам методики MSTAT-II, в обеих группах преобладает средний уровень толерантности к неопределённости. Однако у студентов технического профиля несколько больше доля высоких и меньше доля низких значений, что может рассматриваться как более благоприятное распределение ресурса для деятельности в условиях неопределённости.

По результатам методики RAT гуманитарная группа демонстрирует поляризацию оригинальности и уникальности: одновременно присутствуют высокие максимумы и случаи нулевой уникальности. Техническая группа характеризуется более стабильным и компактным рисунком показателей, соответствующим профилю собранной продуктивности.

Креативность студентов разных направлений подготовки целесообразно описывать как систему конфигураций. У студентов

технического профиля чаще проявляется выровненный личностно-когнитивный профиль, тогда как у студентов гуманитарного профиля – более разнотипный, контрастный профиль с потенциально яркими индивидуальными пиками.

Поскольку исследование имело пилотный характер и проводилось на малой выборке – по 15 человек в каждой группе, полученные результаты следует рассматривать как тенденции и основания для дальнейшей проверки. Перспективы исследования связаны с увеличением выборки, проверкой статистической значимости различий, анализом взаимосвязей между шкалами и уточнением типологии профилей креативности на более широком эмпирическом материале.

Цитируемая литература

Богоявленская Д.Б. Психология творческих способностей. М.: Академия, 2002. 320 с.

Маклейн Д. Методика MSTAT-II: измерение толерантности к неопределённости // Психологическая диагностика. 1993. № 4. С. 45–57.

Медник С.А. Ассоциативные основы творческого процесса // Психологическое обозрение. 1962. № 69. С. 220–232.

Торренс Э.П. Тесты творческого мышления. Lexington: Personnel Press, 1974. 136 с.

Туник Е.Е. Диагностика креативности. СПб.: Речь, 2002. 176 с.

Guilford J.P. Creativity // American Psychologist. 1950. Vol. 5. № 9. P. 444–454.

References

Bogoyavlenskaya D.B. Psychology of creative abilities. Moscow: Akademiya Publ., 2002. 320 p.

McLain D. The MSTAT-II Method: Measuring Tolerance of Ambiguity // Psychological Diagnostics. 1993. No. 4. P. 45–57.

Mednick S.A. The Associative Basis of the Creative Process // Psychological Review. 1962. Vol. 69. P. 220–232.

Torrance E.P. Torrance Tests of Creative Thinking. Lexington: Personnel Press, 1974. 136 p.

Tunik E.E. Diagnostics of Creativity. Saint Petersburg: Rech, 2002. 176 p.

Guilford J.P. Creativity // American Psychologist. 1950. Vol. 5. № 9. P. 444–454.

Доктор филол. наук В.В. Шмелькова (Пенза),
аспирант Юе Юйтай (Пенза / Китай)
vshmelkova@rambler.ru; yue1041241764@gmail.com

ЛЕКСИКА ГОСТЕПРИИМСТВА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье рассматривается лексика гостеприимства в современном русском языке с точки зрения лингвистического и лингвокультурологического описания, обращается внимание на то, что лексика гостеприимства – это слова, относящиеся к разным частям речи, к активному и пассивному фондам русского языка, отмечается значительный лингвокультурный компонент лексики гостеприимстсва.

Ключевые слова: русский язык, лексика, лексико-семантический вариант, гостеприимство.

Doctor of Philology V.V. Shmelkova (Penza)
Graduate student Yue Yutai (Penza / China)

THE LEXICON OF HOSPITALITY IN MODERN RUSSIAN

Abstract. The article examines the vocabulary of hospitality in the modern Russian language from the perspective of linguistic and linguoculturological description; it draws attention to the fact that the vocabulary of hospitality consists of words belonging to different parts of speech, to the active and passive stocks of the Russian language; a significant linguocultural component of the vocabulary of hospitality is noted.

Keywords: Russian, language, vocabulary, lexico-semantic variant, hospitality.

Лексика гостеприимства в современном русском языке достаточно многочисленна. Это лексические единицы, относящиеся к разным частям речи: имена существительные, имена прилагательные, глаголы, наречия.

В «Толковом словаре русского языка с включением сведений о происхождения слов» Н. Ю. Шведовой слово *гость* трактуется следующим образом: «1. Тот, кто посещает, навещает кого-нибудь с целью повидаться, побеседовать, вместе провести время. *Идти в гости.* 2. Перен. О неожиданном пришельце, о том, кто (что) появился (появилось) неожиданно. *В посёлок забрёл таёжный гость (зверь).* 3. Постороннее лицо, приглашённое присутствовать на собрании, заседании, празднестве.

Места для гостей. 4. Купец, ведущий заморскую торговлю (стар.). *Садко – богатый гость*. 5. Клиент отеля, гостиницы. *Размещение гостей в номерах*» [Шведова, 2008, с. 166].

К теме гостеприимства относятся все значения слова *гость*, кроме второго, переносного. Слово *гостеприимство* входит в состав словарной статьи *гостеприимный*: «Гостеприимный – радушный к гостям» [Шведова, 2008, с. 166].

В словарях русского языка фиксируются имена существительные, имеющие следующие значения:

1. Лица: гость, гостья, гости, гостеприимец, гостоприимец, гостёк, гостёнок, хлебосол, хлебосолка, клиент, посетитель, визитёр;

2. События: гостеприимство, гостьба, гостевание, приём, встреча, проводы, посещение, визит, угощение, потчевание;

3. Место приема гостей: гостинка, гостиница, гостиная, гостиный двор;

4. Подарок гостя или гостю: гостинец, гостинчик;

5. Качества хозяина дома, принимающего гостей: хлебосольство, радушие, приветливость.

Имена прилагательные можно распределить на следующие группы:

1. Характеристика хозяина дома, принимающего гостей:

– Положительная оценка: гостеприимный, хлебосольный, радушный, приветливый, внимательный, ласковый, сердечный, душевный, любезный, предупредительный, обходительный, учтивый;

– Отрицательная оценка: негостеприимный, нерадушный, неприветливый, скупой.

2. Характеристика гостя:

– Положительная оценка: дорогой, почётный, желанный, званый, частый, постоянный, долгожданный, милый, уважаемый;

– Отрицательная оценка: незваный, непрошеный, нежданный, нежеланный, нелюбимый, надоедливый, назойливый, навязчивый.

Гость также может быть *случайным, редким*.

Глаголы и глагольные словосочетания, относящиеся к теме гостеприимства также достаточно многочисленны:

1. Словосочетания с глаголами движения: приходить в гости-прийти в гости, заходить в гости-зайти в гости, заезжать в гости-заехать в гости, уезжать из гостей-уехать из гостей, выходить из гостей-выйти из гостей.

2. Действия хозяина (хозяев) дома в ситуации гостеприимства: приглашать в гости-пригласить в гости, встречать гостей-встретить гостей, принимать гостей-принять гостей, угощать-угостить, потчевать-попотчевать, поить-напоить, кормить-накормить, чествовать, одаривать-

одарить, развлекать-развлечь гостей, занимать-занять гостей, укладывать-уложить гостей спать, провожать-проводить гостей.

3. Действия гостя (гостей) в ситуации гостеприимства: гостить-погостить, откланиваться-откланяться, прощаться-попрощаться, гостевать-погостевать, гоститься.

В ситуациях гостеприимства используются наречия *радушно, гостеприимно, хлебосольно.*

Для описания, характеристики ситуации гостеприимства и её компонентов используются устойчивые предложные фразы: *в гостях, в гости, из гостей, по гостям*.

Рассмотрим лексику гостеприимства с точки зрения принадлежности к активному или пассивному лексическому фонду русского языка:

1. Устаревшая лексика: гостевать, гостеваться, гоститься, гостьба, гостевание, гостёк, гостёнок, гостеприимец, гостоприимец, потчевать, хлебосол, хлебосолка.

Несмотря на некоторую устарелость этих слов, их смысл хорошо понятен носителям языка.

2. Неологизмы: виртуальный гость, гость сайта, приглашённый гость, звёздный гость, специальный гость, гостевое посещение, гостевая книга, гостевая комната.

Появление новых значений слов, относящихся к лексике гостеприимства, связано с новыми явлениями в общественной жизни (развитие цифровых технологий, шоу-бизнеса, туризма и т.д.).

Значительным является также лингвокультурный компонент этой лексики. «Лексика, непосредственно связанная с предметным миром человека, с его социально-историческим опытом и культурно-национальными особенностями, отражает представления личности об окружающем мире» [Чирич, 2019, с. 255].

Культурные компоненты ситуации гостеприимства очень хорошо отражают русские пословицы и поговорки:

Незваный гость хуже татарина;
Красному гостю – красное место;
Званый – гость, а незваный – пёс;
Старый гость – первый гость;
Частый гость – первый гость;
Хлеб-соль!
Не красна изба углами, а красна пирогами;
У хлебосола редко бывает без гостей;
Встречать с хлебом-солью;
Садиться на почётное место;

Дверь открыта для гостей;
Гость в дом – радость в дом.

Главные идеи, содержащиеся в русских пословицах о гостеприимстве:

– Принимать гостей почётно;
– Гость должен быть желанным;
– Хозяин должен быть радушным и щедрым;
– Гостю нужно предлагать самое лучшее;
– Русское гостеприимство связано с угощением, застольем;
– Гости должны быть благодарны хозяину за приём.

Таким образом, лексика гостеприимства в современном русском языке многочисленна и разнообразна. Эта лексика отражает богатые культурные традиции русского народа, связанные с особенностями русского гостеприимства.

Литература

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождения слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2008. 1175 с.

Чирич И. В., Штукарева Е. Б. Лексика гостеприимства в русской языковой картине мира // Modern Studies of Social Issues. 2019. Vol. 11. No. 5. С. 255–267.

References

Explanatory Dictionary of the Russian Language with Information on the Origin of Words. Edited by N. Yu. Shvedova. Moscow: Azbukovnik, 2008. 1175 p.

Chirich I. V., Shkharova E. B. The Vocabulary of Hospitality in the Russian Linguistic Worldview. Modern Studies of Social Issues. 2019. Vol. 11. No. 5. Pp. 255–267.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ *ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ*

PhD Ф.И.Артыкбаева, магистр Г.И.Турсынова
(Шымкент, Казахстан)
fazilaartykbayeva@gmail.com, guldar.tursynova.74@mail.ru

ИНТЕГРАЦИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПЕРСОНАЛИЗИРОВАННОЕ ИГРОВОЕ ОБУЧЕНИЕ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ СТАНОВЛЕНИЯ УЧЕБНОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ ОСВОЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Аннотация. Настоящее исследование посвящено изучению психологических механизмов формирования учебной автономии в обучении иностранным языкам посредством интеграции персонализированных игровых сценариев, поддерживаемых искусственным интеллектом (ИИ). В рамках более широкого контекста цифровой трансформации высшего образования исследование акцентирует внимание на том, как персонализация, основанная на ИИ, и геймификация стимулируют мотивацию, саморегуляцию и вовлечённость, тем самым укрепляя психологические основы самостоятельного обучения.

Ключевые слова: геймификация, искусственный интеллект (ИИ), учебная автономия, саморегуляция, обучение иностранным языкам

PhD F.I. Artykbaeva, Master G.I. Tursynova
(Shymkent city, Kazakhstan)

INTEGRATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN PERSONALIZED GAME LEARNING: PSYCHOLOGICAL MECHANISMS OF FORMATION OF EDUCATIONAL INDEPENDENCE IN LEARNING FOREIGN LANGUAGES

Abstract. The present study explores the psychological mechanisms underlying the formation of learner autonomy in foreign language education through the integration of personalized game-based scenarios supported by artificial intelligence (AI). Within the broader framework of digital

transformation in higher education, the research focuses on how AI-driven personalization and gamification stimulate motivation, self-regulation, and engagement, thereby reinforcing the psychological foundations of independent learning.

Keywords: gamification, artificial intelligence (AI), learner autonomy, self-regulation, foreign language education

В настоящее время в высшем образовании наблюдается активное внедрение компьютерной техники, планшетных устройств и специализированных программных средств, направленных на повышение эффективности учебного процесса. Традиционная трансляция знаний преподавателем уступает место интерактивным технологиям, в которых адаптивные платформы на базе искусственного интеллекта и игровое моделирование подстраиваются под индивидуальные потребности обучающихся. В контексте освоения иностранных языков интеграция интеллектуальных инструментов и элементов геймификации существенно повышает учебную мотивацию и делает процесс обучения более динамичным. Наряду с непрерывным совершенствованием цифровых средств возрастает значимость формирования у учащихся способности к осознанной саморегуляции учебной деятельности. Данный аспект предполагает умение самостоятельного целеполагания, планирования образовательной траектории, рефлексивной оценки достигнутых результатов и проявления высокой степени субъектности.

Актуальность настоящего исследования продиктована острой необходимостью поиска и обоснования педагогических стратегий, которые не только способствуют совершенствованию иноязычной коммуникативной компетенции, но и формируют навыки критического мышления, учебную самостоятельность и готовность к непрерывному образованию в течение всей жизни (lifelong learning). В данном аспекте внедрение персонализированных геймифицированных сценариев с поддержкой ИИ открывает перед дидактикой принципиально новые возможности [Alam, 2024, с. 21]. Подобные сценарии позволяют гибко адаптировать учебный материал под когнитивный профиль конкретного учащегося, поддерживать высокий уровень академической вовлеченности за счет игровых механик (системы баллов, уровней и наград), а также обеспечивать оперативный персонализированный фидбек в режиме реального времени.

Современные научные изыскания подчеркивают фундаментальное влияние искусственного интеллекта на сферу лингводидактики, в

особенности в вопросах педагогического проектирования и оценивания результатов. В частности, в работе Alam S., Vadivel B., Banu S. [Alam, 2024, с. 25] был исследован потенциал интеллектуальных систем оценивания (Intelligent Computer-Assisted Language Assessment — ICALA) и их воздействие на профессиональные качества педагогов, включая профессиональный иммунитет, рефлексивную практику, удовлетворенность трудом и устойчивость в преподавании второго языка. Полученные ими эмпирические данные подтверждают, что ИИ-технологии трансформируют традиционный педагогический ландшафт, напрямую влияя на жизнестойкость и профессиональное благополучие учителей. Несмотря на то, что указанная работа сфокусирована преимущественно на преподавательском составе, она отражает глобальный вектор изменений — масштабную цифровую трансформацию языкового образования под влиянием ИИ. Развивая данный теоретический контекст, настоящее исследование смещает фокус внимания на студентоориентированный вектор применения технологий, а именно — на глубокий анализ потенциала персонализированных ИИ-сценариев в развитии субъектной автономии учащихся, их вовлеченности и результативности при освоении иностранного языка.

Роль искусственного интеллекта в преподавании иностранных языков выступает предметом обстоятельных дискуссий в современном научном дискурсе. Исследователи подчеркивают, что ИИ-технологии способны выполнять функцию виртуальных тьюторов, адаптирующихся к уровню знаний обучающихся, их когнитивным предпочтениям и индивидуальному темпу освоения материала [Cao & Phongsatha, 2025]. Параллельно с этим геймификация признается действенным механизмом стимулирования познавательной активности, повышения учебной мотивации и поддержания устойчивого интереса к языку [Elsayed et al., 2024]. Тем не менее, синергетическая интеграция персонализированных возможностей ИИ и игровых стратегий остается относительно новым и недостаточно изученным вектором, особенно в контексте развития автономии учащихся [Duisenova & Zhorabekova, 2024].

Искусственный интеллект выходит за рамки традиционного вспомогательного инструментария, оказывая существенное влияние на эмоциональное состояние и мотивационную сферу обучающихся. В сочетании с обоснованной дидактической моделью и игровыми элементами ИИ-технологии способствуют становлению учебной самостоятельности, вовлеченности и академической успеваемости. Эмпирические данные подтверждают, что применение ИИ в

лингводидактике способствует комплексному совершенствованию рецептивных (чтение, аудирование) и продуктивных (письмо, говорение) речевых навыков, обеспечивая высокий уровень концентрации учащихся [Pape & Steinbach, 2025]. Внедрение интеллектуальных обучающих и диагностических систем демонстрирует выраженный прирост показателей языковой компетенции по всем видам речевой деятельности, одновременно активизируя поведенческий и когнитивный компоненты вовлеченности, что дополнительно аргументирует высокий потенциал ИИ-интеграции в иноязычном образовании [Spirina et al., 2025).

Ряд зарубежных и отечественных исследований также акцентирует внимание на эффективности персонализированного ИИ-обучения в высшей школе. Проектирование адаптированных геймифицированных сред на базе искусственного интеллекта выступает перспективным средством формирования субъектной автономии студентов. В частности, генеративные сервисы (такие как ChatGPT) трансформируют традиционную парадигму овладения языком за счет предоставления вариативных образовательных траекторий и индивидуализации учебного опыта [Zhakupova et al., 2022]. Это подтверждает целесообразность разработки и внедрения авторских ИИ-сценариев как одного из наиболее результативных механизмов развития учебной независимости. Появление интеллектуальных инструментов нового поколения наглядно иллюстрирует масштабы адаптации цифровых решений в преподавании иностранных языков, открывая новые горизонты для дифференцированного обучения и расширения арсенала учебных стратегий студентов.

Вместе с тем исследовательская группа под руководством Lo, Yu, Xu и соавторов [Zhumabekova et al., 2025] указывает на то, что, несмотря на стимулирующий потенциал, возможности персонализации и методическую поддержку преподавания, применение технологий вроде ChatGPT сопряжено со специфическими рисками. В их число входят вероятность генерации некорректных данных, проблемы конфиденциальности и вопросы академической добропорядочности, требующие глубокого дальнейшего изучения. Кроме того, систематический обзор 70 научных публикаций показал, что большинство из них сфокусировано преимущественно на развитии навыков письменной речи, в то время как влияние ChatGPT на аудирование, чтение и говорение остается недостаточно освещенным в научной литературе [Lo et al., 2024].

Приведенные аспекты актуализируют необходимость поиска инновационных дидактических подходов, среди которых

персонализированное геймифицированное обучение с поддержкой искусственного интеллекта выступает эффективным инструментом формирования автономии обучающихся [Zhumatayeva et al., 2025). В связи с этим настоящее исследование направлено на изучение потенциала персонализированных ИИ-сценариев в развитии самостоятельности учащихся при освоении иностранного языка. Цель работы заключается в комплексном анализе уровня учебной автономии, когнитивно-эмоциональной вовлеченности студентов, а также их субъективного восприятия интеграции игровых механик и алгоритмов ИИ в образовательный процесс. Отдельное внимание уделяется оценке влияния данных методов на становление независимой учебной деятельности и общую результативность овладения языком.

Научная значимость исследования заключается в теоретико-методологическом обосновании того, как синергия искусственного интеллекта и геймификации оптимизирует иноязычное образование, а также в разработке практических рекомендаций по их применению для развития субъектности учащихся. Полученные результаты могут быть имплементированы при проектировании адаптивных образовательных программ, создании онлайн-курсов и совершенствовании методики преподавания иностранных языков в условиях цифровой трансформации высшей школы.

Настоящее эмпирическое исследование направлено на изучение субъективного восприятия студентами персонализированного геймифицированного обучения иностранным языкам с поддержкой искусственного интеллекта, а также на анализ влияния данных цифровых сценариев на становление субъектной автономии, внутренней мотивации и академической вовлеченности обучающихся. Основным инструментарием сбора данных выступил анкетированный опрос, содержащий шкалированные утверждения.

Исследование проводилось на базе Университета имени У. Ташенева (г. Шымкент, Казахстан) среди студентов, обучающихся по образовательной программе «Подготовка учителей двух иностранных языков». Сбор первичного материала осуществлялся в онлайн-формате с использованием платформы Google Forms. В анкетировании приняли участие 112 обучающихся. С целью обеспечения валидности и надежности полученных результатов из итоговой выборки были исключены опросники с пропущенными ответами; обработке подверглись исключительно полностью заполненные анкеты.

В ходе проведения исследования строго соблюдались этические нормы научного поиска: респондентам гарантировалась полная конфиденциальность, а собранные данные использовались исключительно в обобщенном виде для решения задач данного проекта.

Динамика академических групп в структуре выборки распределилась следующим образом: превалирующую долю составили обучающиеся второго курса (47,4%), за ними следуют студенты третьего (22,5%), первого (20,1%) и четвертого (10%) курсов. Представленный контингент респондентов позволяет объективно проанализировать потенциал ИИ-технологий и цифровых сервисов в формировании учебной самостоятельности на различных этапах обучения в вузе.

Диагностический опросник включал 25 утверждений, сгруппированных в тематические блоки, отражающие ключевые компоненты автономного обучения в условиях геймификации и применения ИИ. Оценка утверждений осуществлялась по пятибалльной шкале Ликерта:

1 – Полностью не согласен

2 – Не согласен

3 – Затрудняюсь ответить (нейтрально)

4 – Согласен

5 – Полностью согласен

Структура разработанной анкеты состояла из пяти содержательных блоков:

Блок I: Целеполагание и планирование с использованием цифровых ресурсов и ИИ. Направлен на оценку способности студентов формулировать образовательные цели и проектировать индивидуальную траекторию обучения при помощи цифровых и ИИ-инструментов. *Пример утверждения:* «Я использую цифровые ресурсы и рекомендации ИИ для формулирования целей изучения языка».

Блок II: Саморегуляция и самоорганизация в ИИ-геймифицированной обучающей среде. Определяет уровень самоменеджмента и способность к автономной учебной деятельности в геймифицированных ИИ-системах. *Пример утверждения:* «Я продолжаю выполнение учебных заданий, предложенных ИИ, даже при отсутствии прямого контроля со стороны преподавателя».

Блок III: Практическое применение цифровых средств и ИИ-ресурсов. Оценивает частоту и интенсивность использования студентами цифровых платформ и ИИ-приложений в процессе овладения языком. *Пример*

утверждения: «Я активно задействую онлайн-платформы и ИИ-приложения для изучении языка».

Блок IV: Восприятие результативности ИИ и геймификации в обучении. Фиксирует субъективную оценку учащимися степени влияния ИИ и игровых механик на качество и успешность усвоения учебного материала. *Пример утверждения:* «Геймифицированные задания с поддержкой ИИ способствуют более глубокому пониманию учебного материала».

Блок V: Мотивация и академическая вовлеченность в ИИ-геймифицированной среде. Направлен на измерение степени воздействия ИИ и игровых элементов на стимуляцию познавательного интереса и эмоциональную удовлетворенность студентов. *Пример утверждения:* «Я испытываю чувство удовлетворения, когда самостоятельно выполняю учебные задачи на основе ИИ».

Эмпирический опрос проводился в сентябре 2025 года. Ссылка на диагностическую анкету распространялась среди студентов во время плановых учебных занятий; участие носило добровольный и анонимный характер. Для исключения языковых барьеров и обеспечения корректности восприятия все пункты опросника были двуязычными (представлены на английском и казахском языках). Среднее время заполнения анкеты составило от 10 до 15 минут.

С целью выявления характера взаимосвязей между ключевыми компонентами персонализированной геймифицированной системы обучения на базе ИИ был проведен корреляционный анализ. Задача состояла в определении степени интеркорреляции пяти исследуемых теоретических конструктов.

Современный научный дискурс фиксирует динамическую трансформацию роли искусственного интеллекта (ИИ) в иноязычном образовании, особенно в секторах педагогического проектирования и оценивания учебных результатов. В частности, Alam S., Vadivel B., Banu S. исследовали влияние системы интеллектуального компьютерного оценивания владения языком (ICALA) на профессиональные характеристики и личностные ресурсы преподавателей, включая их профессиональную устойчивость, рефлексивную практику, удовлетворенность трудом и целеустремленность в преподавании второго языка. Полученные результаты наглядно продемонстрировали, что ИИ-технологии преобразуют традиционный педагогический ландшафт, оказывая прямое воздействие на жизнестойкость и эмоциональное благополучие учителей [Alam et al., 2024]. Несмотря на то, что данное

исследование сфокусировано на фигуре педагога, оно отражает общесистемный вектор изменений в лингводидактике под влиянием искусственного интеллекта. Указанные трансформации затрагивают процессы проектирования учебных программ, аудиторную методику, а также способы усвоения и совершенствования языковых навыков студентами.

Интеграция ИИ в процесс овладения иностранным языком открывает широкие возможности для персонализации обучения, адаптации под индивидуальные потребности учащихся и предоставления оперативного фидбека в режиме реального времени. Это позволяет педагогам гибко дифференцировать учебные задания в соответствии с когнитивными стилями студентов, обеспечивая более продуктивный и вовлекающий образовательный процесс. Кроме того, ИИ-системы способны осуществлять непрерывный мониторинг академического прогресса и выявлять пробелы в знаниях, определяя зоны для адресной педагогической поддержки. Данные технологические решения стимулируют развитие навыков саморегулируемого обучения: благодаря интерактивным упражнениям и персонализированным рекомендациям ИИ-инструменты побуждают учащихся к активному участию в учебном процессе, самостоятельной постановке целей и отслеживанию собственных достижений. Подобная автономия не только оптимизирует освоение языка, но и формирует надпредметные компетенции (soft skills), востребованные в различных академических и профессиональных сферах. По мере дальнейшей имплементации ИИ в языковое образование возрастает необходимость в глубоких научных изысканиях, направленных на раскрытие его полного дидактического потенциала и решение сопутствующих этических проблем. Проектирование и внедрение ИИ-систем должны осуществляться на основе принципов справедливости, прозрачности и ответственности, обеспечивая равный доступ всех обучающихся к преимуществам данных технологий.

Экстраполируя данные теоретические положения, настоящее исследование рассматривает образовательный процесс сквозь призму студентоориентированного подхода. В нем анализируется, каким образом персонализированные геймифицированные ИИ-сценарии способны повысить уровень учебной автономии, внутренней мотивации и результативности освоения иностранного языка. Предшествующие работы подтверждают, что ИИ может выполнять роль виртуального тьютора, подстраивающегося под уровень знаний, учебные предпочтения и индивидуальный темп работы студента. В свою очередь, геймификация

признается действенным инструментом повышения вовлеченности, стимулирования познавательной активности и поддержания устойчивого интереса к обучению. Однако синергетический эффект персонализации на основе ИИ и игровых механик остается недостаточно изученным, особенно в контексте развития субъектной автономии учащихся.

Искусственный интеллект не следует воспринимать исключительно как техническое средство автоматизации: он оказывает глубокое влияние на эмоционально-мотивационную сферу обучающихся. В сочетании с научно обоснованными дидактическими моделями и игровыми элементами ИИ способствует формированию учебной самостоятельности, вовлеченности и повышению академических показателей [Pape & Steinbach, 2025]. Обобщенные результаты метааналитических исследований показывают, что использование адаптивных обучающих и диагностических систем существенно улучшает понимание и практическое владение языком, а также активизирует познавательный интерес студентов [Zhakupova et al., 2022]. Более того, адаптивные персонализированные системы рассматриваются как одно из наиболее перспективных направлений применения ИИ в высшем образовании [Zhumabekova et al., 2025].

Появление ИИ-инструментов нового поколения, таких как ChatGPT, принципиально изменило парадигму языкового обучения, создав условия для глубокой индивидуализации учебного процесса [Zhumatayeva et al., 2024]. Как отмечают Lo, Yu, Xu и соавторы, применение ChatGPT на занятиях по английскому языку как иностранному способно повысить мотивацию, расширить границы самостоятельной работы студентов и предоставить дополнительную методическую поддержку [Lo et al., 2024]. В то же время исследователи подчеркивают наличие сопутствующих рисков, таких как генерация неполной или некорректной информации, угрозы конфиденциальности и риски нарушения академической добропорядочности. Это актуализирует необходимость дальнейшей разработки корректных и этичных методик интеграции ИИ в академическую среду. Указанные предпосылки подтверждают важность поиска инновационных педагогических подходов — в частности, использования геймифицированных ИИ-систем для развития автономии обучающихся [Spirina et al., 2025].

Проведенный в рамках нашего исследования корреляционный анализ выявил наличие сильных и статистически значимых положительных связей между всеми пятью исследуемыми конструктами: целеполаганием и планированием, саморегуляцией, использованием цифровых

инструментов, воспринимаемым эффектом ИИ/геймификации и уровнем мотивации ($r = 0{,}668–0{,}825$, $p < 0{,}01$). Наиболее высокая степень корреляционной связи зафиксирована между воспринимаемой эффективностью ИИ/геймификации и внутренней мотивацией студентов ($r = 0{,}825$, $p < 0{,}001$). Это убедительно доказывает, что именно мотивационная сфера выступает ключевым детерминантом того, как обучающиеся воспринимают и осваивают инновационные цифровые инструменты в образовательном процессе.

На практическом уровне это означает необходимость проектирования цифровых образовательных пространств, сфокусированных на стимулировании внутренней мотивации обучающихся. Внедрение адаптивной обратной связи, наглядная визуализация учебного прогресса и геймифицированные системы вознаграждений способствуют формированию устойчивых внутренних побуждений к учебе. Это, в свою очередь, развивает механизмы волевой саморегуляции и навыка самостоятельной работы. Таким образом, мотивационная сфера выступает ключевым связующим звеном между инновационными технологиями и развитием автономии учащихся в иноязычном образовании.

Следует отметить, что данное исследование проводилось на основе кросс-секционного (одномоментного) среза данных, что ограничивает возможности строгого установления причинно-следственных связей. В связи с этим полученные результаты следует рассматривать как наиболее вероятностные тенденции, требующие дальнейшей верификации в ходе лонгитюдных или экспериментальных исследований. Кроме того, использование методов самоотчета респондентов оставляет вероятность проявления субъективных смещений. Тем не менее высокая статистическая значимость результатов, величина объясняемой дисперсии и их полное соответствие теоретическим моделям подтверждают надежность и валидность сформулированных выводов.

Подводя итог, эмпирические результаты предоставляют убедительные доказательства того, что синергия ИИ и геймификации эффективно способствует развитию субъектной автономии студентов. Настоящее исследование вносит вклад в расширяющийся массив научных работ по ИИ-опосредованной лингводидактике, демонстрируя, что вовлекающие технологии не просто повышают уровень саморегуляции, но и действуют через трансформация мотивационной сферы. Это открывает широкие перспективы для проектирования персонализированных ИИ-сред, стимулирующих самостоятельное и независимое освоение иностранного языка в условиях цифровой трансформации образования.

В настоящем исследовании изучены психологические механизмы формирования автономии обучающихся в иноязычном образовании посредством интеграции персонализированных геймифицированных сценариев с поддержкой искусственного интеллекта. В контексте глобальной цифровизации высшей школы было подтверждено, что искусственный интеллект и геймификация представляют собой не просто технологические инновации, а выступают эффективными педагогическими инструментами, напрямую влияющими на мотивацию, саморегуляцию и вовлеченность — ключевые психологические измерения автономного обучения.

Результаты показали, что студенты в целом положительно относятся к геймифицированным средам на базе ИИ, воспринимая их как эффективные, мотивирующие и способствующие самостоятельной работе. Корреляционный анализ выявил сильные и статистически значимые взаимосвязи между всеми пятью конструктами: целеполаганием и планированием, саморегуляцией, использованием цифровых средств, воспринимаемым эффектом ИИ/геймификации и мотивацией, что подчеркивает системный характер развития автономии. Медиативный анализ дополнительно подтвердил, что переменная «Мотивация» выступает частичным медиатором во взаимосвязи между воспринимаемым эффектом ИИ и уровнем саморегуляции. Это доказывает, что ИИ-среды стимулируют автономию как напрямую, так и опосредованно через мотивационные каналы, утверждающие мотивацию в качестве центрального психологического механизма, связывающего технологические инновации с формированием независимости обучающихся.

С педагогической точки зрения полученные данные подчеркивают важность проектирования цифровых обучающих сред, интегрирующих адаптивный фидбек, персонализированный трекинг успеваемости и геймифицированные системы наград. Данные функциональные элементы укрепляют внутреннюю мотивацию и стимулируют навыки саморегулируемого обучения, формируя компетенции непрерывного образования, необходимые в цифровую эпоху. Кроме того, сохранение значимого прямого эффекта восприятия ИИ на саморегуляцию указывает на наличие дополнительных механизмов (когнитивное целеполагание, организационные стратегии, активное применение цифровых ресурсов), также участвующих в становлении автономии и требующих дальнейшего изучения.

Несмотря на научный вклад, исследование имеет определенные ограничения. Одномоментный дизайн ограничивает выявление причинно-следственных зависимостей, а опирающиеся на самоотчет диагностические методики могут вносить элемент субъективности. Будущие изыскания должны опираться на лонгитюдные и экспериментальные дизайны для валидации медиативной модели и оценки долгосрочного влияния ИИ-геймификации на автономию учащихся. Кроме того, требуют решения этические аспекты, связанные с конфиденциальностью данных, генерированием некорректной информации и академической добропорядочностью, что необходимо для ответственной имплементации ИИ в педагогическую практику.

В совокупности проведенное исследование предоставляет эмпирические доказательства того, что персонализированные геймифицированные среды с поддержкой ИИ обладают высоким дидактическим потенциалом для развития автономии учащихся в иноязычном образовании. Связывая технологические инновации с психологическими механизмами мотивации и саморегуляции, ИИ-персонализация и геймификация выступают мощными инструментами развития самостоятельного обучения в высшей школе. Сформулированные выводы обогащают литературу по ИИ-опосредованной педагогике и открывают новые пути для проектирования инновационных студентоориентированных образовательных моделей в эпоху цифровых трансформаций.

Информация о финансировании

Статья подготовлена в рамках проекта AP 26197519 «Интеграция цифровых технологий и геймификации в обучении иностранному языку на основе искусственного интеллекта: Новые горизонты языковой компетенции» по грантовому финансированию научных и (или) научно-технических проектов на 2025–2027 годы.

Литература

Alam S., Vadivel B., Banu S., et al. (2024). Reflecting the voices of EFL teachers in the world of Intelligent Computer-Assisted Language Assessment (ICALA): an insight into teacher immunity, reflective teaching, job satisfaction, and L2-teacher grit // Language Testing in Asia, 14, 43. https://doi.org/10.1186/s40468-024-00314-z

Bond M., Khosravi H., De Laat M., et al. (2024). A meta systematic review of artificial intelligence in higher education: a call for increased ethics, collaboration, and rigour // International Journal of Educational Technology in Higher Education, 21(4). https://doi.org/10.1186/s41239-023-00436-z

Cao S., & Phongsatha S. (2025). An empirical study of the AI-driven platform in blended learning for Business English performance and student engagement // Language Testing in Asia, 15, 39. https://doi.org/10.1186/s40468-025-00376-7

Duisenova M., & Zhorabekova A. (2024). Gamification and its application in the teaching-learning process of the English language in primary school // Bulletin of the Abai Kazakh National Pedagogical University. Series: Pedagogical Sciences, 81(1), 406–417. https://doi.org/10.51889/2959-5762.2024.81.1.035

Elsayed A. M., Kholikov A., Abdullayeva I., et al. (2024). Teacher support in AI-assisted exams: an experimental study to inspect the effects on demotivation, anxiety management in exams, L2 learning experience, and academic success // Language Testing in Asia, 14, 53. https://doi.org/10.1186/s40468-024-00328-7

Lo C. K., Yu P. L. H., Xu S., et al. (2024). Exploring the application of ChatGPT in ESL/EFL education and related research issues: a systematic review of empirical studies // Smart Learning Environments, 11, 50. https://doi.org/10.1186/s40561-024-00342-5

Pape R., & Steinbach A. (2025). Personalized and Individualized Russian Learning Enabled by AI: The Pilot of the Language Coach. *SlavUn – Slavische Sprachen Unterrichten*, 57–75. https://doi.org/10.20377/slavun-19

Kazimova D. A., Spirina E. A., Turmuratova D. A., Kopbalina S. S., & Tursyngaliyeva G. N. (2025). Personalizirovannoe obuchenie na osnove iskusstvennogo intellekta: mnenie studentov // Orleu. Vesti nepreryvnogo obrazovaniya, 1(48), 56–63. https://doi.org/10.69927/PNMI6835

Zhakupova A., Erkebayeva S., Karimova R., & Tezel Sahin, F. (2022). Білім берудегі геймификация: қолдану мәселелері және дамыту перспективалары // Journal "Pedagogy and Psychology" of Abai Kazakh National Pedagogical University *4*(53), 198–207. https://doi.org/10.51889/1523.2022.16.86.030

Zhumabekova G. B., Zhussupova R. F., Nurzhanova A. R., & Zhanikeyeva D. E. (2025). AI-Enhanced Project Method to Excel Learner Autonomy in Pre-Service English Teachers // News of KazUMOiMYA named after Abylai Khan. Series “Pedagogical Sciences”, *3*(78), 329–345. https://doi.org/10.48371/PEDS.2025.78.3.021

Zhumatayeva Z., Mametkarim Z., & Dosanova A. (2024). The role of artificial intelligence in the formation of communicative competence in foreign language lessons // Scientific Journal of Pedagogy and Economics, 412(6), 119–130. https://doi.org/10.32014/2024.2518-1467.858

Канд. экон. наук Е.В. Бобрышева (Черняховск)
ev.bobrysheva@mpgu.su

РАЗВИТИЕ РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГЛУХИХ ДОШКОЛЬНИКОВ И ДЕТЕЙ С КОХЛЕАРНОЙ ИМПЛАНТАЦИЕЙ СРЕДСТВАМИ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ АССИСТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В КОНТЕКСТЕ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается фундаментальная проблема взаимосвязи языка и мышления у глухих дошкольников и детей после кохлеарной имплантации сквозь призму концепции общего недоразвития речи и дифференцированных языковых подходов на основе применения исключительно российских ассистивных технологий. Обоснована роль отечественных знаковых и акустических посредников при реализации слухоречевого метода. Представлены результаты исследования применения отечественных FM-систем, вокализации и визуальных тренажеров для интеграции детей в единое пространство в контексте Года единства народов России.

Ключевые слова: ассистивные технологии; кохлеарная имплантация; верботональный метод; общее недоразвитие речи; слухоречевая реабилитация.

Candidate of Economics E.V. Bobrysheva (Chernyakhovsk)
ev.bobrysheva@mpgu.su

DEVELOPMENT OF SPEECH-THINKING ACTIVITY OF DEAF PRESCHOOLERS AND CHILDREN WITH COCHLEAR IMPLANTATION USING DOMESTIC ASSISTIVE TECHNOLOGIES IN THE CONTEXT OF INCLUSIVE EDUCATION

Abstract. The article deals with the fundamental problem of the relationship between language and thinking in deaf preschoolers and children after cochlear implantation through the prism concept of general speech underdevelopment and differentiated language approaches based on the use of

exclusively Russian assistive technologies. The role of domestic sign and acoustic mediators in the implementation of the hearing-speech method is substantiated. The results of a study on the use of domestic FM-systems, vocalization, and visual simulators to integrate children into a unified space within the framework of the Year of Unity of the Peoples of Russia are presented.

Keywords: assistive technologies; cochlear implantation; verbotonal method; general speech underdevelopment; hearing-speech rehabilitation.

Ассистивные технологии в инклюзивном образовании выступают мощным детерминирующим катализатором речемыслительной деятельности глухих дошкольников и детей, перенесших операцию по кохлеарной имплантации (КИ). В отечественной специальной педагогике, дефектологии, сурдопедагогике и психолингвистике фундаментальным является классическое академическое положение Л.С. Выготского о диалектическом единстве мышления и речи. У детей дошкольного возраста с тотальным нарушением слуха отсутствие адекватного восприятия звуковых языковых средств неизбежно влечет за собой вторичные деформации и выраженные задержки в развитии вербально-логических операций. Ограничение экспрессивного и импрессивного компонентов речевой деятельности при глухоте приводит к специфической когнитивной депривации. Вследствие этого ребенок лишается возможности полноценно в устной форме категориально обобщать объекты окружающей действительности, а также транслировать свои ментальные состояния во внешний мир.

Внедрение современных российских ассистивных технологий (*assistive technology*) позволяет эффективно компенсировать первичный сенсорный дефект и активизировать скрытый когнитивный потенциал ребенка, перестраивая его мышление с жестового на словесно-логический код. Данный подход способствует ментальной и социальной интеграции дошкольника в инклюзивное образовательное пространство. Это напрямую созвучно общенациональным приоритетам Года единства народов России, поскольку инклюзия в дошкольной образовательной организации трактуется как создание единой безбарьерной среды, где технические средства реабилитации обеспечивают паритет, взаимопонимание и сплочение всех участников образовательного процесса, независимо от их стартовых психофизических и этнокультурных возможностей.

Проблема соотношения речевого и интеллектуального генеза приобретает особую остроту в период дошкольного детства, когда закладываются базисные структуры личности и когнитивные карты мира. При глухоте ребенок часто оказывается «заперт» внутри наглядно-образного мышления, будучи неспособным облечь свои представления в общепринятую языковую форму. После проведения КИ ситуация меняется технологически, но не психологически: ребенок получает физический слух, но его мозг еще не умеет дифференцировать звуковые сигналы и соотносить их со смыслами. Это порождает деструктивные паттерны поведения, агрессию, аутизацию и прогрессирующее отставание в ментальной сфере. Традиционные сурдопедагогические методики, сфокусированные исключительно на тренировке слуха, нередко буксуют, если у ребенка отсутствует материальная опора для мыслительного процесса.

В этих условиях инклюзивное образование требует принципиально новых дидактических решений, способных связать воедино внутреннюю логику ребенка и внешнюю знаковую систему. Российские ассистивные технологии берут на себя функцию этого семиотического моста. Они не заменяют естественную речь, а подготавливают когнитивную базу для ее формирования, репрезентируя звуковые понятия через визуальные, тактильные и интерактивные коды отечественной разработки.

Методологическую основу данного комплексного исследования составили фундаментальная концепция культурно-исторического развития высших психических функций, а также современные дефектологические подходы к организации комплексной реабилитации детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). Экспериментальное изучение специфики речемыслительных процессов дошкольников проводилось на базе дошкольных образовательных организаций в группах компенсирующей и комбинированной инклюзивной направленности.

В ходе исследования детально анализировался и обобщался практический опыт дифференцированного применения двух ключевых технологических классов ассистивных средств отечественного производства.

К первому классу относятся высокотехнологичные (*high-tech*) средства индивидуального и коллективного пользования: беспроводные радиосистемы и FM-системы производства российской группы компаний «Исток-Аудио» (в частности, комплекс «Сонет-РМ»), преобразующие

голос педагога в чистый сигнал без помех, направляемый непосредственно на речевой процессор импланта.

Ко второму классу относятся интерактивные визуальные ассистивные тренажеры: специализированное программное обеспечение, переводящее акустические параметры речи в графические образы на экране компьютера (например, программные комплексы «Видимая речь», «Дельфа-142» и интерактивные развивающие среды «Логомер-2»).

Настоящее исследование было организовано, скоординировано и проведено репрезентативной группой исследователей-авторов, в состав которой вошли В.А. Балакирева, Е.Д. Васенина, А.В. Гольцова, М.Д. Киреева, К.М. Лазарева, Л.А. Мартиросян, Е.З. Петрова, Н.А. Сафонов, под моим непосредственным научным руководством. Совместные скоординированные усилия научного коллектива позволили осуществить тотальный стандартизированный мониторинг, обеспечить валидность собираемых данных, а также дифференцированно подойти к оценке индивидуальных когнитивных траекторий дошкольников в зависимости от тяжести нарушений.

Специфика интеграции данных ассистивных средств в систему реабилитации глухих дошкольников и детей после КИ жестко детерминирована выбором ведущих языковых подходов (*linguistic approaches*), практикуемых в современной сурдопедагогике. Исторически сложившееся дихотомическое разделение методов реабилитации нацелено на решение коренной психолингвистической проблемы: через какую знаковую систему наиболее эффективно развивать мышление глухого ребенка. Первым вектором выступает строго слухоречевой, или оральный подход (*oral method*), целью которого является скорейшее формирование словесной устной речи как эксклюзивной базы логического мышления. Вторым вектором является подход тотальной коммуникации (*total communication*), допускающий синкретическое использование словесной речи, дактилологии и жестового языка. В рамках каждого из этих подходов отечественные ассистивные технологии выполняют принципиально разные когнитивно-семиотические функции, они выступают либо техническим интенсификатором слухового анализатора, либо гибким транслятором-переводчиком между качественно отличными знаковыми системами.

Лонгитюдное наблюдение за речевым поведением, коммуникативным взаимодействием и когнитивной активностью дошкольников с КИ осуществлялось в естественных условиях игровой, игровой моделирующей и учебно-познавательной деятельности на

протяжении всего учебного года. Особое внимание уделялось фиксации качественных изменений в мыслительных операциях анализа, синтеза, сравнения и обобщения при введении визуальной и слуховой знаковой опоры. В исследовании приняли участие дошкольники в возрасте от 5 до 7 лет с диагнозом «двусторонняя сенсоневральная тугоухость IV степени», успешно перенесших операцию кохлеарной имплантации [Королева, 2012; Королева, 2016]. Мониторинг когнитивного картирования включал методики исследования наглядно-образного мышления, способности к классификации и исключению предметов. Оценка речемыслительной динамики проводилась в три этапа: констатирующий срез, формирующий этап с интеграцией ассистивных средств в практику инклюзивных групп, и контрольный эксперимент.

Результаты проведенного исследования убедительно свидетельствуют, что у глухих дошкольников после КИ при существенно заблокированной или резко ограниченной экспрессивной речи ментальные операции часто сохранены, однако находятся в латентном, неактуализированном состоянии. Научным коллективом установлено, что в контексте слухоречевой реабилитации мощным триггером развития выступает феномен вокализации (пения). Музыкальный и вокальный тренинг задействуют сохранное правое полушарие головного мозга, отвечающее за восприятие просодики, ритма и тембра. Пение активизирует слуховое внимание ребенка с КИ, формируя у него перцептивную готовность к восприятию устной речи. Мелодический рисунок выступает естественным ассистивным «каркасом», на который нанизывается словесный материал. Это ускоряет интернационализацию структуры ‘звук’ – ‘смысл’.

Как показали наши практические наблюдения, целенаправленное внедрение беспроводных систем в сюжетно-ролевую игру существенно расширяет когнитивное поле ребенка. Дошкольник получает реальную возможность улавливать речевые интенции сверстников, планировать свои игровые действия, распределять роли и координировать их с действиями других детей без риска потери акустического контакта.

Особое внимание в ходе эксперимента было уделено психоакустическим механизмам верботонального метода реабилитации (*verbotonal method*). Данный метод базируется на принципе постоянного и направленного возбуждения остаточного слуха с использованием специализированной отечественной электроакустической аппаратуры линейки «Верботон». Специфика верботонального подхода заключается в том, что даже у неимплантированных глухих детей за счет передачи

низкочастотных звуков через тактильно-вибрационные каналы (вибростолы, костные вибраторы) удается сформировать полноценную когнитивную базу для грамотной речи. Постоянное, непрерывное сенсорное возбуждение звуком слуховой коры головного мозга предотвращает ее инволюцию, оно стимулирует развитие фонематического слуха через телесное восприятия ритма. Низкие частоты транслируют интонационный контур языка, выполняя функцию первичной грамматической матрицы мышления. При интеграции верботонального оборудования в рамках орального подхода ребенок совершает операцию сериации на наглядном уровне, выстраивая логическую последовательность звуков по длительности и громкости, понимая маркеры *громко – тихо*. Это стабилизирует временные и причинно-следственные связи, которые у детей с нарушениями слуха обычно размыты. Материализованная форма знака позволяет удерживать программу высказывания в памяти.

На констатирующем этапе дети испытывали трудности при удержании цели в многошаговых интеллектуальных задачах. Внедрение пошаговых визуальных алгоритмов деятельности (карты-схемы конструирования, пиктограммы лепки интерактивных комплексов «Логомер-2») привело к качественному скачку: продуктивность выполнения заданий выросла на 48%. Символическое опосредование помогло перевести хаотичную активность в целенаправленный мыслительный процесс.

Психолингвистическая специфика структуры речевого дефекта у имплантированных детей на этапе реабилитации тесно соотносится с закономерностями задержки речи, описанными в фундаментальной концепции общего недоразвития речи (ОНР) Т.В. Филичевой [Жукова, Мастюкова, Филичева, 2000, с. 54]. После КИ ребенок фактически преодолевает последовательные уровни ОНР: от полного отсутствия общеупотребительной речи (I уровень) через начальные элементы лексико-грамматического конструирования (II уровень) к развернутой фразовой речи с выраженными аграмматизмами (III и IV уровни). Согласно Т.В. Филичевой, ключевыми маркерами задержки выступают стойкие деформации слоговой структуры, семантические девиации, лексическая бедность и трудности словообразования, резко ограничивающие возможности понятийного мышления. В этих условиях отечественные интерактивные тренажеры выполняют прецизионную функцию дифференцированной коррекции каждого уровня задержки речи. Программные модули комплекса «Логомер-2» целенаправленно

тренируют способность к верификации грамматических конструкций, помогая имплантированному ребенку преодолеть дефицит словообразовательных флексий и успешно перевести внешние речевые действия во внутренний план мышления.

Иная психолингвистическая картина наблюдается при интеграции ассистивных технологий в рамки подхода тотальной коммуникации или социокультурного билингвизма (*bicultural bilingualism*). У глухих дошкольников до операции КИ или при ее невозможности ведущей знаковой системой, опосредующей мышление, выступает русский жест (РЖ), обладающий собственной уникальной лингвистической структурой. Логические операции у таких детей протекают в специфическом образно-жестовом формате, что затрудняет освоение письменного и устного русского языка.

Специализированные отечественные программные интерактивные среды сопоставляют в едином визуальном поле три разнородных кода: динамическое изображение жеста, графическую пиктограмму предмета и буквенную запись слова. Подобная поликодовая визуализация обеспечивает постепенный перевод наглядно-образного, жестового мышления глухого дошкольника в словесно-логическое русло национальной языковой системы. Статистический анализ динамики когнитивного развития показал, что регулярное включение отечественных высокотехнологичных коммуникаторов и аппаратуры «Исток-Аудио» в образовательный процесс в течение шести месяцев повышает уровень самостоятельности детей в решении наглядно-образных задач на 35%. Одновременно фиксируется значительное снижение уровня коммуникативной деструкции, игровой изоляции и общего эмоционального напряжения на 42%, которые ранее были вызваны невозможностью быть понятым окружающими в слышащей среде. Применение российских панелей с предикативным вводом (подсказками) развивает прогностические способности детей. Мышление учится предвосхищать появление следующего смыслового звена на основе контекста. Дети после КИ начинают оперировать не отдельными изолированными понятиями, а смысловыми синтагмами. Цифровой формат отечественных технологий обладает высокой аттрактивностью для дошкольников, превращая дефектологическое воздействие в увлекательную интеллектуальную игру.

Анализ клинико-педагогической практики выявил ряд уникальных моментов и неожиданных успехов реабилитации, способных стать подлинным научно-методическим прорывом в дефектологии.

Первым ключевым моментом является обнаруженный феномен вокально-просодического резонанса. Установлено, что сочетанное применение FM-систем и вокально-ритмических упражнений запускает спонтанное когнитивное картирование: дети начинают безошибочно дифференцировать схожие лексические единицы не за счет механического заучивания, а через улавливание макроструктуры интонационного контура.

Вторым прорывным аспектом выступает непрерывная тактильно-акустическая стимуляция коры головного мозга низкими частотами верботональных комплексов у неимплантированных детей. Неожиданным успехом стало то, что постоянное возбуждение слуховых зон тела формирует у глухих дошкольников интуитивное понимание падежных окончаний и грамматического строя устной речи еще до включения речевого процессора.

Передовые отечественные исследования, транслируемые И.В. Королевой в рамках концепции слухоречевой реабилитации, и инновационные методы объективной настройки техники, разрабатываемые Г.Ш. Туфатулиным, доказывают значимость точной интеграции технических и лингвистических факторов. Живая практика ведущих специалистов, таких как Н. Соловейчик и С. Бурнос, подтверждает: непрерывное ситуативное «оречевление» действий в комбинации с ведением поликодовых картированных словарей служит лакмусовой бумажкой подлинного осмысления языка, предотвращая пустое дактилирование текста без понимания семантики. Ассистивные технологии выступают здесь полноценным, гибким дидактическим средством. Оно коренным образом перестраивает всю функциональную систему взаимодействия мышления и речи, открывая новые пути для импортоопережающей компенсации дефекта.

Важно подчеркнуть, что выбор конкретного языкового подхода к реабилитации должен строго координироваться с техническими характеристиками ассистивной аппаратуры. При некорректно настроенном речевом процессоре КИ попытка реализации чисто слухоречевого подхода без визуальной ассистивной опоры может усугубить речевое недоразвитие и затормозить интеллектуальный генез. Напротив, гармоничное сочетание отечественных систем «Сонет-РМ» со специальным интерактивным ПО удовлетворяет базовую потребность ребенка в получении информации, снимает эмоциональный блок «непонятности» и высвобождает когнитивную энергию для освоения вербального языка.

Разработка российских инновационных комплексов, таких как отечественные системы отслеживания взгляда «Эйтрекер Полина» или интерфейсы «Нейрочат», доказывает технологическую независимость нашей дефектологической науки. В поликультурной среде российских регионов, где в одной инклюзивной группе могут находиться дети, говорящие на разных национальных языках или имеющие глубокие дефекты слуха, ассистивные символы играют роль своеобразного лингвистического эсперанто. Они объединяют детское игровое сообщество на основе предметных смыслов, транслируя идеи солидарности и равенства с самых ранних этапов социализации личности.

В заключение отметим, что применение российских ассистивных технологий в инклюзивном дошкольном образовании является важнейшим, незаменимым условием компенсации глухоты и опережающей стимуляции когнитивной сферы у детей после КИ, независимо от реализуемого языкового подхода. Взаимосвязь языка и мышления в данном контексте носит управляемый, целенаправленный характер. Педагог с помощью широкого спектра отечественных ассистивных средств конструирует индивидуальные замещающие и развивающие языковые системы, что обеспечивает непрерывное, поступательное развитие интеллекта ребенка. Равный доступ к передовым отечественным технологиям коммуникации гарантирует полную реализацию прав каждого ребенка на полноценное развитие в инклюзивном социуме. Дальнейшее развитие данного научного направления видится в масштабной разработке отечественного стандартизированного программного обеспечения для альтернативной коммуникации и слухоречевой реабилитации имплантированных детей.

Литература

Белоус Н.А. Прагматическая реализация коммуникативных стратегий в конфликтном дискурсе. URL: by.ru (дата обращения: 17.12.2021).

Бурнос С.В. Способ развития речи у детей старше 4 лет после операции кохлеарной имплантации: патент на изобретение RU 2809692 C1 / С. В. Бурнос, И. В. Королева. № 2023103956; заявл. 20.02.2023; опубл. 14.12.2023, Бюл. № 35. – 12 с.

Выготский Л.С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 2005. 352 с.

Жукова Н.С. Преодоление общего недоразвития речи у дошкольников / Н.С. Жукова, Е.М. Мастюкова, Т.Б. Филичева. М.: Просвещение, 2000. 283 с.

Королева И.В. Кохлеарная имплантация и слухоречевая реабилитация глухих детей и взрослых: научно-методическое руководство в рамках программы «Я слышу мир!». СПб.: КАРО, 2016. 224 с.

Соловейчик Н. Учитель на дому: призвание Натальи Соловейчик // DeafNet: информационный портал. 2021. URL: deafnet.ru (дата обращения: 16.06.2026).

Туфатулин Г.Ш. Детское слухопротезирование: современное состояние и перспективы развития // Российская оториноларингология. 2020. Т. 19. № 5. С. 45–54.

References

Belous N.A. Pragmatic implementation of communicative strategies in conflict discourse. URL: by.ru (date of notification: 12.17.2021).

Burnos S.V. Method of speech development in children over 4 years of age after cochlear implantation surgery: patent for invention RU 2809692 C1 / S.V. Burnos, I.V. Koroleva. No. 2023103956; application no. 20.02.2023; published on 12.14.2023, Bul. no. 35. 12 p.

Vygotsky L.S. Thinking and speech. Moscow: Labyrinth, 2005. 352 p.

Zhukova N.S. Overcoming the general underdevelopment of speech in preschoolers / N.S. Zhukova, E.M. Mastyukova, T.B. Filicheva. M.: Prosveshchenie, 2000. 283 p.

Koroleva I.V. Cochlear implantation and auditory-speech rehabilitation of deaf children and adults: a scientific and methodological guide within the framework of the program "I hear the world!". St. Petersburg: KARO Publ., 2016. 224 p.

Soloveitchik N. Teacher at home: Natalia Soloveitchik's vocation // DeafNet: information portal. 2021. URL: deafnet.ru (date of application: 06.16.2026).

Tufatulin G.Sh. Children's hearing prosthetics: current state and development prospects // Russian otorhinolaryngology. 2020. Vol. 19. No. 5. pp. 45–54.

Доктор филол. наук Г.Г. Хисамова (Уфа)
galiya.khisamova@yandex.ru

«ДИАЛОГ КУЛЬТУР» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ: ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. Художественный текст используется в дидактических целях и в практике преподавания русского языка, и в практике преподавания русского языка как неродного и как иностранного. Повышенное внимание при этом уделяется проблеме отражения в языке национально-культурной семантике. Особая роль принадлежит лингвокультурологическому анализу. Сопоставительное описание реалий культуры, лексики с национально-культурным компонентом позволит усвоить национально-культурную специфику языковых средств, поможет создать когнитивную базу, необходимую для общения, что будет способствовать совершенствованию обучения русскому языку.

Ключевые слова: художественный текст, диалог культур, лингвокультурологический анализ, национально-культурная семантика, диалог, тюркизмы-регионализмы.

Doctor of Philologycal Science G.G. Khisamova (Ufa)
galiya.khisamova@yandex.ru

«DIALOGUE OF CULTURES» IN THE FIXTION TEXT: LINGUO-DIDACTIC ASPECT

Abstract. The fiction text is used for didactic purposes and in the practice of teaching Russian language and in the practice of teaching Russian language as foreign language and as natire language. The special attention is analysed to the problem of reflecting national and cultural semantics in the language. The special role belongs to linguoculturalological analysis. The comparative description at the realities of culture, vocabulary with national and cultural component will allow us to assimilate the national and cultural specifics of linguistic mens, it will help create the cognitive basis necessary for communication, wich will help improve the teaching of Russian language.

Keywords: fictin text, dialogue of cultures, linguoculturelogical analysis, national and cultural semantics, dialogue, turkism-regionalism.

Художественный текст обладает мощным лингводидактическим потенциалом: смысловое восприятие средств языкового выражения,

языковая рефлексия над ними не только дает читателю определенные знания, но и учит тому, каким образом получить новые, помогает изучающему язык освоится в новом языковом пространстве. Без чтения художественной литературы не может быть полноценного овладения языком. На материале художественного текста решаются различные учебные задачи – от практических речевых до формирования навыков комплексного филологического анализа художественного произведения.

Для методики преподавания русского языка, а также русского языка как неродного и русского языка как иностранного характерно повышенное внимание к проблеме отражения в языке национально-культурной семантики. Особая роль в этом принадлежит лингвокультурологическому анализу [Саяхова, 2014; Хайруллина, 2016]. Задача лингвокультурологического анализа текста – показать, как в тексте отражается лингвокультурная ситуация, каково его общее культурное содержание и ценностные ориентиры. Культурный смысл текста проявляется в его тематике, в композиции (сюжет, фабула, персонажи) и в заглавии, поэтому на лексико-фразеологическом уровне выявляются единицы с национально-культурной семантикой (безэквивалентная лексика, фоновая и коннотативная лексика; фразеологизмы; афоризмы, крылатые выражения; прецедентные тексты; изобразительно-выразительные средства) и сопоставляются с фактами родного языка и культуры, кроме того, выделяется общее и национально-специфическое в языковых единицах.

При изучении русскими и иностранными учащимися текстов художественной прозы, в которых отражаются культура и быт тюркского народа, его обычаи и традиции, этические нормы, особенности образного мышления, особая роль отводится тюркизмам-регионализмам [Хисамова, Махмутова, Усманов, 2020, с. 623–629].

Русские писатели, в творчестве которых нашли отражение башкирские мотивы, умело использовали региональную лексику башкирского происхождения.

Так, С.Т. Аксаков включает в текст тюркизмы при описании природы Башкирии, для создания реалистической картины быта башкир и других народов, издавна населяющих этот край: *«Обильною жатвой награждается ленивый и невежественный труд пахаря, кое-как и кое-где всковырявшего жалкою сохою или неуклюжим сабаном, твою плодоносную почву! … Уже поспел живительный кумыс. закис в кобыльих турсуках. и все, кто может пить, от грудного младенца до дряхлого старика, пьют допьяна целительный, благодатный, богатырский*

напиток. После этого исчезают недуги голодной зимы и даже старости...»; «Прекрасен ты, чудесный край, свежи, зелены и могучи стоят твои раздольные леса, и рои диких пчёл шумно населяют рукотворные борти твои, занося их душистым липовым мёдом...» («Семейная хроника»*).*

У П.П. Бажова безэквивалентная региональная лексика вводится в текст сказов, где используются мотивы и образы башкирского фольклора: *«Здравствуй, Айлып! ...Не возьмёшь ли меня замуж? – А какой, – спрашивает, – за тебя калым, платить?»; «... Дорогу примечать стал: где лесину затешет, где на камне свою тамгу выбьет, где ещё какой знак поставит» («*Золотой волос»*).* Региональная лексика в уральских сказах помогла Бажову более полно охарактеризовать рассказчика – старого бывалого горщика (от его имени ведётся повествование), передать своеобразие горнозаводской речи, в которой было немало заимствований из башкирского языка*: «Кому в это вникать не доводилось, тому – что бор, что парма, что урман, что тайга – всё лес, а на деле разница есть... Урман от тайги большую отличку имеет. По урману не то что пешему, а и конному пробираться просто, там всегда прогалы есть... Ну а тайга – лес слошняком. Через такой не скоро продерёшься»* («Дорогой земли виток»).

Национально окрашенная (безэквивалентная региональная, а также фоновая) лексика органично вписывается в современную русскоязычную прозу и поэзию Башкортостана, широко и разнообразно представлена в переводах с башкирского языка на русский.

Сюда относятся наименования мифических, сказочных существ: *«аждаха», «шайтан», «ен», «юха», «шурале», «пери», «див», «тулпа»; людей по разным признакам: «батыр», «шакирд», «бай», «аяксы», «турэ», «сэсэн», «аксакал», «джигит», «мулла», «имам»;* предметов домашнего обихода: *«тамга», «аркан», «комган», «хике», «камчы», «тырма», «умарта», «тюбетейка», «чекмень», «палас», «казан», «бурек», «камзул», «башлык»;* кушаний и напитков: *«эремсек», «корот», «каймак», «бишбармак», «хурпа», «холма», «курмас», «улюш», «куллама», «тукмас», «кумыс», «катык», «бэлеш», «катык», «юаса», «шербет», «баурсак», «табикмак», «кыстыбый»; построек: «мечеть», «минарет», «медресе»;* музыкальных инструментов: *«курай», «кубыз», «донгор», «думбыра», «дыбыла»;* праздников, обрядов и обычаев: *«курбан-байрам», «ураза-байрам», «сабантуй», «каргатуй», «йыйын», «свадебные, родинные и погребальные обряды»;* религиозная лексика: *«ураза», «сура», «никах»,*

«иншалла», «валлахи», «кяфыр», «минара», «мунажат», «азан», «муэдзин», «улемтек» и многие другие.

Многочисленны термины родства, которые используются в речевом этикете башкир, например: «*атай*», «*эткэй*» (отец), «*картатай*», «*олатай*», «*зурэтэй*», «*бабай*» (дедушка) «*эсей*», «*инэй*», «*эней*», «*эни*», «*энкэй*» (мать), «*картэсэй*», «*зурнэй*», «*инэкэй*» (бабушка), «*абый*», «*абзый*» (дядя), «*апа*», «*тутей*» (сестра), «*кызым*» (дочь), «*улым*» (сын), «*кейэу*» (зять), «*килен*» (невестка), «*енгэ*» (жена брата, дяди), «*бей анна*» (свекровь), «*бей ата*» (свёкор), «*кэйнеш*» (младший брат жены), «*балдыз*» (младшая сестра жены) и т.п.

Не обладая экспрессивной окраской, тюркизмы-регионализмы придают тексту особую выразительность, выполняют наряду с номинативной и художественно-эстетическую функцию.

Национальная лексика участвует в образовании метафор и сравнений: «Месяц изогнутым медным кумганом / Цедит прохладу небес по плечам...» (А. Филиппов); «*Издали лагерь геологов напоминал небольшое стойбище кочевников. На синем фоне гор белели палатки, похожие на юрты, покрытые кошмой. Неподалёку от палаток, как на яйлау, паслись кони» (А. Бикчентаев); «Между ними, будто девушки в объятиях джигитов, ... замерли в белых с чёрными узорами платьях берёзы, осины, чьи зелёные зиляны начали уже выцветать» (Н. Мусин).*

Для создания в русском тексте специфической образности используется и фоновая лексика, связанная с жизненным укладом башкирского народа (кочевой образ жизни, скотоводство, бортничество): «Мой Закир ... долго жил там. Больше родного аула любил он, мой жеребёночек, этот город...» (З. Биишева); «*Сижу в одиночестве и обливаюсь слезами, точно верблюдица, разлучённая с верблюжонком!» (Х. Давлетшина); «Солнце поднялось на длину аркана» (Н. Мусин); «Недаром со всей округи самые бойкие джигиты возле нашего аула, как осы вокруг колоды с мёдом, вьются» (М. Карим); «Луна – как улей – на небе встаёт, / А звёзды – в установленном порядке / Со всей вселенной собирая мёд, / Снуя, жужжа, в тот улей носят взятки» (М. Карим).*

Национальный колорит художественного произведения создаётся также при помощи специальной этикетной лексики («*ассалям агалейкум*», «*хуш*», «*рахим. итегез*») *и междометий (*«*ай-хай*», «*гы*», «*абау*»), *традиционных формул корана (*«*иншалла*», «*бисмилла*», «*астагфирулла*»), *передачей на русском языке башкирских пословиц и поговорок: «Едва башкир становится турэ, сразу вешает лапти в*

переднем углу», «Кумыс хорош пенистый, а совет - уместный», «Мужчина родится в юрте, а сражается в поле»; типичных оборотов речи, приветствий, пожеланий: «*Слава аллаху, пусть пошлёт он тебе сыновей для продолжения рода! – привычным приветствием ответил Хаким»* (Я. Хамматов); «*Асылбика встретила невестку со всеми полагающимися почестями: – Лёгкой ногой войди в дом!»* (Г. Ибрагимов); терминов восточного летоисчисления (год дракона, год зайца и т.п.).

Отражение национальной специфики (быта, обычаев, самосознания, мировоззрения) путем использования в русской литературе и в русскоязычных художественных текстах разнообразных пластов лексики (историзмов, архаизмов, экзотизмов и др.) создает ту неповторимую картину, которая позволяет учащимся наслаждаться художественным произведением, понимать его.

Уровень сопоставительного анализа текстов разных культур в аспекте «диалога культур» предусматривает анализ содержания текста, его структурной организации, лингвокультурологических концептов, языковых и изобразительно-выразительных художественных средств. Сопоставительное описание реалий культуры, лексики с национально-культурным компонентом в русском и родном языках и культурах позволит усвоить национально-культурную специфику языковых средств, поможет создать когнитивную базу, необходимую для общения, что будет способствовать совершенствованию обучения не только русскому, но и родному языку, предупреждая межкультурную интерференцию.

Литература

Саяхова Л.Г. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация. Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. 138 с.

Хайруллина Р.Х. Лингвокультурологический анализ художественного текста: монография. Уфа: Диалог; 2016. 117 с.

Хисамова Г.Г., Махмутова А.С., Усманов Р.Ш. Речевая культура билингвальной личности в поликультурном образовательном пространстве // Вестник Башкирского университета. Т. 25. 2020. № 3. С. 623–629.

References

Sajahova L.G. Lingvokulturologiya i mejkulturnaya kommunikaciya. Ufa: RIC BashGU, 2014. 138 s.

Hairullina R.Kh. Lingvokulturologicheskii analiz hudojestvennogo teksta. Monografiya. Ufa: Dialog, 2016. 117 s.

Khisamova G.G., Makhmutova A.S., Usmanov R.Sh. Rechevaya kultutra bilingvalnoi lichnosti v polikulturnom obrazovatelnom prostranstve // Vestnik Bashkirskogo universiteta. T. 25. 2020. № 3. S. 623–629.

ФОНОСЕМАНТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ *ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ*

Магистрант З. Альвредат, канд. филол. наук Е.И. Беседина
(Санкт-Петербург),
zalwredat@yandex.com, elivbesedina@mail.ru

АРАБСКИЕ ПОНЯТИЯ ОКРУГЛОГО И ОСТРОГО В ВОСПРИЯТИИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье представлены результаты ассоциативного перцептивного эксперимента с участием респондентов-носителей нормативного русского языка, которым предъявлялись арабские слова, обозначающие контрастирующие по своей геометрии предметы — выпуклые и округлые, с одной стороны, и острые и колючие, с другой. Анализ полученных результатов позволил авторам выявить у носителей русского языка устойчивую ассоциативную связь по принципу эффекта maluma-takete, поскольку отнесение исследуемых арабских лексем к «правильной» категории в 1,9 (для округлых предметов) и в 1,7 раза (для острых) превосходит априорную вероятность.

Ключевые слова: арабский язык, ассоциативный эксперимент, звуковой символизм, обозначение острого и округлого.

ARABIC DESIGNATIONS OF ROUNDNESS AND SHARPNESS PERCEIVED BY RUSSIAN SPEAKERS

Master's student Z. Alvredat, PhD in Philology E. I. Besedina
(Saint Petersburg)
zalwredat@yandex.com, elivbesedina@mail.ru

Abstract. The article presents the results of an associative perceptual experiment with the participation of respondents who are native speakers of standard Russian. They were presented with Arabic words denoting objects with contrasting geometric shapes—convex and rounded, on the one hand, and sharp and spiky, on the other. Analysis of the results allowed the authors to identify a stable manifestation of the maluma-takete effect in the responses of native Russian speakers to the stimuli, as the assignment of the studied Arabic lexemes to the "correct" category by Russian respondents exceeds a priori probability by 1.9 times (for rounded objects) and 1.7 times (for sharp objects).

Keywords: the Arabic language, associative experiment, designations of round and pointed objects, sound symbolism.

Изучение эффекта *maluma / takete* [Köhler, 1929] в естественных языках с последующим сопоставительным анализом представляются исключительно важными, поскольку их задача – подтвердить существование, несмотря на определенную ограниченность, эвристического потенциала акустической иконичности, делая возможным «угадывание» значения слова исходя из его звучания (ср. [Воронин, 1982, 192 -197; Шамина, 2013]).

Источником эмпирического материала для изучения наличия/отсутствия устойчивой ассоциативной связи между формой объекта (словами обозначающие контрастирующие по своей геометрии предметы — выпуклые и округлые, с одной стороны, и острые и колючие, с другой) и звуковым обликом лексемы его обозначающей, послужили корпуса обозначений понятий округлого и острого арабского языка, полученные из Большого арабско-русский словаря под редакцией Х.К. Баранова [Баранов, 2000]. Итоговые корпуса материала арабского языка составили 70 лексем-обозначений округлого (например, ورم *waram* ‘опухоль’, فول *fuul* ‘боб’, بثرة *bathra* ‘волдырь’ и другие) и 70 лексем-обозначений острого (например, سهم *sahm* ‘стрела’, شوكة *shawka* ’шип’, حسكة *ḥasaka* ‘колючка’ и другие). Важно отметить, что во избежание упрека в тенденциозности, при отборе материала авторы исследования исходили исключительно из семантики, а не из фонетического облика слова.

Структурно-фонетический анализ арабских обозначений округлого показал очевидное преобладание фонотипа лабиальных: слова с инициальными губными /b/ (ب) и /m/ (م) и ударным гласным заднего ряда /u/ составляют значительную долю корпуса. Это согласуется с данными анализа выборок округлого английского и русского языков [Besedina, 2016]. В арабских обозначениях острого преобладают переднеязычные взрывные /t/ (ت) и /d/ (د), свистящие /s/ (س) и /z/ (ز), шипящий /ʃ/ (ش) — именно те звуки, которые в своих исследованиях многие ученые относят к символике «острого» [Fox, 1935; Bozzi & d'Arcais, 1967; Журавлев, 1991; Ćwiek et al., 2022].

При дальнейшем выборе слов-стимулов для включения их в материал эксперимента авторы исходили из упомянутых выше ассоциативных корреляций, полученных исследователями в экспериментах на материале искусственных слов.

Материал эксперимента предъявлялся участникам на Google диске устно в записи, выполненной нормативным носителем арабского языков, при этом последовательность предъявления была произвольной. Респондентам предлагалось прослушать запись (с возможностью ее многократного повторения) и соотнести услышанные ими слова с одним из предложенных понятий. Респондентам также предоставлялась третья опция, то есть возможность личного комментария или иной индивидуальной ассоциативной реакции, вызванной конкретным словом.

Что касается формировании корпуса респондентов-носителей русского языка, то была авторами была предпринята попытка по возможности адекватно смоделировать структуру реального языкового коллектива, то есть максимально учесть социальные, профессиональные, возрастные и другие ее аспекты. В эксперименте приняли участие 103 носителя нормативного русского (51,5% мужчин 48,5% женщин) в возрасте от 10 до 70 лет, ни в какой степени не владеющих арабским языком. Образовательный уровень респондентов был представлен учениками и выпускниками средней школы, студентами университетов и специалистами с высшим образованием. Следует отметить, что наибольшая доля респондентов (62,1%) составили студенты университетов, группа, которая общепризнанно считается наиболее доступной для проведения такого рода экспериментальных исследований.

Здесь следует отметить, что несмотря на то, что семитские языки, по наблюдению Газов-Гинзберга, демонстрируют исключительно богатый звукосимволический потенциал, экспериментальные исследования по звукоизобразительности семитских языков нельзя считать исчерпывающими.

Обработка данных проводилась с использованием стандартных статистических методов анализа экспериментальных данных, которые признаются надежными при оценки произвольно распределенной случайной величины для выборок большого объема [Носенко,1981]. В описываемом ниже эксперименте в связи с тем, что в равновероятном случае распределения случайной величины является центрированным, то есть $\mu_0 = 0$, величина μ/μ_0 не определена. В этом случае представляется целесообразным рассматривать аналогичное отношение апостериорного распределения «благоприятных» выборов (то есть «правильного» выбора понятий округлого или острого в соответствии с их семантикой в исследуемом языке) p_1 и априорной вероятности $p_0 = 1/3$ того же события в равновероятном случае. Следует отметить, что, с одной стороны, использование такого соотношения p_1/p_0 несколько менее информативно,

чем отношение μ/μ_0, поскольку не учитывает малого отрицательного вклада p_2, а с другой стороны, при использовании p_1/p_0 строго оценивается величина доверительного интервала для величины μ, что дает несколько завышенную величину p_1/p_0. Таким образом, выводы, основанные на анализе данного отношения, на самом деле оказываются справедливыми с вероятностью ⩾0, 95. Именно такая методика обработки эмпирических данных и была применена при обработке результатов нижеописанного эксперимента.

Анализируя результаты эксперимента по восприятию арабских обозначений округлого и острого, следует отметить довольно интересный и важный факт: 8 арабских обозначений округлого были «правильно» определены русскоязычными респондентами: ثؤلول *ṯuʾlūl* ‘бородавка, нарост’ (75%), زلابية *zulābiya* ‘пышка, пончик’ (73%), نتوء *nutūʾ* ‘нарост, выступ, бугорок’ (70%), فقاعة *fuqāʿa* ‘пузырь’(69%), برعم burʿum ‘бутон, почка’(65%), كبة *kubba* ‘шар, клубок’(65%), بثور *buṯūr* ‘волдыри’ (61%), برعم مؤخرة *muʾaḫḫira* ‘ягодицы’ (34%) (см. рис.1).

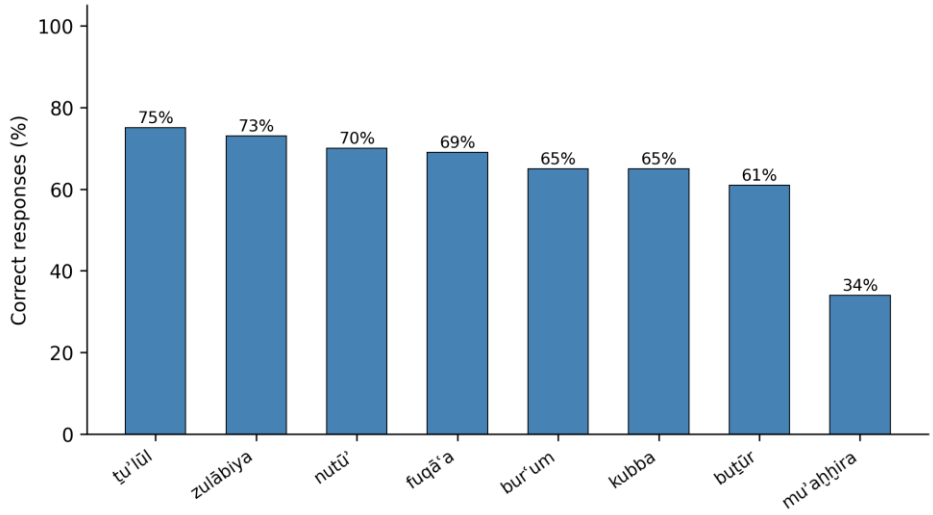

Рис. 1. «Правильное» опознание респондентами значений русских диалектизмов-обозначений округлого

Поскольку анализируемый случай представляет собой не что иное, как случай с тремя равновероятными исходами (округлое, острое, другое), то вероятность каждого из них равна 1/3. Таким образом, превышения значений апостериорного распределения над априорным имеет следующие

показатели для каждого из исследуемых слов: ثؤلول *ṯuʾlūl* ‘бородавка, нарост’ в 2, 3 раза; زلابية *zulābiya* ‘пышка, пончик’ в 2, 2 раза; نتوء *nutūʾ* ‘нарост, выступ, бугорок’ в 2,1 раза; فقاعة fuqāʿa ‘пузырь’ в 2,1 раза; برعم *burʿum* ‘бутон, почка’ в 2,0 раза; كبة *kubba* ‘шар, клубок’ в 2, 0 раза; بثور *buṯūr* ‘волдыри’ в 1, 8 раза; مؤخرة muʾaḫḫira ‘ягодицы, попа’ в 1, 02 раза. Как можно заметить из приведенных выше показателей, 7 из 8 предъявленных респондентам слов демонстрируют значимое превышение априорной вероятности, и лишь одно слово *muʾaḫḫira* ‘ягодицы, попа’ имеет показатель, практически равный равновероятному распределению (см. рис.2).

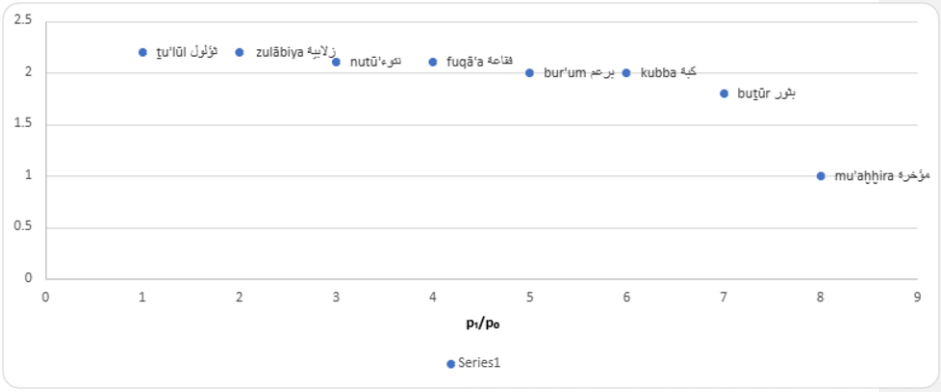

Рис. 2. Показатели превышения апостериорной вероятности выбора респондентов для понятий округлого

Слово *muʾaḫḫira* начинается с гортанной смычки /ء/ (хамза), за которой следует огубленный /u/ — казалось бы, именно такое начало должно сигнализировать об «округлости». Однако возможно, что определяющим для части носителей русского языка явился срединный фарингальный фрикативный /ḫ/ (خ) — резкий, «скрипящий» звук, отсутствующий которого в русском, который «заставил» русских респондентов воспринять его как нечто «жесткое» и «темное» и «нейтрализовать» эффект в «округлость» инициального сочетания /m/ и /u/.

Таким образом, подводя итог, можно сказать, что для округлых предметом в целом значение апостериорного (фактического) вероятностного распределения в 2,2 раза превосходит априорную вероятность, характеризующую равновероятного распределения, при котором все возможные исходы имеют одинаковую вероятность возникновения.

Что касается 8 арабских обозначений острого, то они были «правильно» отнесены респондентами к соответствующей категории со следующими

показателями: مشرط ثؤلول *mišraṭ* ‘скальпель’ (65%), حسكة *ḥasaka* ‘колючка’ (63%), حربة *ḥarba* ‘штык’ (60%), قرن *qarn* ‘рог’ (57%), منقار *minqār* ‘клюв’ (53%), خنجر *khanjar* ‘кинжал’ (53%), سيخ *sīḫ* ‘вертел’ (49%), إبرة *ʾibra* ‘игла’ (41%) (см. рис.3).

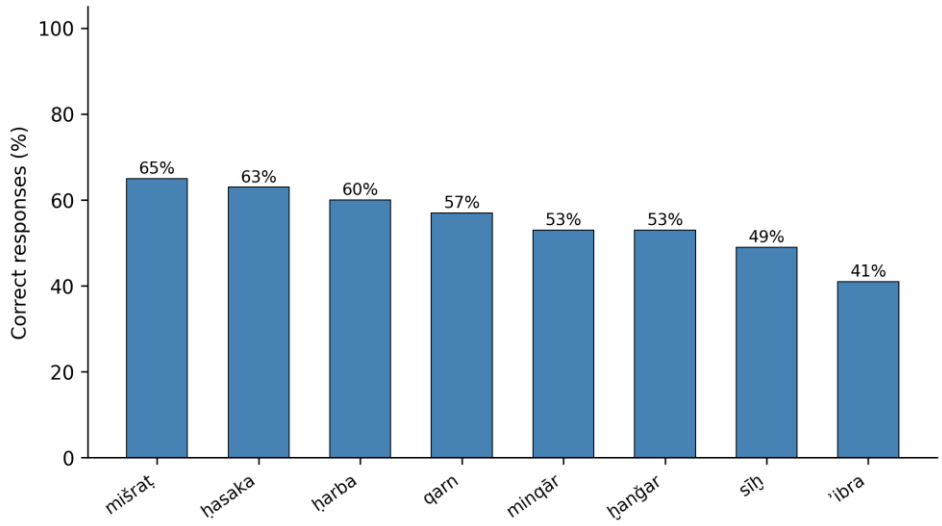

Рис. 3. «Правильное» опознание респондентами значений русских диалектизмов-обозначений острого.

Поскольку данный случай также классифицируется как случай с тремя равновероятными исходами, то «правильное» отнесение русскоязычными респондентами предъявленных им арабских лексем, передающих понятие острого дает следующие показатели превышения априорной вероятности для каждого из предъявленных слов: مشرط ثؤلول *mišraṭ* ‘скальпель’ в 1, 95 раза; حسكة *ḥasaka* ‘колючка’ в 1, 9 раза; حربة *ḥarba* ‘штык’ в 1, 8 раза; قرن *qarn* ‘рог’ в 1,7 раза; منقار *minqār* ‘клюв’ в 1, 6 раза; خنجر *khanjar* ‘кинжал’ в 1, 6 раза; سيخ *sīḫ* ‘вертел’ в 1,5 раза и إبرة *ʾibra* ‘игла’ в 1, 2 раза (см. рис. 4).

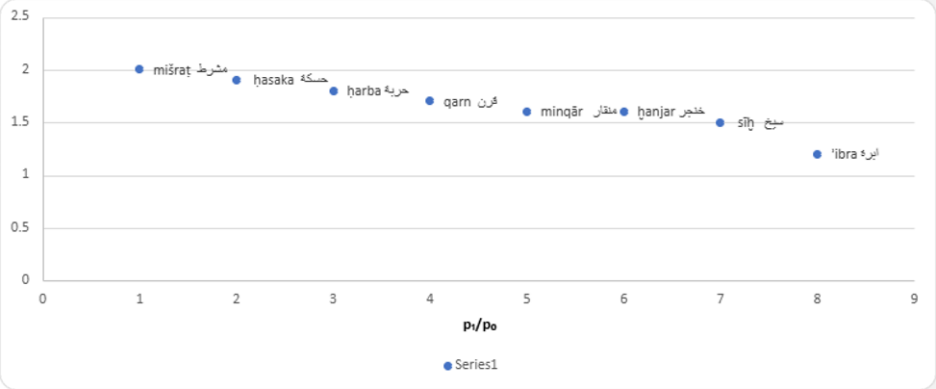

Рис. 4. Показатели превышения апостериорной вероятности выбора респондентов для понятий острого

Подводя итог анализу результатов проведенного эксперимента, представляется возможным утверждать, что эффект *maluma – takete* находит подтверждение на материале естественного, в данном случае арабского языка, поскольку для округлых предметом в целом апостериорная (фактическая) вероятность в 1,9 раза превосходит априорную, характеризующую равновероятное распределение, при котором все возможные исходы имеют одинаковую вероятность возникновения, а для острых этот показатель составляет 1,7 раза. Обозначения округлого характеризуются наличием фонотипа лабиальных (в широком его понимании), что подтверждает наличие у носителей русского языка устойчивой ассоциативной связи звукоизобразительного характера между вышеупомянутыми звуками и понятием округлого, вздутого.

Важно отметить, что анализ результатов показал, что данный ассоциативный эффект инвариантен по отношению к возрасту, уровню образования и гендерной принадлежности респондента-носителя русского языка.

В дальнейшем для утверждения, что данное явление представляется собой лингвистическую универсалию звукоизобразительного плана, которой также присущи и национальные черты, необходимо проведение типологических сопоставлений обозначений округлого и острого по различным (в том числе неродственным) языкам.

Литература

Воронин С. В. Основы фоносемантики. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. 219 с.

Газов-Гинзберг А. М. Был ли язык изобразителен в своих истоках? М.: Наука, 1965. 183 с.

Носенко И. А. Начала статистики для лингвистов. М.: Высшая школа, 1981. 157 с.

Шамина Е.А. Экспериментальное исследование эвристической функции английских звукоизобразительных слов // Актуальные проблемы современной лингвистики: материалы 2 ежегодной научно-практической конференции. СПб: Изд-во СПбГЭУ «ЛЭТИ», 2013. С. 61-62.

Besedina, E. I. Sound Symbolism in Designations of Roundness // Anglistics of the XXI century, vol. 2. St. Petersburg: St. Peterburg State University, 2016. P. 20–24.

Bozzi P., & Flores d'Arcais G. B. Ricerca sperimentale sui rapporti intermodali fra qualità espressive // Archivio di psicologia, neurologia e psichiatria, 1967. 28, 377–420.

Ćwiek A, Fuchs S, Draxler C, Asu EL, Dediu D, Hiovain K, et al. The bouba/kiki effect is robust across cultures and writing systems // Philosophical Transactions Biological Sciences. 2022; 377.

Fox C. W. An experimental study of naming // American Journal of Psychology. Vol. 47, no. 4. 1935. P. 545–579.

Köhler, W. Gestalt Psychology. New York: Liveright, 1929. 403 p.

References

Besedina E. I. Sound Symbolism in Designations of Roundness // Anglistics of the XXI century, vol. 2. St. Petersburg: St. Peterburg State University, 2016. P. 20–24.

Bozzi P. & Flores d'Arcais G. B. Ricerca sperimentale sui rapporti intermodali fra qualità espressive // Archivio di psicologia, neurologia e psichiatria, 1967. 28, 377–420.

Ćwiek A, Fuchs S, Draxler C, Asu EL, Dediu D, Hiovain K, et al. The bouba/kiki effect is robust across cultures and writing systems. // Philosophical Transactions Biological Sciences. 2022; 377.

Fox C. W. An experimental study of naming // American Journal of Psychology. Vol. 47, no. 4. 1935. P. 545–579.

Gazov-Ginzberg A. M. Byl li yazyk izobrazitelen v svoikh istokakh? (Was Language Iconic in Its Origin? – in Russian). M.: Nauka, 1965. 183 s.

Köhler, W. Gestalt Psychology. New York: Liveright, 1929. 403 p.

Nosenko I. A. Nachala statistiki dlya lingvistov (Basics of Statistics for Linguists). M.: Vysshaya shkola, 1981. 157 s.

Voronin S. V. Osnovy fonosemantiki (Fundamentals of Phonosemantics). L.: Izd-vo LGU, 1982. 219 s.

Shamina E. A. Eksperimental'noye issledovaniye evristicheskoy funktsii angliyskikh zvukoizobrazitel'nykh slov (Experimental study of the heuristic function of English iconic words // Aktual'nyye problemy sovremennoy lingvistiki: Materialy 2 yezhegodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. SPb: Izd-vo SPbGEU «LETI», 2013. S. 61–62.

Магистр К.А. Шабанова,
канд. филол. наук И.В. Кузьмич (С.-Петербург)
kristik11.02@mail.ru; irinakuzmich@inbox.ru

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА: ЭКСПРЕССИЯ И ОЦЕНКА

Аннотация. В статье анализируется использование языковых оценочных средств в историко-публицистическом произведении. Проведенный анализ подтверждает присутствие значительной субъективной составляющей в тексте, которая часто строится на приёме контраста, где в рамках одного предложения используются пейоративные и мелиоративные оценки противопоставляемых понятий. Отмечается значительная роль использования фоносемантических средств в создании эмоционально-экспрессивного фона повествования.

Ключевые слова: историческая публицистика, оценка, экспрессия, коннотация, субъективность, звукоизобразительность

Master K.A. Shabanova,
Candidate of Philology I.V. Kuzmich (St. Petersburg)
kristik11.02@mail.ru; irinakuzmich@inbox.ru

HISTORICAL JOURNALISM: EXPRESSIVE JUDGEMENT

Abstract. The article deals with linguistic judgement means in historical journalism. The analysis confirms the presence of a significant subjective component in the text, which is often based on contrast, where within a single sentence both pejorative and meliorative assessments of contrasted concepts are used. The significant role of phonosemantic means in creating an emotionally expressive background of the narrative is noted.

Keywords: historical journalism, judgement, expressiveness connotation, subjectivity, sound expressiveness

Историческая публицистика – это жанр научно-популярной литературы, который сочетает в себе черты истории и публицистики. В работах такого жанра автор не ограничивается сухим перечислением дат, фамилий и фактов, как принято в научных исторических текстах.

Исследователи отмечают, что «отличительным признаком этого жанра является занимательность, ... которая определяется творческим мировосприятием автора, его способностью образного видения и осмысления действительности. Умело применённые образные средства создают эмоциональность изложения, помогают выразить авторские оценки» [Антонова, 2002, с. 83–84]. Автор историко-публицистического произведения высказывает свое субъективное мнение о прошедших событиях.

Наличие субъективного взгляда автора выражается в оценке, в эмоции и экспрессии. Оценка в исторической публицистике играет значимую роль, автор не может абстрагироваться от среды, окружающей его, и выражает своё личное мнение. Оценочный подход позволяет выявить значимость событий прошлого, учитывая конкретную историческую обстановку, поскольку рассматривать событие или историческую личность абстрактно, вне временных позиций, невозможно. Категория оценки и тесно с ней связанная категория эмоциональности могут быть представлены во всех языках на разных уровнях: фонетическом, лексическом, фразеологическом, словообразовательном, морфологическом, синтаксическом, стилистическом. Начиная с 50-х годов прошлого столетия, оценка оказалась в фокусе внимания ученых лингвистов, которые стали изучать ее как феномен, без которого не может обойтись ни один из известных мировых языков [Маслова, 2001]. Универсальной чертой всех языков является наличие средств для выражения положительной и отрицательной оценки. Отмечается также тот факт, что оценка как объект лингвистического исследования до недавнего времени рассматривалась учёными преимущественно на материале художественных текстов. Однако оценка, являясь универсальной категорией, присутствует в текстах разных жанров, в том числе в текстах исторической публицистике.

Понятие *оценки* получает неоднозначную трактовку в зависимости от научной парадигмы. Известный советский и российский философ А.А. Ивин описывает языковую оценку как «акт человечного сознания, заключающийся в сравнении предметов, сопоставлении их свойств, определении роли жизнедеятельности субъекта, и его результаты, закрепленные в сознании и языке в виде позитивного, негативного или нейтрального отношения» [Ивин, 1970]. Словарь лингвистических терминов под редакцией выдающегося советского лингвиста О.С. Ахмановой даёт понятию *оценки* следующее определение «суждение говорящего, его отношение-одобрение или неодобрение, желание,

поощрение и т.п. – как одна из основных частей стилистической коннотации» [Ахманов, 1969]. По мнению Н.Н. Болдырева, «оценка характеризуется неязыковой направленностью, объединяя различные объекты окружающего мира по характеру их оценки» [Болдырев, 2006].

В данной работе оценка рассматривается как отношение говорящего или слушающего к ситуации, видам деятельности или результатам его работы в имплицитной или эксплицитной форме. Выявление и анализ средств выражения оценки проводились на материале историко-публицистического повествования Джонатана Майлза «Санкт-Петербург: три века жестоких желаний» (Jonathan Miles “St Petersburg: Three Centuries of Murderous Desire”) [Miles, 2017]. Средства выражения оценки были рассмотрены и проанализированы на всех уровнях языка.

Особый интерес представляет исследование использования фоносемантических средств в англоязычной исторической публицистике, где задача описания чёткой и достоверной картины прошлого сочетается с необходимостью передачи субъективного авторского восприятия описываемых событий. Как отмечает С.С. Шляхова, в передаче негативных и позитивных эмоций большую роль играет звукоизобразительная (далее ЗИ) лексика [Шляхова, 2022, с. 9].

В практической части исследования был использован метод сплошной выборки ЗИ-лексики из текста Дж. Майлза на основе «Сводного списка звукоизобразительных слов» И.В. Кузьмич [Кузьмич, 1993]. Всего было выявлено 545 ЗИ-единиц, общее количество использования (учитывая повторы одной и той же единицы) ЗИ-средств составило 2581 примеров. С целью классификации примеров в рамках исследования вся ЗИ-лексика была представлена в виде нескольких лексико-семантических групп (далее – ЛСГ), например, ЛСГ со значением «удар». Среди ЗИ-единиц этой группы наиболее частотными являются слова, обозначающие «удар/взрыв» (92 единицы) – *bomb, blow, beat, bang, crack, rattle, blast, bash, batter, knock.* Многократное повторение одной ЗИ-единицы в относительно небольшом отрывке можно считать ЗИ-сатурацией, которая усиливает фонетическое значение лабиальных фонем, обозначающих что-то большое, круглое, сильное, а в случае удара – действие большой силы. В сцене покушения народовольцев на Александра II слово *bomb* повторяется 9 раз. Фонетически мотивированные слова обладают повышенной экспрессивностью и усиливают эмоциональный фон повествования [Беседина, Кузьмич, 2018]. Символика звука в данном случае может считаться самостоятельным инструментом создания

заданной характеристики образа – мощного социального взрыва, разрушения и последующего хаоса.

Еще одна ЛСГ – это единицы, которые можно объединить значением «разрушение» (60 единиц), описывающие процессы распада и упадка. Наиболее частотными являются слова с корневыми ЗИ-морфемами *break-brok- и crush-/ crumb-/crack-*. Сонант /r/ обозначает вибрирующие и дрожащие движения и раскатистый шум, сопровождающий разрушение.

Значительное место также занимает ЛСГ со значением природных состояний – грязи, слякоти и сырости (40 единиц). Здесь доминируют такие ЗИ-единицы как *mud, muck, bog, damp, slush/slosh*. Наиболее интересным примером в процессе исследования в этой группе стал пример с комплексным использованием фоносемантических средств: "*Muck was swept up by the swell and deposited as the surge receded, leaving a grey, mud-coated metropolis".* Пример иллюстрирует использование ЗИ-слов *muck, mud, swept* и аллитерации анлаута /sw-/, который обозначает «разбухание», «слякоть» и неустойчивое, неуверенное движение. Перед читателем возникает образ чего-то грязного, слабого, неустойчивого – противоположного величественному ореолу имперского Петербурга. Эта игра контрастов является излюбленным приемом Дж. Майлза на протяжении всего повествования, а основным инструментом достижения поставленной цели он выбрал звуковое оформление текста, как собственно ЗИ-единицы, так и аллитерация (70 примеров): *This is an epic tale of* ***murder, massacre*** *and* ***madness*** *played out against* ***squalor*** *and* ***splendour.*** В этом примере – двойная аллитерация, экспрессивность которой усиливается антитезой – убожество и грязь первой аллитерационной группы противопоставляется роскоши и великолепию второй группы.

На лексическом уровне оценка выражается с помощью всех знаменательных частей речи (1452 единицы). Положительная и отрицательная коннотация были верифицированы с помощью словарей Longman Guide to English usage [Гринбаум], Roget's thesaurus of English words and phrases") [Roget], Longman language activator") [Longman]. Помимо общего количественного подсчёта используемых единиц, все найденные примеры были распределены по группам, обозначающим либо негативную, либо позитивную оценку. Этот анализ позволил сделать выводы об общем эмоциональном фоне произведения, о субъективном взгляде автора на историю города. Самыми частотными на этом уровне являются глаголы, 715 единиц. Из общего количества оценочных глаголов 455 единиц составляют глаголы с негативной оценкой, они используются

автором для описания бездушия и жестокости правителей, а также мрачности событий, происходящих в Санкт-Петербурге. Глаголы с положительной оценкой красоты архитектуры города используются в значительно меньшей степени, 260 единиц. 333 примера составляют существительные, 63% от которых также относятся к отрицательной оценочной лексике.

Одним из наиболее продуктивных средств эксплицитной оценки в анализируемом тексте является использование сравнительной и превосходной степени имён прилагательных. Сравнительная и превосходная степени эксплицитно выражают оценку автора в тексте произведения. Примеров использования данных степеней сравнения для выражения оценки в произведении насчитывается 4027. Дж. Майлз активно использует данные формы не столько для передачи объективных количественных или качественных различий, сколько для создания эмоционально насыщенной и контрастной характеристики Санкт-Петербурга, его основателей и истории города.

Анализ показал, что автор 158 раз использовал оценочные наречия, при этом самой частотной в исследуемом материале оказалась группа наречий, выражающих неуверенность. Далее по убыванию количества единиц идут группы обозначения уверенности, абсурдности, трагичности. Наречия, обозначающие счастье, составляют всего 3% от общего количества.

Важной чертой идиостиля автора стал приём контраста, где в рамках одного предложения или группы предложений он намеренно сталкивает пейоративные и мелиоративные оценки, создавая эффект усиления, привлекая внимание читателя к описываемой проблеме или ситуации. Предложения, построенные на эффекте контраста, встречаются в произведении около 400 раз: говоря об основателе города, императоре Петре I, Дж. Майлз пишет*: "Established in 1703 by the sheer will of its* ***charismatic*** *founder, the* ***homicidal megalomaniac*** *Peter the Great, its dazzling yet* ***unhinged*** *reputation was quickly fashioned by the* ***sadistic*** *dominion of its early rulers."* и далее продолжает, описывая сам город и его историю: "Yet, for all its ***glittering*** palaces, ***fairytale*** balls and ***enchanting*** gardens, the ***blood of thousands has been spilt*** on its snow-filled streets".

В ходе исследования на всех уровнях языка историко-публицистического произведения Дж. Майлза «Санкт-Петербург: три века жестоких желаний» было отмечено преобладание негативной оценочной лексики. При описании собственно истории возникновения и развития города, личностей его правителей автор использует единицы, рисующие

мрачный и тревожный образ, жестокость и безысходность. При этом автор не может не отметить величие и красоту архитектуры Санкт-Петербурга, блеск и роскошь дворцовой жизни. В этом случае он использует элементы торжественно-возвышенного стиля.

Проанализированное произведение, в своё время названное лучшим художественно-историческим произведением года по версии известной британской газеты «Таймс», является, несомненно, достойным образцом англоязычной исторической публицистики и ярким примером двойственной природы этого жанра, в котором сочетаются точные факты и экспрессивные художественные средства. Качественный и количественный анализ языковых средств, выполненный в рамках нашего исследования, помогает понять соотношение объективных и субъективных составляющих в произведениях исторической публицистики.

Литература

Антонова С.Г. и др. Редакторская подготовка изданий: учебник. М.: МГУП, 2002. 468 с.

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд., стер. М.: Сов. энциклопедия, 1969. 607 с.

Беседина Е.И., Кузьмич И.В. Тайна звука: фоностилистика детектива // Материалы Седьмой межвузовской научно-практической конференции с международным участием «Актуальные проблемы языкознания», г. Санкт-Петербург, 17–18 апреля 2018 года. С. 309–313.

Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов: Российская ассоциация лингвистов-когнитологов, 2006. № 2 (8). С. 5–22.

Гринбаум С. Longman Guide to English Usage. М.: Русский язык. 1990. 786 с.

Ивин А.А. Основания логики оценок. М.: Изд-во МГУ, 1970. 229 с.

Кузьмич И.В. Звукоизобразительная лексика американского слэнга: фоносемантический анализ: Дис. … канд. филол. наук: 10.02.04. СПб., 1993. 348 с.

Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2001. 208с.

Шляхова С.С. Проблемы лингвистического иконизма: фоносемантика на стыке XX–XXI вв.: учебное пособие. Пермь: Изд-во ПНИПУ, 2022. 109 с.

Longman language activator. 9th impr. Harlow: Longman, 1999. Pp. xxxiv+ pp. 1587.

Miles J. St Petersburg: Three Centuries of Murderous Desire. London: Hutchinson, 2017. 592 pp.

Roget P.M. Roget's thesaurus of English words and phrases. New ed. / Prep. by Betty Kirkpatrick. Harlow: Longman, 1987. Pp. xlix+1254.

References

Antonova S. G. Redaktorskaya podgotovka izdaniy. Moscow: MGUP, 2002. 486 p.

Akhmanova O. S. Slovar lingvisticheskikh terminov. 2nd ed. M.: Soviet Encyclopedia, 1969. 607 p.

Besedina E.I., Kuzmich I.V. Taina zvuka: phostilistika detektiva // Materialy Sed'moy mezhvuzoskoy konferentsiy s mezhdunarodnim uchasiyem "Aktualniye problem yazikoznaniya. Saint Petersburg, April 17–19, 2018, 432 p. Pp. 309–313.

Boldirev N.N. Yazikoviye kategoriyi kak format znaniya // Voprosy kogniivnoy ligvistiky. Tambov: Rossiyiskaya assotsiatsiya lingvistov-kognitologov, 2006, № 2(8). Pp. 5–22.

Greenbaum S. Longman Guide to English Usage. Moscow: Russkiy Yazik. 1990. 786 p.

Ivin A.A. Osnovaniya logiki otsenok. Moscow: Publishing House of Moscow State University, 1970. 229 p.

Kuzmich I. V. Zvukoizobrazitelnaya leksika amerikanskogo slenga: phonosemanticheskiy analiz. Diss… kand. philol. nauk: 10.02.04. St. Petersburg, 1993. 348 p.

Maslova V. A, Lingvokulturologia: Uchebnoye posobiye dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedeniy. Moscow: Akademiya, 2001. 208 p.

Shlyakhova S. S. Problemy linguisticheskogo ikonizma: phonosemantika na stike XX–XXI veka: Uchabnoye posobiye. Perm': Izd-vo PNIPU, 2022. 109 p.

Longman language activator. 9th impr. Harlow: Longman, 1999. xxxiv+ 1587 p.

Miles J. St Petersburg: Three Centuries of Murderous Desire. London: Hutchinson, 2017. 592 p.

Roget, P., M. Roget's thesaurus of English words and phrases. New ed. / Prep. by Betty Kirkpatrick. Harlow: Longman, 1987. xlix+1254 p.

ИССЛЕДОВАНИЕ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ ПОЭТА И ПИСАТЕЛЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ

Канд. филол. наук П.Е. Ахраменко (Мозырь, Беларусь)
Piter2105@yandex.ru

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ КАК СПОСОБ ПЕРЕДАЧИ СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА А.П.ЧЕХОВА «КНЯГИНЯ»)

Аннотация. В статье рассматриваются функции безличных синтаксических единиц в художественном произведении. Анализируются особенности построения композиции и описание состояния героя произведения.

Ключевые слова: безличность, бессубъектность, безличные конструкции.

Candidate of Philology P.E. Akhramenko (Mozyr, Belarus)
Piter2105@yandex.ru

SYNTACTIC UNITS AS A WAY OF CONVEYING HUMAN STATE (based on A.P. Chekhov's story «The Princess»)

Abstract: This article examines the functions of impersonal syntactic units in fiction. It analyzes the compositional features and the description of the protagonist's state of mind.

Keywords: impersonality, lack of subjectivity, impersonal constructions

Особенности психического состояния человека чаще всего выражается формами лексем, характеристикой эмоционального состояния героя и другими средствами. Состояние может быть обозначено и синтаксическими средствами. Безличные синтаксические единицы с точки зрения функционирования в ткани произведений могут отражать внутренний мир человека.

Посредством языка можно постигнуть как особенности национальной культуры, так и проникнуть в образ мышления конкретного человека, увидеть окружающее его глазами.

Культурный опыт, закреплен в языке в виде понятий, концептов, они помогают выявить систему ценностей, установок и традиций, присущих носителям языка. Е.С. Кубрякова отмечает, что под концептом понимается не только «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике», но и единица универсального «синтаксиса человеческих мыслей» [Кубрякова, 1996]. А это значит, единицами, отражающими отношение к миру, могут выступать не только лексические, но и синтаксические единицы.

А. Вежбицкая отмечает, что ключевыми лингвистическими концептами русского языка являются эмоциональность, иррациональность, неагентивность, любовь к морали [Вежбицкая, 1997, с. 33]. Эти значения в синтаксическом строе русского языка передаются посредством безличных конструкций, которые в силу своей «безличной природы» и в соответствии со своей семантикой актуализируют неконтролируемость эмоций, действий, состояний, позволяют показывать характер героя, раскрывать особенности личности, манеру поведения. Через безличные конструкции можно увидеть такие особенности поведения человека, как аутизм, инфальтильность и даже мазохизм. С.Л. Рубинштейн отмечал, что «речь выполняет свою функцию сообщения на основе ее смысловой, семантической, обобщающей функции» [Рубинштейн, 2001, с. 231]. Эти обобщения находят свое выражение в тексте, который «определяется как языковая ткань произведения – результат творческого процесса, его порождение» [Львов, 2002, с. 8].

Особенности употребления безличных синтаксических единиц можно проследить на примере рассказа А.П. Чехова «Княгиня».

Рассказ начинается с обращения внимания читателя на то, что главная героиня, Вера Гавриловна, очень любила бывать в N-ском монастыре. Здесь ее все «трогало, умиляло и располагало к созерцанию и хорошим мыслям». Это место располагало для того, чтобы ей все начинало казаться призрачным, невесомым, добродетельным, но именно казаться. Следует отметить, что безличные конструкции со сказуемым в форме «казаться» А.П.Чехов использует на протяжении всего рассказа. Причем, соседство данной синтаксической единицы с двусоставными предложениями позволяет представить как нечто кажущееся, иллюзорное и посредством самих двусоставных построений: *Достаточно ей было побывать в покоях полчаса, как ей начинало казаться, что она робка и скромна, что и от нее пахнет кипарисом; прошлое уходило куда-то вдаль, теряло свою цену, и*

княгиня начинала думать, что, несмотря на свои двадцать девять лет, она очень похожа на старого архимандрита и так же как он, рождена не для богатства, не для земного величия и любви, а для жизни тихой, скрытой от мира, сумеречной, как покои... [Чехов, 1970, с. 265].

Безличность, отраженная в рассказе, является основой для построения рассказа в форме кольцевой композиции: сначала сладкое, кажущееся, иллюзорное восприятие действительности – затем жестокий мир реальности, переданный в словах доктора – и в конце опять возвращение к своему счастливому состоянию.

Первая часть – сладкое иллюзорное восприятие действительности – обозначается безличными предложениями со сказуемым «казалось», что позволяет выдавать главной героине желаемое за действительное: *Княгине казалось, что она приносила с собой извне точно такое же утешение, как луч или птичка. Ее приветливая, веселая улыбка, кроткий взгляд, голос, шутки, вообще вся она, маленькая, хорошо сложенная, одетая в простое черное платье, своим появлением должна была возбуждать в простых суровых людях чувство умиления и радости.* [Чехов, 1970, с. 265]. Причем, форма «казалось» употребляется не только в безличных, но и в формально двусоставных предложениях: *От монастырского цветника повеяло на княгиню душистой влагой только что политой резеды, из церкви донеслось тихое пение мужских голосов, которое издали казалось очень приятным и грустным.* [Там же, с. 266].

Мечтательность желания героини приводит ее к меланхолическому состоянию, которое описывается безличными предложениями со значением желательности. Это обозначается в форме безличных предложений как с составным глагольным сказуемым, так и в форме безличных предложений с составным именным сказуемым: *В темных окнах, где кротко мерцали лампадные огоньки, в тенях, в фигуре старика монаха, сидевшего на паперти около образа с кружкой, было написано столько безмятежного покоя, что княгине почему-то захотелось плакать...* [Там же, с. 266].

Безличные с именным сказуемым в форме слова категории состояния обозначают мечтательную несбыточную желательность. В составе сказуемого употребляется слово категории состояния в сослагательной форме «хорошо бы». Следует отметить, что в небольшом десятистраничном рассказе целый большой абзац текста с размышлениями и мечтаниями героини построен таким образом. И только в последнем предложении абзаца не употребляется слово категории состояния «хорошо» – формально предложение становится

инфинитивным, но это только формально. На самом деле слово категории состояния «хорошо» имплицитно наличествует у нас в подсознании: *Она думала о том, что хорошо бы поселиться на всю жизнь в этом монастыре, где жизнь тиха и безмятежна, как летний вечер; хорошо бы позабыть совсем о неблагодарном, распутном князе, о своем громадном состоянии, о кредиторах, которые беспокоят ее каждый день, о своих несчастьях, о горничной Даше, у которой сегодня утром было дерзкое выражение лица. Хорошо бы всю жизнь сидеть здесь на скамье и сквозь стволы берез смотреть, как внизу под горой клочьями бродит вечерний туман, как далеко-далеко над лесом черным облаком, похожим на вуаль, летят на ночлег грачи, как два послушника – один верхом на пегой лошади, другой пешком – гонят лошадей на ночное и, обрадовавшись свободе, шалят, как малые дети; их молодые голоса звонко раздаются в неподвижном воздухе, и можно разобрать каждое слово. Хорошо сидеть и прислушиваться к тишине: то ветер подует и тронет верхушки берез, то лягушка зашелестит в прошлогодней траве, то за стеною колокольные часы пробьют четверть... Сидеть бы неподвижно, слушать и думать, думать, думать...* [Там же, с. 266].

Первая композиционная часть могла бы и завершиться безличным предложением со значением желательности, причем, в конце предложения стоит многоточие, следовательно, мечтания могли бы и продолжаться. Но им нет предела, и поэтому, чтобы поставить точку над нескончаемыми и несбыточными мечтаниями, последнее предложение первой композиционной части начинается с противительного союза «но» в двусоставном предложении: *Мимо прошла старуха с котомкой. Княгиня подумала, что хорошо бы остановить эту старуху и сказать ей что-нибудь ласковое, задушевное, помочь ей... Но старуха ни разу не оглянулась и повернула за угол.* [Там же, с. 266]

Вторая часть кардинально отличается по лексической наполняемости безличных предложений от первой части. В ней наличествуют такие лексемы, как страшно, стыдно, обидно и подобные. Она начинается встречей княгини с доктором Михаилом Ивановичем, имя которого упоминается лишь один раз, а в других случаях он именуется просто доктор.

Такой прием используется для того, чтобы Михаил Иванович, прежде всего, выглядел не просто доктором человеческого тела, а доктором человеческих душ. У княгини прекрасное мечтательное настроение, но на ее «приветливую и кроткую улыбку» доктор «отвечает холодно и сухо», как и подобает настоящему беспристрастному доктору человеческих душ.

И вот здесь впервые состояние души княгини меняется от мечтательности к непониманию и даже страху, что также выражается формой безличных единиц, отражающих ее состояние. Ей *«страшно оглянуться назад: сколько перемен, несчастий разных, сколько ошибок!»* [Там же, с. 267]. Но ее мысли предельно направлены лишь на ее саму, она ни о чем другом и ни о ком другом не может и не хочет ни думать, ни слушать и поэтому немного смутилась лишь потому, что сама *«она знала свои ошибки; все они были до такой степени интимны, что только одна она могла думать и говорить о них»*. [Там же, с. 268]

В речи доктора, обличающей в неправедном поведении и несправедливости княгиню, преобладают двусоставные предложения. Но состояния своей души он передает с помощью безличных. Он корит ее за «нелюбовь и отвращение к людям», за то что «*молодых медиков, агрономов, учителей, вообще интеллигентных работников, боже мой, отрывают от дела, от честного труда и заставляют из-за куска хлеба участвовать в разных кукольных комедиях, от которых стыдно делается всякому порядочному человеку!»* [Там же, с. 269]

Безличные предложения со значением слухового восприятия и со сказуемым, в котором глагольная связка употребляется постоянно с частицей «не», функционируют в качестве придаточной части цели: *У всех дверей на лестницах стоят сытые грубые и ленивые гайдуки в ливреях, чтоб не пускать в дом неприлично одетых людей; в передней стоят стулья с высокими спинками, чтоб во время балов и приемов лакеи не пачкали затылками обоев на стенах; во всех комнатах шершавые ковры, чтоб не было слышно человеческих шагов; каждого входящего обязательно предупреждают, чтобы он говорил потише и поменьше и чтоб не говорил того, что может дурно повлиять на воображение и нервы.* [Там же, с. 268]

Отрицанием, в том числе с использованием безличных предложений со значением отрицания со сказуемым «нет» в нулевой форме, но которое восстанавливается из контекста, пронизана вся гневная речь доктора: *То есть я хочу сказать, что вы глядите на всех людей по-наполеоновски, как на мясо для пушек. Но у Наполеона была хоть какая-нибудь идея, а у вас, кроме отвращения, ничего!* [Там же, с. 269]. Употребляются в его речи и безличные со значением необходимости, но необходимость-то, поскольку речь обличительная, оказывается либо ничтожной, либо ненужной для выполнения: *Этак раза два в неделю, вечером, скачут тридцать пять тысяч курьеров и объявляют, что завтра княгиня, то есть вы, будет в*

приюте. Это значит, что завтра нужно бросать больных, одеваться и ехать на парад. [Там же, с. 270].

Княгиня еще ничего не хочет понимать, ей по-прежнему лишь все представляется, кажется: *Никогда раньше с нею не говорили таким тоном. Неприятный сердитый голос доктора и его неуклюжая, заикающаяся речь производили в ее ушах и голове резкий, стукающий шум, потом же ей стало казаться, что жестикулирующий доктор бьет ее своею шляпой по голове.* [Там же, с. 269]

В авторских словах используются безличные со значением восприятия возможности и отрицания наличия чего-либо: *Доктор захохотал басом и махнул рукой... Смеялся он тяжело, резко, с крепко стиснутыми зубами, как смеются недобрые люди, и по его голосу, лицу и блестящим, немножко наглым глазам можно было понять, что он глубоко презирал и княгиню, и приют, и старух. Во всем, что он так неумело и грубо рассказал, не было ничего смешного и веселого, но хохотал он с удовольствием и даже с радостью.* [Там же, с. 271]

И даже теперь княгине лишь все еще представляется, что доктор бьет ее шляпой по голове, и «все еще ей казалось», хотя она уже и предельно растеряна: *У княгини страшно билось сердце, в ушах у нее стучало, и все еще ей казалось, что доктор долбит ее своей шляпой по голове. Доктор говорил быстро, горячо и некрасиво, с заиканьем и с излишней жестикуляцией; для нее было только понятно, что с нею говорит грубый, невоспитанный, злой, неблагодарный человек, но чего он хочет от нее и о чем говорит – она не понимала.* [Там же, с. 272]

После этого у главной героини наступает период душевной инфантильности, переходящей в мазохизм: *Она чувствовала себя обиженной и плакала, и ей казалось, что и деревья, и звезды, и летучие мыши жалеют ее; и часы пробили только для того, чтобы посочувствовать ей. Она плакала и думала о том, что хорошо бы ей на всю жизнь уйти в монастырь: в тихие летние вечера она гуляла бы одиноко по аллеям, обиженная, оскорбленная, не понятая людьми, и только один бог да звездное небо видели слезы страдалицы. В церкви еще продолжалась всенощная. Княгиня остановилась и прислушалась к пению; как хорошо это пение звучало в неподвижном, темном воздухе! Как сладко под это пение плакать и страдать!* [Там же, с. 274]

Перед сном она опять занимается самобичеванием. Она представляет, как она будет разорена и ее все покинут, начнут говорить грубости, будут злословить, смеяться, а она «*уйдет в монастырь, и никому ни одного слова упрека; она будет молиться за врагов своих, и тогда все поймут ее,*

придут к ней просить прощения, но уж будет поздно...» [Там же, с. 274]. С этими мыслями княгиня заснула.

Третья композиционная часть пронизана опять светлыми тонами, что передается соответствующей лексической наполняемостью безличных предложений.

Когда она проснулась, было уже половина десятого, «яркая полоса света от луча шла из окна». *«Рано!» – подумала княгиня и закрыла глаза.* [Там же, с. 274]. Этим «рано», как нам видится, сказано через восприятие героини и то, что не нужно никуда спешить, и то, что все нормально, и то, что она может себе позволить еще поспать. Окончательно проснувшись «*она улыбнулась и подумала, что если бы эти люди сумели проникнуть в ее душу и понять ее, то все они были бы у ее ног...»* [Там же, с. 274]. Это, в принципе, так и получилось, когда ее позднее провожали: *Ее приятно удивило, что вместе с монахами у крыльца находился и доктор* [Там же, с. 275], которому княгиня улыбнулась и протянула к его губам руку.

И опять у княгини прекрасное настроение, ей всё в радость, она порхает: *На душе у нее было весело, ясно и тепло, и сама она чувствовала, что ее улыбка необыкновенно ласкова и мягка. Она думала о том, что нет выше наслаждения, как всюду носить с собою теплоту, свет радость прощать обиды и приветливо улыбаться врагам.* [Там же, с. 275].

Наступает обычное для нее, невесомое, счастливое состояние, когда ей опять лишь все кажется: *Встречные мужики кланялись ей, коляска мягко шуршала, из-под колес валили облака пыли, уносимые ветром на золотистую рожь, и княгине казалось, что ее тело качается не на подушках коляски, а на облаках, и что сама она похожа на легкое, прозрачное облачко... Как я счастлива! – шептала она!* [Там же, с. 275].

Посредством употребления безличных единиц в ткани произведений передается непроизвольность, бессубъектность происходящего.

Литература

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Рус. слов., 1996. 412 с.

Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. 245 с.

Львов М.Р. Основы теории речи. М.: Академия, 2002. 247 с.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1946. [Цит. по Р.М. Фрумкина Психолингвистика. М.: Академия, 2001. 320 с.]

Чехов А. П. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Художественная литература, 1970. Т. 4: Рассказы, повести, статьи и фельетоны, 1887–1891. 607 с.

References

Vezhbitskaya A. Language. Culture. Cognition. M.: Rus. Slov., 1996. 412 p.

Kubryakova E.S. Brief dictionary of cognitive terms. M.: Philological faculty of Moscow State University named after M.V. Lomonosov, 1996. 245 p.

Lvov M.R. Fundamentals of speech theory. M.: Academy, 2002. 247 p.

Rubinstein S.L. Fundamentals of General Psychology. Moscow, 1946. [Quoted from R.M. Frumkina Psycholinguistics. Moscow: Academy, 2001. 320 p.]

Chekhov A. P. Collected Works: in 8 volumes. Moscow: Fiction, 1970. V. 4: Stories, novellas, articles and feuilletons, 1887–1891. 607 p.

Докт. филол. наук, канд. психол. наук В.П. Белянин
(Независимый исследователь)
psyling@gmail.com

СВЯЗНОСТЬ И ЦЕЛОСТНОСТЬ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ: ОТ ЯЗЫКА К ПСИХОЛОГИИ И ОБРАТНО

Аннотация. В статье рассматриваются аспекты связности и цельности художественного текста. Описывается представление о том, что художественный текст является речевой реализацией авторского видения мира, которое передаётся читателю путём создания иллюзии целостного описания картиры мира автора.

Ключевые слова: мышление, язык, эмоции, чувства, автор, писатель, художественный текст, картина мира

Doctor of Philology, PhD. psychological researcher V.P. Belyanin
(Independent researcher)

COHERENCE AND INTEGRITY IN A LITERARY TEXT: FROM LANGUAGE TO PSYCHOLOGY AND BACK AGAIN

Abstract. The article examines the coherence and integrity of a literary text. It presents the view that a literary text is the verbal realization of the author's

vision of the world, which is conveyed to the reader through the creation of the illusion of a holistic representation of the author's worldview.

Keywords: thinking, language, emotions, sensations, author, writer, literary text, picture of the world.

Восприятие речи и текста

Восприятие речи описано достаточно подробно. Оно представляет собой многоуровневый процесс переработки языковой информации. Восприятие начинается с анализа акустического сигнала и выделения фонетических признаков. Далее происходит распознавание слов через доступ к ментальному лексикону, где хранятся их формы и значения. На следующем этапе осуществляется синтаксический анализ, позволяющий установить связи между словами в высказывании. Затем интерпретируется смысл предложения с учётом контекста, ситуации общения и знаний говорящего. При этом задействованы все процессы восприятия, памяти и языковых знаний, обеспечивающих понимание речи в реальном времени.

Восприятию текста посвящены исследования в области стилистики, лингвистики текста и психолингвистики. В последнее время для анализа текстов и массивов текстов всё чаще используются количественные методы анализа. Но в подходе к анализу письменного текста есть еще много нерешённых проблем, часть из которых мы хотим рассмотреть в данной статье. Для этого мы выбрали ряд проблем – связность, целостность, проблему автора как создателя целостности текста и проблему тональности текста, как одну из основ его восприятия и оценки. Коротко опишем наши представления об этих проблемах.

Связность и цельность текста

Лингвисты традиционно рассматривали внешне выраженные аспекты текста, в частности, его лингвистические элементы и структуры, подходя к ним с позиции законов языка, когда элементы предложений формально (эксплицитно] связываются путём повторов, местоимений, синонимов, антонимов или противопоставлений.

Но уже на этапе связности двух предложений возникает проблема, которая выходит за рамки языка – в область мышления. К примеру, фразы *В комнату вошёл человек. Вошедший был бледен* обладают высокой связностью, обеспеченной даже в отсутствие формальной связности грамматической конгруэтностью (*вошёл – вошедший*]. Однако, фразы *Он был голодный и злой. Наелся и сразу успокоился* потребует понимания связи эмоции настроения и физиологии голода, которое не содержится

в предложениях, и никак не оформлено грамматически. Тем самым, связность не зависит исключительно от явных маркеров, что не делает, их, однако, не важными [Sanders, Sanders, 2006, p. 1076].

Процесс восприятия текста связан с более глубокой интерпретацией речевого стимула, основанного на активном взаимодействии читателя с содержанием, контекстом и собственным опытом. Особенностью связности элементов текста является то, что связывание элементов зависит не только от языковых факторов, но и от когнитивных, культурных, ситуативных и личностных особенностей реципиента. Это затрудняет экспериментальное изучение восприятия текста и построение универсальных моделей восприятия текста.

Обычно художественное произведение определяют как текст, который использует языковые средства в их эстетической функции в целях передачи эмоционального и социально значимого содержания. Считается, что художественный текст представляет собой не только отражение действительности, но и выражение средствами естественного языка человеческого отношения к миру [Степанов, 1974]. Вот что писал М.М. Бахтин: «Мир художественного произведения есть мир организованный, упорядоченный и завершенный ... вокруг данного человека <автора. – *В.Б.*> как его ценностное окружение» [Бахтин, 1979, с. 162].

Получается, что и связность (и цельность как соотнесённость текста с реальностью), и связность (как объединённость элементов) в художественном тексте задаётся и языковыми правилами, и знаниями о реальности, и замыслом автора. Рассмотрим ряд примеров авторского замысла, который определяет связность элементов художественного текста.

Отображение запаха в тексте

В психологии обоняние рассматривается как особая сенсорная модальность, тесно связанная с эмоциональной сферой и процессами памяти. Запахи способны вызывать яркие образы и воспоминания, часто связанные с личным опытом и значимыми событиями. Они легче, чем зрительные или слуховые стимулы актуализируют эмоциональные состояния и нередко пробуждают ассоциации, недоступные другим каналам восприятия. При этом воспроизведение запаха в памяти ограничено: человек может испытывать затруднения в его описании или точной идентификации, однако при повторном восприятии запах быстро узнаётся.

Восприятие в целом как физиологический процесс концептуализируется в языке через элементы точного описания и представления деталей, образного языка и, что важно, высказывание оценок.

Приведём в качестве иллюстрации этого положения такой развёрнутый пример «*Вы пробираетесь сначала через узкий и угловатый двор, по глубокому снегу, или по жидкой грязи; высокие пирамиды дров грозят ежеминутно подавить вас своим падением, тяжёлый запах, едкий, отвратительный, отравляет ваше дыхание, собаки ворчат при вашем появлении, бледные лица, хранящие на себе ужасные следы нищеты или распутства, выглядывают сквозь узкие*» (М. Лермонтов. Княгиня Лиговская – 1836).

В содержательно-нарративном плане описание неприятного запаха иллюстрирует мысль автора о неблагополучии топоса. На уровне восприятия текста каждое слово может вызывать у читателя физиологическую реакцию, которая, накапливаясь, создаёт почти физическое ощущение присутствия в неприятном месте.

Но в художественном тексте может быть указание на запах и без оценки того, насколько он приятен или не приятен: "*цырюльник Иван Яковлевич проснулся довольно рано и услышал запах горячего хлеба*". (Н. Гоголь «Нос», 1833) или "*Носы почувствовали запах пирога и жареного гуся*" (А. Чехов. «На гвозде» – 1883). В этом случае авторы рассчитывают на то, что читатель так же как и он знаком с ольфакторным измерением мира и сам в состоянии понять, что запах горячего хлеба и запах пирога и жареного гуся являются приятными. Текст без прямого указания на биологическую значимость описываемого объекта словно формирует вполне определённую его ценность в языковом сознании читателя.

Тональность текста

Как пишет этнометодолог Гарольд Гарфинкель, «человек использует свои чувства относительно среды для того, чтобы наделить вещь, о которой он говорит, смыслом» [Гарфинкель, 2003, с. 7].

В последние годы в науке развивается такое направление, как автоматический анализ речи. Важным его ответвлением является анализ тональности текста как анализ эмоциональной оценки, выраженной автором в тексте. Тональность текста – это эмоционально окрашенная лексика и эмоциональная оценка, выраженная автором относительно чего-либо [Романов и др., 2018]. Это мнение может быть эмоциональным, оценивающим, оценочным, это может быть информация

о том, кто оценивает, и что оценивается [Cambria et al. 2017, p. 12]. Сама же тональность относится к собственно выражению положительного или отрицательного чувства, которое выражается в мнении [ibidem]. Анализ тональности текста позволяет определять отношение автора текста в отношении некоторой темы или в отношении всего сказанного в том или ином документе.

Для определения тональности текста учитывается три составляющих: субъект тональности; объект тональности; собственно тональная оценка. Под субъектом тональности подразумевается автор статьи (автор цитаты, прямой или косвенной речи], под объектом тональности – тот, о ком он высказывается, а под тональной оценкой – эмоциональное отношение автора к такому объекту. Сама тональная оценка как отношение к объекту может быть очень тонкой, но в целях анализа чаще всего используется три оценки – позитивная, негативная и нейтральная.

В анализе тональности текста достаточно широко принята теория К. Шерера, которая предлагает следующую классификацию: эмоции, настроение, межличностные отношения, отношения, личностные черты [Harrigan, Rosenthal, Scherer 2005].

Российский библиопсихолог Н. А. Рубакин (1862–1947) считал, что содержание текста следует рассматривать не только как совокупность семантических образований, но и как стимул для образования тех или иных проекций у воспринимающих текст читателей (типов читателей]. В контексте библиопсихологической теории им был сформулирован закон консонанса и диссонанса эмоций: «Печатное, рукописное и устное слово понимаются положительно или отрицательно в зависимости от того, какие эмоции преобладают в читателе или слушателе» [Рубакин, 1977, с. 120; Сорокин, 1985, с. 5–34].

Интересно, что более ста лет тому назад Н.А. Рубакин предполагал существование текстов с преобладающими разными «доминантами» автора [Рубакин, 1977, с. 187] в зависимости от того, какого рода переживания они могут вызвать [Там же, с. 173–174].

Эмоции в тексте

В наших работах [Белянин, 1988, 1996, 2000, 2006] подробно описаны такие эмоционально-смысловой доминанты как «светлая» (приятие), «тёмная» (гнев), «весёлые» (радость, страсть), «печальные» (печаль), «красивые» (предвосхищение).

Развивая идеи Н.А. Рубакина, мы разработали типологию художественных текстов по эмоционально-смысловой доминанте, которая описывает типы текстов («печальные», «весёлые», «тёмные», «светлые»,

«красивые») именно на основании той ведущей эмоции, которая заложена автором в текст, и которая проявляется на всех уровнях его организации (в фабуле, метафорах, выборе лексики, и даже в пунктуации – [Белянин, 1996]. По нашей гипотезе эти доминанты текста, которые основаны на «ведущей эмоции» автора, определяются личностными особенностями их авторов, которые могут быть не сведены, но возведены к некоторым акцентуациям характера [см. Белянин, 1996, 2000]. И Э. Геннекен [Геннекен, 1892], и Н.А. Рубакин полагали, что художественный текст обладает – говоря современным языком – тональностью, которая опознаётся читателем, который выбирает (или не выбирает] текст для чтения в том числе и на этой основе.

Известны высказывания учёных прошлого о том, что мысль совершается в слове. С одной стороны, «каждое слово обобщает» и «мысль посредством слова идеализируется и освобождается от подавляющего и раздробляющего ее влияния непосредственных чувственных восприятий» [Потебня, 1999]. С другой же стороны, слово сохраняет связь с мыслью, которая рождается в контексте представлений пишущего о предмете мышления. «Мысль можно было бы сравнить с нависшим облаком, которое проливается дождём слов… Сама мысль рождается ... из мотивирующей меры нашего сознания, которая охватывает наше влечение и потребности, наши интересы и побуждения, наши аффекты и эмоции. ... Если мы сравнили выше мысль с нависшим облаком, то мотивацию мысли мы должны были бы … уподобить ветру, приводящему в движение облака» [Выготский, 1983, Т. 5, с. 258].

Даже сама форма выражения этой мысли Л.С. Выготским показывает, что он ищет метафору для обозначения рождаемой мысли, находит её в природных условиях и этим пытается пояснить и объяснить своё понимание.

Путь от мысли к слову, тем самым идёт от реальности к её видению автором, к поиску языковых средств не столько отражения реальности, сколько выражения, своего понимания и нередко своего отношения к реальности. Для читателя же, промежуточный мир автора скрывается за реалистичностью вербального описания того, что он считает – извините за тавтологию – реальностью.

Если проводить психологический анализ процесса порождения текста, можно разбить эту задачу на три подзадачи: как эмоции закладываются в текст автором? Какие эмоции там выражены? Каковы возможные эмоциональные реакции читателей, что они чувствуют? [Репина, 2012; Gabrielsson, 2001].

Приведём ряд примеров, которые иллюстрируют наше представление о воплощении эмоции в тексте.

Возьмём пример из «тёмного» текста, в котором велик интерес к уровню физиологии человека: «*Поручик упал головой в воду. В маслянистом стекле расходились красные струйки из раздробленного черепа. <...>. Марютка шагнула вперед, нагнулась. С воплем рванула гимнастерку на груди, выронив винтовку. // В воде на розовой нити нерва колыхался выбитый из орбиты глаз. Синий, как море, шарик смотрел на неё недоуменно-жалостно*» (Б. Лавренев «Сорок первый»).

В том месте, где могло бы быть описано страдание девушки, вынужденной убить своего возлюбенного из-за того, что он принадлежал к классу врагов, дано физиологически натуралистическое описание убийства. Конечно, можно возразить, что именно так автор и усиливает воздействие.

Так, А.М. Пешковский ввёл понятие «общей образности», которая заключается в том, что все языковые единицы того или иного истинно художественного текста направлены на выражение конкретного художественного образа и поэтому являются строго эстетически и стилистически мотивированными, т.п. единственно возможными для выражения данной эстетической мысли [Пешковский, 1930].

Однако, «единственная возможность» – это явный детерменизм. Мир разнообразен, картин мира много, и неисчислимо много способов языкового отображения мира.

К примеру, вот как описывается смерть в «печальном» тексте: «*А через месяц после этого разговора казачий офицер, некрасивый и плебейского вида, не имевший ровно ничего общего с тем кругом, к которому принадлежала Оля Мещерская, застрелил её на платформе вокзала, среди большой толпы народа, только что прибывшей с поездом*» (И. Бунин, Лёгкое дыхание). Тут тоже есть трагедия, но она подана, по мнению Выготского, как «пошлость» (слово, которое он использует по разным поводам в «Психологии искусства» 7 раз – [Выготский, 1986, с. 284]), а в рамках «печального» текста как неизбежность смерти [Белянин, 2006, с. 147].

К построению модели порождения текста

Нам видится, что автор, «совершая в слове мысль», как бы имеет видение мира, которое и отбирает, и создаёт новые смыслы. Причём, смыслы эти и культурные, и языковые, но в них есть и глубинное психологическое (а порой и психиатрическое – [Белянин, 1996] личностное содержание (авторский смысл). Читатель же как бы имеет своё

право на интерпретацию, которая обусловлена многими факторами (раса, среда, конституция и мн.др.), но право его не произвольно, а возникает на пересечении авторского видения и его – читательского – понимания.

Модель порождения связного текста может выглядеть следующим образом. Автор, пребывает и наблюдает за действительностью, которая представляется в конкретных ситуациях. Владение языком позволяет автору описывать действительность многообразно в языковом и речевом плане. Даже если явления действительности не связаны между собой, то мышление автора может создавать некоторые схемы, модели, которые он принимает как обладающие объяснительной силой.

Художественный текст позволяет создавать вымышленные миры, где всё можно связать со всем. В сознании автора компоненты вымышленных миров связываются на основании его либо текущей, либо глубинной доминанты, которая начинает подчинять себе все элементы текста (доминанта подтверждает сама себя – [Ухтомский, 1966]).

Возникающая связность элементов предстаёт как целостный замысел (даже если текст абсурден) и «создаёт» текст, который предстаёт законченным произведением.

Читатель, опознавая через элементы языка фрагменты реальности или вымышленного мира, пытается воспроизводить связи между событиями текста и составить целостное представление о тексте. Текст обретает второе существование в своих многочисленных интерпретациях. Конечно, такая модель – это сознательное упрощение, но, нам представляется, оно вполне заслуживает существования и дальнейшего уточнения.

Литература

Бахтин М.М. Эстетика художественного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.

Белянин В.П. Психолингвистические аспекты художественного текста. М.: Изд-во Московского ун-та, 1988. 123 с.

Белянин В.П. Введение в психиатрическое литературоведение. Мюнхен: Verlag Otto Sagner, 1996. 298 с. URL: https://www.academia.edu/42825285 (дата обращения: 02.07.2026).

Белянин В.П. Основы психолингвистической диагностики. М., 2000. 248 с.

Белянин В.П. Психологическое литературоведение. Текст как отражение внутренних миров автора и читателя. М.: Генезис, 2006. 320 с.

Выготский Л.С. Основы дефектологии // Собрание сочинений в 6 т. Т. 5. М.: Педагогика, 1983. 368 с.

Выготский Л.С. Психология искусства. М. 1986.

Гарфинкель Г. Рациональные свойства научных и обыденных действий // Социологическое обозрение. 2003. Т. 3. № 3. С. 3–17.

Геннекен Э. Опыт построения научной критики (Эстопсихология). СПб., 1892. 119 с.

Пешковский А.М. Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики. Л., 1930.

Потебня А.А. Мысль и язык. М.: Издательство «Лабиринт», 1999.

Репина Е.А. Политический текст: психолингвистический анализ воздействия на электорат. М.: ИНФРА-М, 2012. 91 с.

Романов А.С., Куртукова А.В., Мещеряков Р.В., Васильева М.И. Анализ тональности текстов с использованием методов машинного обучения // Сб. трудов конф. «The II International Conference R. Piotrowski's Readings LE & AL'2017», 2018, с. 86–95.

Рубакин Н.А. Психология читателя и книги. М., 1977. 230 с.

Сорокин Ю.А. Психолингвистические проблемы восприятия и оценки текста // Сорокин Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения текста. М., 1985. 167 с.

Степанов Г. В. Цельность художественного образа и лингвистическое единство текста // Лингвистика текста. Ч. II. М., 1974.

Ухтомский А.А. Доминанта. М.; Л.: Наука, 1966.

Cambria E., Bandyopadhyay D., Feraco A. A Practical Guide to Sentiment Analysis. Springer. 2017 – 196 pp.

Gabrielsson A. Emotion perceived and emotion felt^ same or different? // Musicae Scientiae. Sept 1, 2001.

Harrigan J., Rosenthal R., Scherer K. The New Handbook of Methods in Nonverbal Behavior. New York, 2005. 536 p.

Sanders T., Sanders J. Text and Text Analysis // Concise Encyclopedia of Pragmatics. 2006, p.1075-1085.

References

Bakhtin M.M. Aesthetics of artistic creation. Moscow: Iskusstvo, 1979. 424 p.

Belyanin V.P. Psycholinguistic aspects of artistic text. Moscow: Publishing House of Moscow University, 1988. 123 p.

Belyanin V.P. Introduction to psychiatric literary criticism. Myunghyun: Verlag Otto Sagner, 1996. 298 c. URL: https://www.academia.edu/42825285 (access date – 2.07.2026).

Belyanin V.P. Fundamentals of psycholinguistic diagnostics. Moscow, 2000. 248 p.

Belyanin V.P. Psychological literary criticism. The text as a reflection of the inner worlds of the author and the reader. Moscow: Genesis, 2006. 320 p.

Vygotsky L.S. Fundamentals of defectology // Collected works in 6 volumes, vol. 5. Moscow: Pedagogika, 1983. 368 p.

Vygotsky L.S. Psychology of Art. Moscow, 1986.

Garfinkel G. Rational properties of scientific and everyday actions // Sociological review. Volume 3. No. 3. 2003, pp. 3-17.

Henneken E. The experience of building scientific criticism (Estopsychology). St. Petersburg, 1892. 119 p.

Peshkovsky A.M. Questions of the methodology of the native language, linguistics and stylistics. L., 1930.

Potebnya A.A. Thought and language. Moscow: Publishing house "Labyrinth", 1999.

Repina E.A. Political text: a psycholinguistic analysis of the impact on the electorate. Moscow: INFRA-M, 2012. 91 p.

Romanov A.S., Kurtukova A.V., Meshcheryakov R.V., Vasilyeva M.I. Text tonality analysis using machine learning methods // Proceedings of the Conference the II International Conference R. Piotrowski's Readings LE & AL'2017», 2018, pp. 86–95.

Rubakin N.A. Psychology of the reader and books. Moscow, 1977. 230 p.

Sorokin Yu.A. Psycholinguistic problems of perception and text evaluation // Sorokin Yu.A. Psycholinguistic aspects of the study of text. Moscow, 1985. 167 p.

Stepanov G. V. The integrity of the artistic image and the linguistic unity of the text // Linguistics of the text. Part II. Moscow, 1974.

Ukhtomsky A.A. Dominant. M.; L.: Nauka, 1966.

Cambria E., Bandyopadhyay D., Feraco A. A Practical Guide to Sentiment Analysis. Springer. 2017. 196 pp.

Gabrielsson A. Emotion perceived and emotion felt^ same or different? // Musicae Scientiae. Sept 1, 2001.

Harrigan J., Rosenthal R., Scherer K. The New Handbook of Methods in Nonverbal Behavior. New York, 2005. 536 p.

Sanders T., Sanders J. Text and Text Analysis // Concise Encyclopedia of Pragmatics. 2006, p.1075-1085.

Доктор филол. наук Л.В. Порохницкая, Ф.В. Варфоломеев (Москва)
lidie@list.ru; fvarfolomeev756@gmail.com

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТОНИМИЯ КАК ОСНОВА РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТКОРРЕКТНЫХ СТРАТЕГИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. В статье описываются ведущие метонимические модели эвфемизации, а также модели концептуального профилирования в романе К. Исигуро «Не покидай меня». Показано, что эвфемистические единицы, семантика которых моделируется на базе выявленного репертуара метонимических концептов, демонстрируют в контексте произведения высокий (маскировочный и смягчающий) эвфемистический потенциал, что позволяет этим единицам эффективно выполнять функцию эвфемистической замены прямых наименований ключевых табуированных понятий, сопряженных с действием законов политкорректного взаимодействия.

Ключевые слова: эвфемизм, метонимический концепт, концептуальная модель, эвфемистический потенциал, политкорректность, художественный дискурс.

Doctor of Philology L.V. Porokhnitskaya, F.V. Varfolomeev (Moscow)
lidie@list.ru ; fvarfolomeev756@gmail.com

CONCEPTUAL METONYMY AS A BASIS FOR THE IMPLEMENTATION OF POLITICALLY CORRECT STRATEGIES IN LITERARY DISCOURSE

Abstract. The following article describes the leading metonymic models of euphemisation, as well as the models of conceptual profiling in K. Ishiguro’s novel "Never Let Me Go." It is shown that euphemistic units, the semantics of which is modeled on the basis of the identified repertoire of metonymic concepts, demonstrate a high (masking and softening) euphemistic potential in the context of the novel, which allows these units to effectively substitute the direct names of key taboo concepts associated with the laws of political correctness.

Keywords: euphemism, metonymic concept, conceptual model, euphemistic potential, political correctness, literary discourse.

В лингвистической литературе неоднократно высказывалась мысль о том, что эвфемизм – это «коммуникативно-настраивающая тактика»

[Ковшова, 2007, с. 39], базовой функцией которой является функция смягчения. С другой стороны, одной из основных причин использования эвфемизмов является сокрытие правды, что можно считать своеобразным камнем преткновения в современной теории эвфемии. Так, В.П. Москвин пишет о необоснованности причисления к категории эвфемизмов языковых единиц, объединённых функцией тайноречия [Москвин, 2001]. В частности, речь идет о словах воровского жаргона, медицинских терминах и военных зашифровках.

В этой связи следует отметить, однако, что маскировочная функция эвфемизма во многих случаях может являться предпосылкой функции смягчения. Так, многие политкорректные номинации, плохо поддающиеся расшифровке на уровне референции (напр., *quantitative easing* – англ. *'увеличение денежной массы'*; букв. *'количественное смягчение'*), в институциональном дискурсе выступают в качестве более приемлемой альтернативы табуированному наименованию, так как благодаря диффузности семантики позволяют смягчить негативное воздействие поступающей информации [Порохницкая, 2014]. Таким образом, можно сказать, что такие единицы эффективно выполняют смягчающую функцию не в последнюю очередь благодаря своей высокой маскировочной способности.

Мы полагаем, что среди основных функций эвфемизмов в коммуникации можно назвать смягчение неприятных или пугающих явлений действительности; маскировку неудобного или пугающего, а также *face-saving tactics* (*'спасение'* своего *'лица',* лица собеседника или третьей стороны) [Порохницкая, 2014]. При этом важно подчеркнуть, что все эти функции в реальной прагматической ситуации могут реализовываться одновременно, хотя в большинстве случаев можно говорить о ведущей роли одной из них.

Изучение большого массива контекстных реализаций эвфемизмов дает представление о разной способности языковых единиц выполнять роль смягчающей/маскировочной альтернативы, другими словами, некоторые единиц могут казаться более «эвфемистичными», чем другие.

Для определения степени эвфемистичности единицы удобно оперировать термином «эвфемистический потенциал».

Эвфемистический потенциал – это комплексная характеристика, которая включает в себя способность «смягчать» наименование табуированного или неудобного для использования понятия, а также маскировать исходное понятие. Необходимо также учитывать круг прагматических ситуаций, в которых возможно использование данной

единицы. Речь может, в частности, идти о ситуациях формального/неформального общения, а также нейтральных по регистру ситуациях. Важно принимать во внимание также ролевые отношения коммуникантов, а также их гендерные и возрастные характеристики, «я-ты-он» грамматику общения, а также актуализацию концептуальной оппозиции «свой-чужой». Мы полагаем, что эвфемистический потенциал единицы – это многоаспектное явление, обусловленное как сугубо лингвистическими факторами, так и факторами экстралингвистического плана. Эвфемистический потенциал определяет диапазон спектра коммуникативных ситуаций, в которых конкретная единица может реализовывать свою маскировочную и /или смягчающую функцию, что обусловлено степенью ее декодируемости и тем, какое отношение к обозначаемому она передает. Проведенное исследование также позволило установить, что эвфемистический потенциал единицы может в определенной степени прогнозировать ее историческое развитие. При этом важно подчеркнуть, что причины, по которым языковые единицы, представляющиеся похожими как в семантическом, так и в морфологическом планах, в коммуникации демонстрируют разную степень эвфемистического потенциала, до недавнего времени, оставались неизученными [Порохницкая, 2014].

Анализ концептуального аспекта семантики разноструктурных эвфемистических единиц германских и романских языков позволил установить, что достаточно высоким эвфемистическим потенциалом в разных типах дискурса обладают единицы, семантика которых моделируется на базе простого, неусложненного концепта при условии выдвижения на первый план нейтральной идеи или идеи, положительно оцениваемой в анализируемой лингвокультуре [Порохницкая, 2014]. Во многих случаях в таких ситуациях мы имеем дело с метонимическими концептами.

Традиционно метонимия определяется как «троп или механизм речи, состоящий в регулярном или окказиональном переносе имени с одного класса объектов или единичного объекта на другой класс или отдельный предмет, ассоциируемый с данным по смежности, сопредельности, вовлечённости в одну ситуацию» [Ярцева, 1990, с. 300]. Дж. Лакофф и М. Джонсон подчеркивают, что метонимия, также как и метафора, является мощным когнитивным инструментом, с помощью которого строится познание мира человеком [Lakoff, Johnson, 1980, p. 37].

На современном этапе изучения роли метонимических концептов в семантике эвфемистических единиц следующие положения представляются нам основополагающими:

– функция концептуальной метонимии – это не только референциальная функция. Во многих случаях концептуальная метонимия обеспечивает понимание одного концепта посредством другого в рамках единого концептуального пространства.

– концептуальная метонимия – один из ведущих концептуальных механизмов формирования семантики как лексических, так и фразеологических эвфемистических единиц.

– концептуальная метонимия лежит в основе разных приемов эвфемизации (фонетических, морфологических и т.д.).

– концептуальная метонимия играет ведущую роль в моделировании семантики политкорректных эвфемистических единиц [Порохницкая, Теплякова, 2018].

Метонимические концепты[1], которые реализуются в ходе формирования семантики разноструктурных политкорректных единиц в германских и романских языках, представляют собой регулярные модели, две из которых можно считать наиболее продуктивными. В первом случае речь идет о реализации одного ведущего метонимического концепта в структуре концептуальной модели семантики политкорректой единицы (напр., *non traditionnel* – фр. *‘гомосексуальный»*; букв. *‘нетрадиционный’*; напр., в сочетании *couple non traditionnel* – букв. *‘нетрадиционная пара’*). Вторая модель представляет собой параллельную активизацию нескольких метонимических концептов, один из которых конкретизирует другой концепт. В рамках описанной модели возможно выделить два подвида. В первом случае параллельная реализация нескольких метонимических концептов позволяет вывести в фокус идею, максимально удаленную от табуированного понятия (напр., *personne à compétence alternative* – фр. *‘инвалид’*; букв. *‘человек с альтернативными возможностями’*). Представляется, что реализуемая эвфемистическая стратегия активно используется для маскировки табуированной сущности описываемого явления и, как следствие, смягчения воздействия информации на собеседника. Во втором случае (напр., *réfugié économique débouté du droit d’asile* – фр. *‘нелегальный иммигрант’*; букв. *‘экономический беженец*, *которому отказали в праве пребывать на*

[1] Мы трактуем термины «концептуальная метонимия» и «метонимический концепт» как синонимичные.

данной территории') речь идет об активизации ключевого метонимического концепта, в фокусе которого находятся положительные идеи легальности, престижа и т.д., которая сопровождается параллельной реализацией обобщенного метонимического концепта, включающего по инференции маскируемый табуированный концепт («ОТКАЗ В ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ОФИЦИАЛЬНОГО СТАТУСА БЕЖЕНЦА» VS «НЕЛЕГАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ»). Политкорректные единицы, конструируемые по описанной модели, не ставят цель полной маскировки табуированного представления. Смягчающий эффект таких многокомпонентных сочетаний, которые во многих случаях занимают промежуточное положение между прямой и вторичной номинацией, достигается за счет параллельной активизации нескольких метонимических концептов, что в свою очередь позволяет сместить акцент с табуированной сущности референта [Порохницкая, Теплякова, 2018].

Интересно, что в последние десятилетия можно наблюдать реализацию метонимической эвфемизации и в художественном дискурсе, главным образом на материале английского языка. В этом плане особенно показателен роман нобелевского лауреата Кадзуо Исигуро «Не отпускай меня» («Never Let Me Go»)., в котором поднимаются острые социальны темы, которые традиционно сопряжены с действием законов политкорректности (например, права личности (и, в частности, ребенка), свобода выбора и т.д.).

На современном этапе проведения исследования можно констатировать, что ключевые табуированные понятия, составляющие основную канву романа (клон, смерть, изъятие органов и др.), репрезентируются в тексте посредством эвфемистических единиц, семантика которых моделируется на основе метонимических концептов. Приведем некоторые примеры:

*"And I'm a Hailsham **student** – which is enough by itself sometimes to get people's backs up." («Ко всему я еще и **воспитанница** Хейшлема – одного этого хватает, чтобы на меня посмотрели косо») [Ishiguro, 2005, p. 3; Исигуро, 2020, с. 7];*

В приведенной цитате ***"student"*** – эвфемизм, использующийся в романе для обозначения клона-ребенка, «участника образовательного процесса», который в будущем станет донором органов.

"I can't remember if there were other children with us, or which **guardian** was in charge." («Не могу сейчас сказать, были ли в комнате другие дети и кто из **опекунов** вел занятие.») *[Ishiguro, 2005, p. 31; Исигуро, 2020, с. 67].*

*Здесь **“guardian”** является эвфемизмом, который обозначает сотрудников интерната, где содержались клоны-дети; воспитателей будущих доноров.*

“And why shouldn’t they? **Carers** aren’t machines. You try and do your best for every donor, but in the end, it wears you down.” («И правильно делают, по-моему. **Помощники** ведь не автоматы. С каждым донором стараешься изо всех сил, и под конец это может вымотать.») *[Ishiguro, 2005, p. 4; Исигуро, 2020, с. 7].*

*В этой цитате **“carers”** используется в качестве эвфемистической номинации клонов-сиделок, следящих за восстановлением клонов-доноров после операций и до их смерти.*

*“I’ve known donors to react in all sorts of ways to their **fourth donation**. Some want to talk about it all the time, endlessly and pointlessly. Others will only joke about it, while others refuse to discuss it at all.” («Реакция доноров на извещение о **четвертой** бывает самая разная. Некоторые говорят об этом и говорят, бесконечно и бестолково. Другие ограничиваются шуточками, третьи вообще не желают затрагивать эту тему.») [Ishiguro, 2005, p. 273; Исигуро, 2020, с. 613].*

*Здесь **“fourth donation”** эвфемистически обозначает четвертое изъятие органов после которого большинстве случаев наступает смерть (букв. донорство).*

“Ruth and I often found ourselves remembering these things a few years ago, when I was caring for her down at **the recovery centre** in Dover.” («Рут и я часто потом обсуждали это в **центре реабилитации** в Дувре, где я ей помогала») *[Ishiguro, 2005, p. 16; Исигуро, 2020, с. 34].*

*Здесь **“recovery centre”** – эвфемизм для прямого наименования места, где восстанавливались клоны после донорства органов и нанимались клоны-сиделки, сопровождающие их до смерти.*

Концептуальный анализ семантики эвфемистических единиц, используемых К. Исигуро в романе «Не отпускай меня», продемонстрировал высокую продуктивность концептуальной метонимии, которую можно считать ведущим механизмом эвфемизации в данном романе. Многие из отобранных языковых единиц не зафиксированы в лексикографических источниках в реализуемом эвфемистическом значении и используются в этой функции автором впервые. Высокий эвфемистический потенциал ключевых эвфемизмов романа обеспечивается прежде всего положительной идеей, которая находится в фокусе метонимических концептов, моделирующих их семантику. Выделенные метонимические концепты и их фокусы

характеризуются константной реализацией в тексте романа и могут считаться основополагающими концептуальными моделями эвфемизации в данном произведении (Рис. 1).

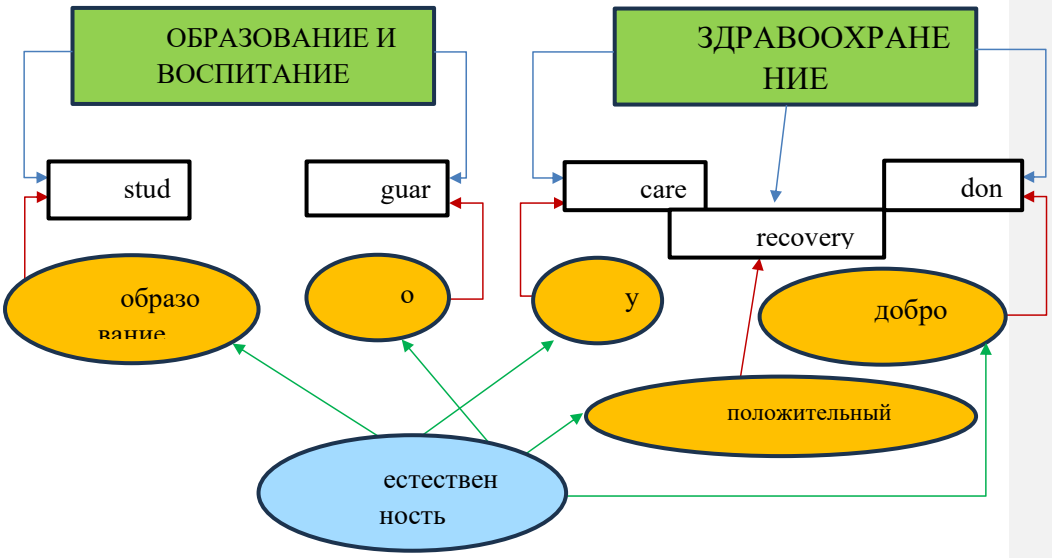

Рис. 1. Ведущие метонимические концепты и модели концептуального профилирования в романе К. Исигуро «Не покидай меня»

Подводя итог, надо отметить, что концептуальной основой эвфемизации в романе К. Исигуро в романе «Не отпускай меня» можно считать корреляцию двух ведущих метонимических моделей. Первая заключается в репрезентации целого концепта посредством апеллирования к одной из его частей (напр., репрезентация жизни ребенка-клона, которого с детства готовят к изъятию органов, что в конечном счете приводит к его смерти, через представление о его вовлеченности в хорошо организованный образовательный процесс). Вторая модель, менее продуктивная в контексте анализируемого романа, напротив, актуализирует представление об одной из частей концепта через целый концепт (напр., представление об учреждении, где содержат клонов между изъятиями органов, через призму стандартного реабилитационного центра). Важно подчеркнуть также, что обе модели эффективно выполняют функцию маскировки и, как следствие, смягчения ключевых табуированных понятий романа за счет достаточно обобщённого характера метонимических концептов и положительных идей, которые выводятся в фокус номинации.

Литература

Исигуро К. Не отпускай меня. Never let me go / пер. с англ. Л. Мотылева. М.: Эксмо, 2020. 640 с.

Ковшова М.Л. Семантика и прагматика эвфемизмов. Краткий тематический словарь современных эвфемизмов: монография. М.: Гнозис, 2007. 320 с.

Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская Энциклопедия, 1990. 683 с.

Москвин В.П. Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования // Вопросы языкознания. 2001. № 3. С. 58–70.

Порохницкая Л.В. Концептуальные основания эвфемии в языке (на материале английского, немецкого, французского, испанского и итальянского языков): дис. ... д-ра фил. наук. М., 2014. 413 с.

Порохницкая Л.В., Теплякова С.М. Концептуальная репрезентация политкорректного лексикона (на материале французского языка) // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 3 (92). С.107–114.

Ishiguro K. Never Let Me Go / Kazuo Ishiguro. London: Faber and Faber Limited, 2005. 282 p.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. / George Lakoff, Mark Johnson. The University of Chicago Press, 1980. 242 p.

References

Ishiguro K. Don't let me go. Never let me go / Kazuo Ishiguro; translated from English by L. Motylev. Moscow: Eksmo, 2020. 640 p.

Kovshova M.L. Semantics and pragmatics of euphemisms. A short thematic dictionary of modern euphemisms: monograph. Moscow: Gnosis, 2007. 320 p.

Linguistic encyclopedia / Gl. ed. by V. N. Yartsev. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1990. 683 p.

Moskvin, V.P. Euphemisms: system connections, functions and methods of education // Questions of linguistics. No. 3. Moscow: Nauka Publ., 2001. pp. 58–70.

Porokhnitskaya L.V. Conceptual foundations of euphemism in language (based on the material of English, German, French, Spanish and Italian languages): dissertation of the Doctor of Philology. Moscow, 2014. 413 p.

Porokhnitskaya L.V., Teplyakova S.M. Conceptual representation of a politically correct lexicon (based on the French language). // Bulletin of the Russian Foundation for Basic Research. Humanities and social sciences. 2018. No. 3 (92). pp.107-114.

Ishiguro K. Never Let Me Go / Kazuo Ishiguro. London: Faber and Faber Limited, 2005. 282 p.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. / George Lakoff, Mark Johnson. The University of Chicago Press, 1980. 242 p.

Канд. филол. наук М.Г. Луннова, студ. А.А. Зацепина (Пенза)
lunnovamg@mail.ru ; *nastazacepina73@gmail.com*

МЕТАФОРА В ТВОРЧЕСТВЕ ПЕНЗЕНСКИХ ПОЭТОВ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация. Статья посвящена анализу метафоры как лексического средства выразительности в творчестве пензенских поэтов – Ларисы Яшиной, Матрёны Смирновой, Валерия Сухова и Геннадия Горланова, сопоставлению этого тропа в творчестве поэтов-женщин и поэтов-мужчин.

Ключевые слова: Лариса Яшина, Матрёна Смирнова, Валерий Сухов, Геннадий Горланов, пензенские поэты, метафора, скрытое сравнение.

Candidate of Philology M.G. Lunnova, stud. A.A. Zatsepina (Penza)
lunnovamg@mail.ru; *nastazacepina73@gmail.com*

METAPHOR IN THE WORKS OF PENZA POETS: GENDER ASPECT

Abstract. This article analyzes metaphor as a lexical means of expression in the works of Penza poets Larisa Yashina, Matryona Smirnova, Valery Sukhov, and Gennady Gorlanov, and compares this trope in the works of female and male poets.

Keywords: Larisa Yashina, Matryona Smirnova, Valery Sukhov, Gennady Gorlanov, Penza poets, metaphor, implicit comparison.

Выразительная сила метафоры поясняется переносом названий между объектами реального мира, обоснованным или сходством, или контрастами. Метафора бытует в литературе, являясь распространённым художественным тропом.

Метафора – скрытое образное сравнение, уподобление одного предмета, явления другому [Ожегов, 1988, с. 282].

Именно через это выразительное средство наиболее полно раскрывается индивидуальный стиль автора, его способ видения мира. В этом смысле изучение творчества пензенских поэтов представляет особый интерес.

Каждый из поэтов представляет собой самобытное явление в литературной жизни Пензенского края, а их поэтический язык даёт богатый материал для изучения как общих закономерностей образования тропов, так и индивидуальных авторских приемов.

Проанализировав случаи употребления метафоры пензенскими поэтами в своих произведениях, мы обнаружили гендерные особенности в их построении и употреблении.

Для женских метафор характерны тактильность и уют с акцентом на мягкости, тепле, что тесно связано с доминирующими образами одежды, дома и природы. Такие метафоры тяготеют к домашней, бытовой сфере – сравнениям с предметами обихода и природными процессами, а их эмоциональный тон окрашен нежностью, усталостью и созерцанием, нередко с оттенком упадка. Масштаб остаётся личным, бытовым, с успокаивающей интонацией.

Эти черты ярко проявляются в поэзии Ларисы Яшиной. В её стихотворении «Поздняя весна» метафора *«лугам бы зеленеть щетиной острою побегов»* [Лариса Яшина], где молодые побеги травы уподобляются щетине, создавая ощущение плотности, остроты и новизны ростков. В стихотворении «Какая осень» ночная атмосфера августа сравнивается с мягкой, лёгкой шалью, которая окутывает плечи (*«И легкой шалью ночи августа ко мне на плечи опускались»* [Лариса Яшина]), рождая ощущение нежного прикосновения и успокаивающего воздействия. В «Сонете» творческий процесс уподобляется созреванию плода (*«Зреет, зреет мой сонет»* [Лариса Яшина]): работа над стихотворением представляется как естественный процесс, который постепенно созревает и скоро будет готов к восприятию. В «Признании» деревня сравнивается со старой лошадью (*«Моя деревенька старой клячей под ветхой дугой»* [Лариса Яшина]), подчёркивается упадок, изнеможение, деревня несёт свою ношу из последних сил. В стихотворении «Пониманье красоты» счастье уподобляется математической формуле (*«Счастья формула проста»* [Лариса Яшина]), предстает как нечто, имеющее чёткую структуру и алгоритм, словно его можно вычислить. Наконец, в «Актрисе» развёрнута целая система метафор: «Жизнь – пьеса» [Лариса Яшина] (предопределённость событий, сценарий), «Жизнь – это сцена» [Лариса Яшина] (постоянное выступление, необходимость самопоказа) и «преодолеть стену из никому не нужных ссор» [Лариса Яшина], где конфликты сравниваются со стеной, создающей серьёзное препятствие на пути к взаимопониманию.

Сходные черты обнаруживаются и у Матрёны Смирновой. В стихотворении «Тропиночка» тропинка уподобляется ленте (*«Тропиночка заветная вдоль речки вьется лентой»* [Смирнова, 1979, с. 29]) – длинной и гибкой полосе, что подчёркивает плавность, извилистость, визуальную лёгкость и изящество. В стихотворении «Пройдись по пензенскому краю» густые хлеба сравниваются со стеной (*«Хлеба над Мокшей и Сурою стоят высокою стеной»* [Смирнова, 1979, с. 10]), передавая масштабность посевов, их высоту, создавая образ надёжной преграды из колосьев. В стихотворении «Если сердцу будет грустно» лирический герой говорит: *«В синем небе вместо люстры вспыхнуть звёздочкам велю»* [Смирнова, 1979, с. 30] – звёзды уподобляются люстре, светильникам на ночном небе, которые можно включить по желанию. А в «Метели» сугробы сравниваются с горами (*«Горы снега у каждых ворот»* [Смирнова, 1979, с. 19]), подчёркивая большой объём и внушительную высоту выпавшего снега.

В мужских метафорах на первый план выходят активность, движение, внезапность, часто с агрессивной или борющейся динамикой. Доминируют образы борьбы, религии и стихии, а эмоциональный тон задаётся напором, игрой. Важное место занимают сакральные и символические образы, а также неожиданная игровая, детская легкость с иронией и уменьшением масштаба. Эти особенности наглядно воплощены в творчестве Геннадия Горланова. В стихотворении «Ночью в духов день» ветерок уподобляется взмаху крыльев птицы (*«Ветерок вспорхнул с речной мели»* [Поэты Пензенской области]): движение воздуха предстаёт как одушевлённое существо, способное вспорхнуть, что подчёркивает лёгкость, внезапность и живость дуновения. В «Малой Родине» извилистая тропинка сравнивается со змеёй (*«Змейкою вьётся тропинка»* [Горланов, 2023, с. 329]), акцентируя её изгибы, повороты и таинственность, а образ малой родины предстаёт в виде женщины в простой юбке (*«Малая Родина в юбочке простенькой»* [Горланов, 2023, с. 329]), подчёркивая скромность, близость, домашнее тепло. В «Совершенстве бытия» поведение муравьёв уподобляется выпасу скота (*«Муравьишки паслись в лопухах»* [Горланов, 2023, с. 14]), создавая забавный образ: крошечные насекомые ведут себя как крупные животные, а лопухи превращаются в пастбище. В «Явлении истины» форма изогнутой брови сравнивается с подковой (*«Подковой выгнув бровь»* [Горланов, 2023, с. 17]), подчёркивая её чёткую выразительную дугу.

Ещё более ярко мужская метафорическая система раскрывается у Валерия Сухова. В «Декабрьском реквиеме» красные ягоды рябины подобны крови на белом снегу (*«Кровь рябин на снегу рассеяна»* [Сухов. 2023]), создавая контраст и интенсивность цвета; прожилки на коре берёзы или тонкие ветви уподобляются венам человека (*«Голубые вены берёз»* [Сухов. 2023]), рождая образ хрупкого живого дерева; а Млечный Путь

предстаёт как верёвка, а месяц – как живое существо с горлом, которое эта верёвка охватывает (*«И верёвкою Млечный Путь горло месяца захлестнул»* [Сухов. 2023]), создавая ощущение борьбы или пленения. В стихотворении «Храм» листья уподоблены глазам («Листья – очи» [Сухов. 2023]), наделяясь способностью смотреть на мир. В стихотворении «Золото и синь» берёзы, клёны и осины предстают как иконы в обрамлении синего неба (*«Берёзы, клёны и осины – иконы в обрамленье синем»* [Сухов. 2023]), воспринимаясь носителями высшей гармонии и красоты. В «Лесной схиме» жёлуди уподоблены чёткам (*«Перебирая чётки желудей»* [Сухов. 2023]), а лист осины сравнивается с панагией – нагрудным знаком православных епископов («Листок осины – чем не панагия?» [Сухов. 2023]), что подчёркивает духовную связь с природой, спокойствие и почти религиозное отношение к лесу. В «Татарнике» красные ягоды рябины горят как прощальная свеча (*«Прощальной свечою рябина горит*» [Сухов. 2023]), символ памяти и последнего свечения. В «Осени» блестящие капли на траве сравниваются с серебром («Трава покрылась серебром» [Сухов. 2023]), в стихотворении «Колесо» яркое свечение заката уподобляется пламени костра (*«Зарёю полыхнёт костёр заката»* [Сухов. 2023]), а вращение Земли – движению колеса от самоката (*«Закрутится под нами шар земной весёлым колесом от самоката»* [Сухов. 2023]), создавая ощущение беззаботности, радости и лёгкости бытия.

Таким образом, гендерная специфика проявляется в самом способе чувствования и мышления. Женская метафора мягкая, домашняя, созерцательная, а мужская – активная, сакральная и игровая. Обе традиции дополняют друг друга, создавая объёмную картину пензенского края – то уютно-домашнего, то эпически-сакрального, то озорного. Каждый поэт, обращаясь к вечным темам, мастерски использует метафору, чтобы создать яркие, запоминающиеся и глубокие образы. Именно это богатство и составляет подлинную ценность произведений пензенских поэтов.

Литература

Горланов Г. Е. Зову друзей к стихам погреться: стихи. Пенза: Изд-во ПГУ, 2023. 400 с.

Лариса Яшина. Стихи. ру. URL: https://stihi.ru/avtor/liya41 (дата обращения: 25.03.2026).

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1988. 750 с.

Поэты Пензенской области: главные поэты края и их стихи. URL: https://pishi-stihi.ru/poety-penzenskoj-oblasti.html?ysclid=mnq47l4jox874243561 (дата обращения: 04.04.2026).

Смирнова М. П. Наша сторона. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1979. 32 с.

Сухов В. А. Золото и синь: стихи // ЛИТЕRRA / Территория литературы и искусства. 2023. № 6. URL: https://literra.online/publications/authors/valeriy-suhov/zoloto-i-sin-stihi (дата обращения: 04.04.2026).

References

Gorlanov G. E. I'm calling my friends to warm up with poetry: poems. Penza: PGU Publishing House, 2023. 400 p.

Larisa Yashina. Poems. Ru. URL: https://stihi.ru/avtor/liya41 (accessed on 25.03.2026).

Ozhegov S.I. Explanatory Dictionary of the Russian Language / edited by N.Yu. Shvedova. Moscow: Russian Language, 1988. 750 p.

Poets of the Penza Region: the main poets of the region and their poems. URL: https://pishi-stihi.ru/poety-penzenskoj-oblasti.html?ysclid=mnq47l4jox874243561 (accessed: 04.04.2026).

Smirnova M. P. Our Side. Saratov: Privolzhskoye Knizhnoye Izdatelstvo, 1979. 32 p.

Sukhov V. A. GOLD AND BLUE. Poems // Electronic journal LITERRA / Territory of Literature and Art. 2023. No. 6. URL: https://literra.online/publications/authors/valeriy-suhov/zoloto-i-sin-stihi

Канд. филол. наук О.Г. Мукина (Ульяновск)
mukina_o@mail.ru

СИНЕСТЕЗИЯ КАК ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПРИЁМ В ПОЭЗИИ 1960–70-Х ГОДОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА Б. АХМАДУЛИНОЙ, Н. МАТВЕЕВОЙ И М. ИСАКОВСКОГО)

Аннотация. В статье рассматривается феномен синестезии как лингвостилистического приёма в русской поэзии второй половины XX века. На материале стихотворений Беллы Ахмадулиной, Новеллы Матвеевой и Михаила Исаковского анализируются различные модели межчувственных соответствий, выявляются доминирующие типы синестетических переносов и их роль в создании художественного образа. Особое внимание уделяется индивидуальным особенностям использования синестезии в идиостилях каждого из поэтов.

Ключевые слова: синестезия, художественный приём, поэзия 1960-70-х годов, межчувственные соответствия.

Candidate of Philology O.G. Mukina (Ulyanovsk)
mukina_o@mail.ru

SYNESTHESIA AS AN ARTISTIC DEVICE IN POETRY OF THE 1960S AND 1970S (BASED ON THE WORKS OF B. AKHMADULINA, N. MATVEEVA AND M. ISAKOVSKY)

Abstract. The article examines the phenomenon of synesthesia as a linguostylistic device in Russian poetry of the second half of the 20th century. Based on poems by Bella Akhmadulina, Novella Matveeva, and Mikhail Isakovsky, various models of cross-sensory correspondences are analyzed, the dominant types of synesthetic transfers and their role in creating artistic imagery are identified. Special attention is paid to the individual features of using synesthesia in the idiostyles of each poet.

Keywords: synesthesia, artistic device, poetry of the 1960s–70s, cross-sensory correspondences.

Синестезия как феномен межчувственного восприятия традиционно привлекает внимание исследователей различных областей гуманитарного знания – от психологии до теории искусства. В литературоведении и лингвистике под синестезией понимается «выражения, раскрывающие межчувственные соответствия (например, теплый или холодный цвет, яркий голос), которые трактуются как синестетическая метафора» [Арутюнова, 1979, с. 87]. Как художественный приём синестезия позволяет автору «выйти за границы моносенсорного восприятия, создавая образы, в которых скрещиваются два или более чувственных образа» [Мукина, 2019, с.126].

Особый интерес представляет использование синестезии в поэзии 1960-1970-х годов – периода, который принято называть «оттепелью» и временем бурного развития авторской песни, эстрадной поэзии и неоавангардных экспериментов. Наш интерес к данному этапу продиктован тем, что именно в эту эпоху синестетические конструкции приобретают новое звучание, становясь не просто стилистическим украшением, но способом познания мира и выражения сложных эмоциональных состояний.

В данной статье рассматривается специфика использования синестезии в творчестве ярких представителей данного периода, чьи

идиостили существенно различаются: Беллы Ахмадулиной, Новеллы Матвеевой и Михаила Исаковского. Такой подход позволяет выявить как общие закономерности функционирования синестетических конструкций в поэзии указанного периода, так и индивидуальные особенности каждого автора.

Поэзия Беллы Ахмадулиной представляет собой один из наиболее ярких примеров использования синестезии в русской лирике второй половины XX века. Исследователи единодушно отмечают, что поэзия Ахмадулиной «отличается повышенной эмоциональностью, тонкостью мирочувствования и связанной с ними синестезией, которая является неотъемлемым компонентом художественного мышления поэтессы» [Галкина, 2018, с. 50].

У поэтессы синестезия служит утончению образа, созданию эфемерной, «пастельной» реальности. Она переводит конкретные ощущения в разряд утонченной интеллектуальной игры. Звук у нее часто приобретает вкус: «Я школу Гнесиных люблю, / когда бела ее ограда / и *сладкозвучную* ладью / колышут волны снегопада» [Ахмадулина, 1983, т.1, с. 37], а зрение – осязание: «Лиловой гроздью виснет сумрак. / Вот стул – капризник и чудак. / Художник мой портрет рисует / и *смотрит остро*, как чужак» [Ахмадулина, 1983, т.1, с. 62]. Также её *х*арактерным приемом является перенос из области «эмоции – слух»: «*Печальный звук* воздымлен на устах залива: /– Все тревожишь, все неволишь. / Что мне они! Хоть ты меня оставь. / Мое уединенье – мое лишь» [Ахмадулина, 1983, т. 2, с. 132].

Частое совмещение тактильного и слухового кодов создает ощущение повышенной одушевленности материального мира, типичное для эстетики «оттепели», где частная жизнь души важнее идеологических догм.

Особого внимания заслуживает использование Б. Ахмадулиной синестезии для передачи эмоциональных состояний. В её стихах «голос» часто получает не только слуховые, но и визуальные, осязательные характеристики. Голос может быть «звонким», «проникновенным», «печальным», «как мускус», что создаёт объёмный, многосенсорный образ: «*Печальный звук* воздымлен на устах / залива: – Все тревожишь, все неволишь. / Что мне они! Хоть ты меня оставь / Мое уединенье – мое лишь» [Ахмадулина, 1983, т. 2, с. 132].

Новелла Матвеева является поэтессой, чьё творчество органично соединяет поэзию и музыку – «многогранный талант и способность свободно соединять поэзию с прозой, драматургией и песней делают творчество Матвеевой ярким примером синтеза разных форм искусства»

[История русской литературы XX века, 1998, с. 269]. Именно этот синкретизм во многом определяет особенности использования синестезии в её стихах.

В своей поэзии Н. Матвеева создаёт яркие примеры синестезии, где зрительное восприятие и слуховое соединяются в единый образ: «Береза – в рисунке полос, полотенец, подковок, / Как *голос серебряный*, сорванный несколько раз;/ Не будь этих черных – на белом стволе – остановок, / Совсем бы она улетела, пропала из глаз...» [Матвеева, 1986, т.1, с. 233].

Также в её стихотворениях встречаются образы, где звуковые характеристики приписываются зрительным или осязательным явлениям: *«тёплый шорох»*, *«звенящая тишина»* и т.п. Такие конструкции позволяют создать эффект напряжённости, обострённого восприятия реальности: «Темнеет; / Кольца плавятся на пне.../ *Шум* сосен *сух*, как *теплый шорох* шлака... / Между стволами, в розовом огне, / Танцуют мошки, словно крошки мрака» [Матвеева, 1986, т.1, с. 60].

Как отмечают исследователи, для Н. Матвеевой характерно «единоборство стихии и разума в душе человека» [История русской литературы XX века, 1998, с. 269]. Синестезия в этом контексте становится способом передачи этого единоборства через соединение рационального (цвет, форма) и иррационального (звук, аромат) начал.

Михаил Исаковский занимает особое место среди поэтов 1960-70-х годов. Его поэзия, в отличие от творчества Ахмадулиной и Матвеевой, не отличается изощрённой метафоричностью. Как справедливо отмечают исследователи, «по своей форме и языку поэзия Исаковского отличается ясностью, народностью. Ему чужды сложные метафоры и сравнения, изощренные ритмы и размеры» [История русской литературы XX века, 1998, с. 132]. Однако это не означает отсутствия синестезии в его стихах – скорее, речь идёт о совершенно ином типе синестетических конструкций. Поэт использует синестезию как средство создания эмоционального настроения, органично вписывая межчувственные соответствия в народно-песенную традицию. Его синестезия – это способ выражения народной души, где эмоции и звук естественно соединяются в едином эмоциональном потоке: «Плывут над седою ее головой / Оркестр *печальные звуки.../* Быть может, впервые узнали покой / Ее работящие руки» [Исаковский, 1968, т.2, с. 288].

Исаковский очень талантливо создаёт характерный для него синестетический образ, где вкус соединяется со слуховыми образами: «Безмолвно она на меня посмотрела / И, *горько вздыхая*, ушла» [Исаковский, 1968, т.2, с. 105].

Также Исаковский использует синестезию для создания образа военной тоски: «Невольно родятся в соседстве таком / И *терпкая грусть*, и глухое томленье... / Четыре затяжки сухим табаком / И можно идти в наступление» [Исаковский, 1968, т.2, с. 253]. В данном примере вкусовой образ (терпкая) соединяется с эмоциональным (грусть).

Отметим, что, по нашему мнению, общим для всех трёх поэтов является использование синестезии как средства создания многомерного художественного образа, в котором одно явление раскрывается через восприятие разными органами чувств. Однако если у Б. Ахмадулиной и Н. Матвеевой синестезия носит преимущественно интеллектуальный, метафорический характер, то у М. Исаковского она органично вписана в народно-песенную традицию и служит прежде всего эмоциональным целям.

Подводя итог нашему весьма краткому обзору, подчеркнем, что синестезия как художественный приём в поэзии 1960-70-х годов представляет собой многообразное явление, которое по-разному проявляется в творчестве отдельных поэтов. Анализ стихотворений Беллы Ахмадулиной, Новеллы Матвеевой и Михаила Исаковского показывает, что синестезия выполняет в их поэзии различные функции: от создания сложных метафорических образов до выражения народно-песенного мироощущения.

Также отметим, что художники слова использует синестезию как инструмент создания сложных, многослойных метафор, в которых одно чувственное восприятие перетекает в другое, создавая эффект тотальной чувственной насыщенности. Это свидетельствует о том, что в поэзии 1960-70-х годов синестезия перестаёт быть просто стилистическим приёмом и становится способом организации художественного мира, в котором все явления взаимосвязаны и могут быть описаны через любую сенсорную модальность.

В качестве итога подчеркнём, что широкое применение синестезии в поэзии данного периода продиктовано не столько стремлением обогатить стих, а сколько особенностями мышления и восприятия окружающего мира самим автором.

Литература

Арутюнова Н.Д. Языковая метафора // Лингвистика и поэтика. М.: АН СССР Ин-т рус. яз., 1979. 173 с.

Ахмадулина Б. А. Собрание сочинений: в 3 т. М.: ПАН: Корона-Принт, 1997.

Галкина Н.С. Синестезия в поэтическом тексте: механизмы и функции // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2018. № 4. С. 45–52.

Исаковский М.В. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Худож. лит., 1968.

История русской литературы XX века (20–90-е годы): Основные имена. М.: Издательство Московского университета, 1998. 480 с.

Матвеева Н.Н. Собрание стихотворений. М.: Молодая гвардия, 1987.

Мукина О.Г. Антропоцентрический подход к изучению синестезии в русской поэзии // Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты: материалы XIX международной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения В.И. Кодухова; отв. ред. А.В. Пузырёв. 2019. С. 125–127.

References

Arutyunova N.D. Language metaphor//Linguistics and poetics. M.: Academy of Sciences of the USSR In-t Russian, 1979. 173 p.

Akhmadulina B. A. Collected works: in 3 volumes/B. A. Akhmadulina. M.: PAN: Crown Print, 1997.

Galkina N.S. Synesthesia in a poetic text: mechanisms and functions//Bulletin of Moscow State University. Ser. 9. Philology. 2018. № 4. Pp. 45–52.

Isakovsky M.V. Collected works: in 4 volumes/M.V. Isakovsky. M.: Art. lit., 1968.

History of Russian literature of the XX century (20-90s): Main names. M.: Moscow University Publishing House, 1998. 480 p.

Matveeva N.N. Collection of poems / N.N. Matveeva. M.: Young Guard, 1987.

Mukina O.G. Anthropocentric approach to the study of synesthesia in Russian poetry//Language and thinking: psychological and linguistic aspects. Materials of the XIX international scientific conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of V.I. Kodukhov; resp. editor A.V. Puzyrev. 2019. Pp. 125–127.

Доктор филол. наук Г.Г. Хисамова, канд. филол. наук И.Г. Кульсарина (Уфа)
galiya.khisamova@yandex.ru; kulsarina-bgu@yandex.ru

«ДИАЛОГ КУЛЬТУР» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ: ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. Художественный текст используется в дидактических целях и в практике преподавания русского языка, и в практике преподавания русского языка как неродного и как иностранного.

Повышенное внимание при этом уделяется проблеме отражения в языке национально-культурной семантике. Особая роль принадлежит лингвокультурологическому анализу. Сопоставительное описание реалий культуры, лексики с национально-культурным компонентом позволит усвоить национально-культурную специфику языковых средств, поможет создать когнитивную базу, необходимую для общения, что будет способствовать совершенствованию обучения русскому языку.

Ключевые слова: художественный текст, диалог культур, лингвокультурологический анализ, национально-культурная семантика, диалог, тюркизмы-регионализмы.

Doctor of Philologycal Science G.G. Khisamova,
Candidate of Philology I.G. Kulsarina (Ufa)
galiya.khisamova@yandex.ru ; kulsarina-bgu@yandex.ru

«DIALOGUE OF CULTURES» IN THE FIXTION TEXT: LINGUO-DIDACTIC ASPECT

Abstract: The fiction text is used for didactic purposes and in the practice of teaching Russian language and in the practice of teaching Russian language as foreign language and as natire language.

The special attention is analysed to the problem of reflecting national and cultural semantics in the language. The special role belongs to linguoculturalological analysis. The comparative description at the realities of culture, vocabulary with national and cultural component will allow us to assimilate the national and cultural specifics of linguistic mens, it will help create the cognitive basis necessary for communication, wich will help improve the teaching of Russian language.

Keywords: fictin text, dialogue of cultures, linguoculturelogical analysis, national and cultural semantics, dialogue, turkism-regionalism.

Художественный текст обладает мощным лингводидактическим потенциалом: смысловое восприятие средств языкового выражения, языковая рефлексия над ними не только дает читателю определенные знания, но и учит тому, каким образом получить новые, помогает изучающему язык освоится в новом языковом пространстве. Без чтения художественной литературы не может быть полноценного овладения языком. На материале художественного текста решаются различные учебные задачи – от практических речевых до формирования навыков комплексного филологического анализа художественного произведения.

Для методики преподавания русского языка, а также русского языка как неродного и русского языка как иностранного характерно повышенное внимание к проблеме отражения в языке национально-культурной семантики. Особая роль в этом принадлежит лингвокультурологическому анализу [Саяхова, 2014; Хайруллина, 2016]. Задача лингвокультурологического анализа текста – показать, как в тексте отражается лингвокультурная ситуация, каково его общее культурное содержание и ценностные ориентиры. Культурный смысл текста проявляется в его тематике, в композиции (сюжет, фабула, персонажи) и в заглавии, поэтому на лексико-фразеологическом уровне выявляются единицы с национально-культурной семантикой (безэквивалентная лексика, фоновая и коннотативная лексика; фразеологизмы; афоризмы, крылатые выражения; прецедентные тексты; изобразительно-выразительные средства) и сопоставляются с фактами родного языка и культуры, кроме того, выделяется общее и национально-специфическое в языковых единицах.

При изучении русскими и иностранными учащимися текстов художественной прозы, в которых отражаются культура и быт тюркского народа, его обычаи и традиции, этические нормы, особенности образного мышления, особая роль отводится тюркизмам-регионализмам [Хисамоваа, Махмутова, Усманов, 2020, с. 623–629].

Русские писатели, в творчестве которых нашли отражение башкирские мотивы, умело использовали региональную лексику башкирского происхождения.

Так, С.Т. Аксаков включает в текст тюркизмы при описании природы Башкирии, для создания реалистической картины быта башкир и других народов, издавна населяющих этот край: *«Обильною жатвой награждается ленивый и невежественный труд пахаря, кое-как и кое-где всковырявшего жалкою сохою или неуклюжим сабаном, твою плодоносную почву! … Уже поспел живительный кумыс. закис в кобыльих турсуках. и все, кто может пить, от грудного младенца до дряхлого старика, пьют допьяна целительный, благодатный, богатырский напиток. После этого исчезают недуги голодной зимы и даже старости...»; «Прекрасен ты, чудесный край, свежи, зелены и могучи*

стоят твои раздольные леса, и рои диких пчёл шумно населяют рукотворные борти твои, занося их душистым липовым мёдом...» («Семейная хроника»*).*

У П.П. Бажова безэквивалентная региональная лексика вводится в текст сказов, где используются мотивы и образы башкирского фольклора: *«Здравствуй, Айлып! ...Не возьмёшь ли меня замуж? – А какой, – спрашивает, – за тебя калым, платить?»; «... Дорогу примечать стал: где лесину затешет, где на камне свою тамгу выбьет, где ещё какой знак поставит» («*Золотой волос»*).* Региональная лексика в уральских сказах помогла Бажову более полно охарактеризовать рассказчика – старого бывалого горщика (от его имени ведётся повествование), передать своеобразие горнозаводской речи, в которой было немало заимствований из башкирского языка*: «Кому в это вникать не доводилось, тому – что бор, что парма, что урман, что тайга – всё лес, а на деле разница есть... Урман от тайги большую отличку имеет. По урману не то что пешему, а и конному пробираться просто, там всегда прогалы есть... Ну а тайга – лес слошняком. Через такой не скоро продерёшься»* («Дорогой земли виток»).

Национально окрашенная (безэквивалентная региональная, а также фоновая) лексика органично вписывается в современную русскоязычную прозу и поэзию Башкортостана, широко и разнообразно представлена в переводах с башкирского языка на русский.

Сюда относятся наименования мифических, сказочных существ: *«аждаха», «шайтан», «ен», «юха», «шурале», «пери», «див», «тулпа»; людей по разным признакам: «батыр», «шакирд», «бай», «аяксы», «турэ», «сэсэн», «аксакал», «джигит», «мулла», «имам»;* предметов домашнего обихода: *«тамга», «аркан», «комган», «хике», «камчы», «тырма», «умарта», «тюбетейка», «чекмень», «палас», «казан», «бурек», «камзул», «башлык»;* кушаний и напитков: *«эремсек», «корот», «каймак», «бишбармак», «хурпа», «холма», «курмас», «улюш», «куллама», «тукмас», «кумыс», «катык», «бэлеш», «катык», «юаса», «шербет», «баурсак», «табикмак», «кыстыбый»; построек: «мечеть», «минарет», «медресе»;* музыкальных инструментов: *«курай», «кубыз», «донгор», «думбыра», «дыбыла»;* праздников, обрядов и обычаев: *«курбан-байрам», «ураза-байрам», «сабантуй», «каргатуй», «йыйын», «свадебные, родинные и погребальные обряды»;* религиозная лексика: *«ураза», «сура», «никах», «иншалла», «валлахи», «кяфыр», «минара», «мунажат», «азан», «муэдзин», «улемтек»* и многие другие.

Многочисленны термины родства, которые используются в речевом этикете башкир, например: «*атай*», «*эткэй*» (отец), «*картатай*», «*олатай*», «*зурэтэй*», «*бабай*» (дедушка) «*эсей*», «*инэй*», «*эней*», «*эни*», «*энкэй*» (мать), «*картэсэй*», «*зурнэй*», «*инэкэй*» (бабушка), «*абый*», «*абзый*» (дядя), «*апа*», «*тутей*» (сестра), «*кызым*» (дочь), «*улым*» (сын),

«*кейэу*» (зять), «*килен*» (невестка), «*енгэ*» (жена брата, дяди), «*бей анна*» (свекровь), «*бей ата*» (свёкор), «*кэйнеш*» (младший брат жены), «*балдыз*» (младшая сестра жены) и т.п.

Не обладая экспрессивной окраской, тюркизмы-регионализмы придают тексту особую выразительность, выполняют наряду с номинативной и художественно-эстетическую функцию.

Национальная лексика участвует в образовании метафор и сравнений: «Месяц изогнутым медным кумганом / Цедит прохладу небес по плечам...» (А. Филиппов); «*Издали лагерь геологов напоминал небольшое стойбище кочевников. На синем фоне гор белели палатки, похожие на юрты, покрытые кошмой. Неподалёку от палаток, как на яйлау, паслись кони» (А. Бикчентаев); «Между ними, будто девушки в объятиях джигитов, ... замерли в белых с чёрными узорами платьях берёзы, осины, чьи зелёные зиляны начали уже выцветать» (Н. Мусин).*

Для создания в русском тексте специфической образности используется и фоновая лексика, связанная с жизненным укладом башкирского народа (кочевой образ жизни, скотоводство, бортничество): «Мой Закир ... долго жил там. Больше родного аула любил он, мой жеребёночек, этот город...» (З. Биишева); «*Сижу в одиночестве и обливаюсь слезами, точно верблюдица, разлучённая с верблюжонком!» (Х. Давлетшина); «Солнце поднялось на длину аркана» (Н. Мусин); «Недаром со всей округи самые бойкие джигиты возле нашего аула, как осы вокруг колоды с мёдом, вьются» (М. Карим); «Луна – как улей - на небе встаёт,/А звёзды - в установленном порядке / Со всей вселенной собирая мёд, / Снуя, жужжа, в тот улей носят взятки» (М. Карим).*

Национальный колорит художественного произведения создаётся также при помощи специальной этикетной лексики («*ассалям агалейкум*», «*хуш*», «*рахим. итегез*») и междометий (*«*ай-хай*», «*гы*», «*абау*»), традиционных формул корана (*«*иншалла*», «*бисмилла*», «*астагфирулла*»), передачей на русском языке башкирских пословиц и поговорок: «Едва башкир становится турэ, сразу вешает лапти в переднем углу», «Кумыс хорош пенистый, а совет – уместный», «Мужчина родится в юрте, а сражается в поле»; типичных оборотов речи, приветствий, пожеланий:* «*Слава аллаху, пусть пошлёт он тебе сыновей для продолжения рода! – привычным приветствием ответил Хаким»* (Я. Хамматов); «*Асылбика встретила невестку со всеми полагающимися почестями: – Лёгкой ногой войди в дом!»* (Г. Ибрагимов); терминов восточного летоисчисления (год дракона, год зайца и т.п.).

Отражение национальной специфики (быта, обычаев, самосознания, мировоззрения) путем использования в русской литературе и в русскоязычных художественных текстах разнообразных пластов лексики (историзмов, архаизмов, экзотизмов и др.) создает ту неповторимую

картину, которая позволяет учащимся наслаждаться художественным произведением, понимать его.

Уровень сопоставительного анализа текстов разных культур в аспекте «диалога культур» предусматривает анализ содержания текста, его структурной организации, лингвокультурологических концептов, языковых и изобразительно-выразительных художественных средств. Сопоставительное описание реалий культуры, лексики с национально-культурным компонентом в русском и родном языках и культурах позволит усвоить национально-культурную специфику языковых средств, поможет создать когнитивную базу, необходимую для общения, что будет способствовать совершенствованию обучения не только русскому, но и родному языку, предупреждая межкультурную интерференцию.

Литература

Саяхова Л.Г. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация. Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. 138 с.

Хайруллина Р.Х. Лингвокультурологический анализ художественного текста: монография. Уфа: Диалог; 2016. 117с.

Хисамова Г.Г., Махмутова А.С., Усманов Р.Ш. Речевая культура билингвальной личности в поликультурном образовательном пространстве // Вестник Башкирского университета. Т. 25. 2020. № 3. С. 623–629.

References

Sajahova L.G. Lingvokulturologiya i mejkulturnaya kommunikaciya. Ufa: RIC BashGU, 2014. 138 s.

Hairullina R.Kh. Lingvokulturologicheskii analiz hudojestvennogo teksta: monografiya. Ufa: Dialog, 2016. 117 s.

Khisamova G.G., Makhmutova A.S., Usmanov R.Sh. Rechevaya kultutra bilingvalnoi lichnosti v polikulturnom obrazovatelnom prostranstve // Vestnik Bashkirskogo universiteta. T. 25. 2020. № 3. S. 623–629.

Канд. филол. наук В. Шетэля (Москва)
szetela@mail.ru

СЛУХОВЫЕ ОЩУЩЕНИЯ В ТЕКСТЕ РОМАНА Г. СЕНКЕВИЧА «ОГНЕМ И МЕЧОМ» В ИХ ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Аннотация. Созданный Генриком Сенкевичем роман «Огнем и мечом», впрочем, как и другие романы этой исторической трилогии –

«Потоп» и «Пан Володыёвский», полон образов, в которых при помощи лексический средств выражения, создаются, между прочим, слуховые ощущения, которые испытывает читатель, когда, читая, например, о быстром галопе всадников, состояния природы, шуме деревьев «слышит» и «видит» эти движения. Автор пользуется часто самыми простыми выражениями, которые часто являются «общими» и для польского и русского языков, а которые в сочетаниях с другими единицами создают звуковые образы. Важным является выделение в подлинном авторском тексте такого набора слов и сравнение их с фрагментами текста, переведенного на русский язык. Важен ответ на вопрос: во-первых, не теряются ли данные слуховые ощущения в переводе, а во-вторых, одинаково ли подобные слуховые ощущения воспринимаются польским читателем при чтении текста на родном языке и русским читателем при знакомстве с переводом.

Ключевые слова: авторский замысел, намерение; дискурс; единица выражения; перевод; слуховое ощущение; читатель

Cand. philol. sciences V. Shetel (Moscow)
szetela@mail.ru

AUDITORY SENSATIONS IN THE TEXT OF G. SENKEVICH'S NOVEL "WITH FIRE AND SWORD" IN THEIR TRANSLATION INTO RUSSIAN

Abstract. Henryk Sienkiewicz's novel "With Fire and Sword" (“Ognem i mechom”) like the other novels in this historical trilogy – "The Deluge" (“Potop”) and "Pan Wołodyjowski" – is full of imagery that uses lexical expression to create, among other things, auditory sensations experienced by the reader when, for example, reading about the rapid gallop of horsemen, the state of nature, or the rustling of trees, he or she "hears" and "sees" these movements. The author frequently uses the simplest expressions, which are often "common" to both Polish and Russian, and which, when combined with other units, create auditory images. It is important to identify such a set of words in the original author's text and compare them with fragments of the text translated into Russian. The answer to the question is important: firstly, are these auditory sensations lost in translation, and secondly, are these auditory sensations perceived in the same way by a Polish reader when reading a text in their native language and by a Russian reader when reading a translation.

Keywords: author's intent, intention; discourse; unit of expression; translation; auditory sensation; reader

Роман «Огнем и мечом» Генрика Сенкевича, фоном сюжета для которого являются исторические события во времена восстания Хмельницкого, всегда вызывал у российского читателей, а также у литературоведов и переводчиков большой интерес как с точки зрения содержания произведения, так и в плане языковом.

Этот роман, начало действия которого датируется 1647 г., и от которого начинается трилогия Г. Сенкевича, состоящая, кроме того, из романов «Потоп» и «Пан Володыёвский», дает возможность показать, как при помощи языковых средств выражения создаются слуховые ощущения, которые испытывает читатель, когда читает о быстром передвижении конников, физическом передвижении персонажей, состояние природы, журчания ручья и т.д.

Что это за слова, которые использует автор для воссоздания подобных звуковых ощущении?

Основной перечень подобных слов указан В.К. Харченко, которая провела исследования языка пяти органов чувств [Харченко, 2012, с. 33–39].

Здесь мы остановились только на словах и выражениях слуха в проекции на художественный дискурс, в части, относящейся к переводческому делу в пространстве польского и русского языков.

Перевод романа польского писателя на русский язык безусловно расширит список В.К. Харченко и может быть выявит какие-то новые возможности и процессы в группе наименовании, относящимся к языковой передаче слышимости.

Отметим, что часто данная лексика является «общей» для польского и русского языка, но она иногда обладает своей особой спецификой в тексте исторического романа, созданного на польском языке с элементами языка XVII века. На этом языке создан текст, а этом языке ведет дискурс шляхта – главный персонаж романа.

Авторская стилизация под язык этой эпохи придает выражениям, являющимся материалом для создания слуховых образов, особую художественную роль, которая может быть незамеченной переводчиков и не всегда понятной читателю другой (славянской), хотя и близкой, языковой культуры.

Впрочем, отбор выражении для создания слуховых ощущении и других образов, может не всегда быть понятна польскому читателю времени публикации романа (варшавская газета «Слово» с 2 мая 1883 г. по 1 марта 1884 г.), а и нашему современнику. Ведь не случайно тогда в

конце XIX века отдельно создавались поясняющие словари к текстам «Трилогии».

Что мы «слышим», когда при чтении натыкаемся на слова, воссоздающие звуковые ощущения, см. следующий фрагмент текста и его перевод на русский язык: «Okolica zdawała się być zupełnie pustynią. Ciszę przerywały tylko uderzenia kopyt końskich i wołanie jednego z dwóch jadących na przedzie jeźdźców» [Sienkiewicz, 1960, s. 6]. См. перевод этого места: «Окрестность выглядела совершенною пустыней. Тишину нарушали только удары копыт да восклицания одного из передовых всадников» [Сенкевич, 2019, с. 447].

Мы прямо видим пустынную местность, в которой отчетливо слышен топот конских копыт и голоса всадников.

Именно, этот топот и восклицание в пустынном месте и эхо от них создают эти звуковые образы.

Топот конских копыт неоднократно повторяется в этом и в других разделах романа. См.: «Rozmowa urwała się, słychać było tylko uderzenie kopyt o kamienie i jakieś głosy dochodzące od strony rzeki, podobne do sykania koników polnych. Bohun nie zwrócił najmniejszej uwagi na owe głosy» [Sienkiewicz, 1960, s. 7] – «Разговор оборвался, слышно было цоканье копыт по камням, да какие-то звуки доносились со стороны реки, словно там кузнечики стрекотали. Богун даже ухом не повел» [Сенкевич, 2019, с. 449].

Отметим здесь не только звуки от конских копыт**: uderzenie kopyt o kamienie** (в дословном переводе – **удары копыт о камни**), а в художественном переводе **цоканье копыт по камням**, что нам очень по душе, а целую группы слов, обустраивающих слуховые ощущения.

Для этого, во-первых, автор употребил глагол в инфинитиве **słychać było** – **слышно было**; местоимение + **głosy – звуки: jakieś głosy** – **какие-то звуки** (напоминающие стрекотание кузнечиков). В дословном нашем переводе польского высказывания: **Богун ни малейшего внимания не обратил на эти голоса**, а также **Богун даже ухом не повел** (что нам более по душе) в полной мере усиливают слуховой образ.

Неоднократное обращение к образу звуков от конских копыт возможно и влияет на восприятие текста, а также, возможно, усиливает звуковые ощущения.

Автором дана нам возможность прочитать-услышать, как эти слуховые ощущения удаляются вместе с отъезжающими казаками.

См.: «Głosy i tętent oddalały się i cichły coraz bardziej» [Sienkiewicz, 1960, s. 37] – «Голоса и конский топот все более отдалялись и затихли» [Сенкевич, 2019, с. 472].

Здесь видно замирание повествовательного действия (**oddalały się** – **отдалились**) и затухание слуховых восприятии от голосов и конского топота.

В заключение попытаемся проиллюстрировать примером из текста Г. Сенкевича «Огнем и мечом» такой слуховой феномен, как «семантика молчания».

В.К. Харченко в этом вопросе ссылается на диссертацию С.В. Меликяна «Речевой акт молчания в структуре общения» [Харченко, 2012, с. 34, 205], название которой говорит сам за себя.

Такая словная иллюстрация в романе Г. Сенкевича имеется, см.: «[Bohun] i sam nie wiedział co ze sobą robić. Co chwila otwierał usta, by rozpocząć rozmowę i słowa nie chciały mu wychodzić z gardła» [Sienkiewicz, 1960, s. 34] – «[Богун] и сам не знал, что с собою делать. Всякую минуту открывал рот, намереваясь завести разговор, но слова застревали в горле» [Сенкевич, 2019, с. 469].

Это и есть «речевой акт молчания». Мы слышим и понимаем душевные муки – душевный крик влюбленного персонажа.

Повествование у Сенкевича в многих случаях, а мы бы сказали, что все время, строится на звуковых ощущениях.

Природные явления описаны в том же звуковом ключе, но при помощи других средств выражения: **posępny, złowrogi świst – мрачный, зловещий свист; ciężkie westchnienia – тяжкие вздохи**; **śmiechy, płacze i kwilenia dzieci** – **смех, рыдания, детский плач и жалобные стоны** и другие.

Эти звуковые ощущения воспринимает не только читатель, а и сами персонажи произведения.

А также автор как будто обращается и к опыту самого читателя, который мог испытать подобное в непогоду.

См.: «lekki powiew zmienił się w prawdziwy wicher, który począł oblatywać wzgórze z jakimś posępnym, złowrogim świstem i wówczas mołojcom wydawało się, że ... odzywają się jakieś ciężkie westchnienia, jakby wychodzące z ugniecionych piersi, jakieś żałosna jęki, jakieś śmiechy, płacze i kwilenia dzieci» [Sienkiewicz, 1960, s. 10-11] – «легкий до сих пор ветерок превратился в настоящий вихрь, который с мрачным, зловещим свистом пронесся над изгорьем, и почудилось молодцам, будто послышались …

словно вырывающиеся из сгнетенных грудей тяжкие вздохи, смех, рыдания, детский плач и жалобные стоны» [Сенкевич, 2019, с. 451].

Таким образом, отметим, во-первых, добросовестность работы переводчика, что позволило, во-вторых, попытаться показать, как один из органов чувств – слух, возможно реализовать в художественном произведении в двух языковых вариантах, польском и русском. И все же, подозреваем, что не все тонкости колорита образов были вполне переданы в переводе, поскольку, как нам известно из личных наблюдении, роман «Огнем и мечом» воспринимается российскому читателю как чисто приключенческое повествование. Таким образом, не всегда читателю очевидна глубина языковых и культурных пластов, из которых складывается роман, а которые более понятны уже из школьных уроков по польской литературе польскому молодому читателю.

Литература

Сенкевич Г. Огнем и мечом: роман / пер. с польского А. Эппеля, К. Старосельской. М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2019. 896 с.

Харченко В.К. Лингвосенсорика: Фундаментальные и прикладные аспекты. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 216 с.

Sienkiewicz H. Ogniem i mieczem. Powieść. Warszawa: PIW, 1960. T. II. 519 s.

References

Senkevich G. With fire and sword: novel/per. From Polish A. Eppel, K. Staroselskaya. M.: Foreigner, ABC-Atticus, 2019. 896 p.

Kharchenko V.K. Linguosensorika: Fundamental and applied aspects. M.: LIBROKOM Book House, 2012. 216 pp.

Sienkiewicz H. Ogniem i mieczem. Powieść. Warszawa: PIW, 1960. T. II. 519 s.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Альвредат Зейд (SPIN-код: 6253-3353), магистр лингвистики, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет (С.-Петербург). E-mail: *zalwredat@yandex.com*

Артыкбаева Фазила Илмаркызы (SPIN-код: 3878-6990), кандидат филологических наук, доктор философии (PhD), заведующая кафедрой английского языка филологического факультета АО «Университет имени Жумабека Ахметулы Ташенева» (Шымкент, Казахстан). E-mail: *artykbaieva.fazila@mail.ru*

Ахраменко Петр Евгеньевич, кандидат филологических наук, доцент (SPIN-код: 7726-4848, AuthorID: 1255517), доцент кафедры специальной педагогики и методик дошкольного и начального образования факультета дошкольного и начального образования УО МГПУ им. И.П. Шамякина (Мозырь, Беларусь). E-mail: *piter2105@yandex.ru*

Батурина Людмила Ивановна (SPIN-код: 2489-1503), кандидат филологических наук, доцент, доцент Российского технологического университет МИРЭА, РАНХиГС (Москва). E-mail: *Baturina_l@yahoo.com*

Белянин Валерий Павлович (SPIN-код: 7214-3302), доктор филологических наук, кандидат психологических наук. Профессор по кафедре психолингвистики. Психотерапевт, частная практика в онлайне (Москва). Независимый исследователь. E-mail: *psyling@gmail.com*

Беседина Елена Ивановна (SPIN-код: 4636-0332), кандидат филологических наук, доцент, доцент Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета (С.-Петербург). Email: *elivbesedina@mail.ru*

Бобрышева Елена Владимировна (AuthorID: 671832), кандидат экономических наук, доцент ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», филиал в г. Черняховске, Калининградской области (Черняховск). E-mail: *evmoiseenko@gmail.com*

Варфоломеев Федор Витальевич (SPIN код: 9908-5723). Преподаватель английского языка кафедры лексикологии английского

языка в Московском государственном лингвистическом университете (Москва). E-mail: fvarfolomeev756@gmail.com

Гагаев Павел Александрович (ORCID: 0000-0001-8904-420X; SPIN-код: 8018-7213), доктор педагогических наук, профессор. Профессор кафедры педагогики и психологии Пензенского государственного университета (Пенза). E-mail: *gagaevp@mail.ru*

Дмитрюк Наталья Васильевна (SPIN-код: 2930-7749), доктор филологических наук, профессор. Профессор кафедры русского языка Южно-Казахстанского педагогического университета имени У. Жанибекова (Шымкент, Казахстан). E-mail: *nvdmitr@yandex.ru*

Зацепина Анастасия Андреевна, студентка 2 курса историко-филологического факультета Педагогического института имени В.Г. Белинского Пензенского государственного университета (Пенза). E-mail: *nastazacepina73@gmail.com*

Зеленкова Татьяна Владимировна (SPIN-код: 4335-7695), кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии и дефектологии ГОУ ВО МО «Государственный гуманитарно-технологический университет» (Орехово-Зуево). E-mail: *tzelenk@mail.ru*

Кабанкова Софья Денисовна, студентка Государственного гуманитарно-технологического университета (Орехово-Зуево). E-mail: *kabankovasonya@mail.ru*

Козлов Владимир Васильевич (SPIN-код: 8040-5163), доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной и политической психологии Факультета психологии ЯрГУ им. П.Г.Демидова (Ярославль). E-mail: *kozlov@zi-kozlov.ru*

Копченова Елена Евгеньевна (SPIN-код: 5029-6166), кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры педагогики начального и дошкольного образования ГОУ ВО МО «Государственный гуманитарно-технологический университет» (Орехово-Зуево). E-mail: *eek_psy@mail.ru*

Корниенко Александр Фёдорович (SPIN-код: 2390-6990), кандидат психологических наук, доцент, доцент факультета педагогики и

психологии АНО ВО «Академияи социального образования» (Казань). E-mail: *korniaf@inbox.ru*

Кузьмич Ирина Васильевна (SPIN-код: 9595-5992), кандидат филологических наук, доцент, доцент Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета (С.-Петербург). Email: *irinakuzmich@inbox.ru*

Луннова Марина Геннадьевна (SPIN-код: 5901-7530), кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» Педагогического института имени В.Г. Белинского Пензенского государственного университета (Пенза, Россия). E-mail: *lunnovamg@mail.ru*

Мукина Ольга Геннадьевна (SPIN-код: 4784-7031, AuthorID: 807255), кандидат филологических наук, доцент кафедры дошкольного, начального образования и методик преподавания общеобразовательных дисциплин ФГБОУ ВПО «Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова» (Ульяновск). E-mail: *mukina_o@mail.ru*

Мухаммад Людмила Петровна (SPIN-код: 8717-2663), доктор педагогических наук, профессор, профессор Московского государственного лингвистического университета (Москва). E-mail: ludmilamuh@yandex.ru

Мягкова Елена Юрьевна (SPIN-код: 8988-5382), доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка, перевода и французской филологии Тверского государственного университета (Тверь). E-mail: *elenamyagkova@mail.ru*

Нафикова Сулпан Рамилевна (SPIN-код: 2133-0500), кандидат филологических наук, научный сотрудник Ордена Знак Почета Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН (Уфа). E-mail: *sulpan_bgu@mail.ru*

Никитина Елена Сергеевна (SPIN-код: 9565-1834), кандидат филологических наук, доцент. Доцент кафедры журналистики, рекламы и PR Московской финансово-юридической академии (Москва). E-mail: *m1253076@yandex.ru*

Осьмушина Анастасия Андреевна (SPIN-код: 6038-1012; eLIBRARY ID: 30441649), кандидат философских наук, доцент кафедры английского языка для профессиональной коммуникации ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева» (Саранск). E-mail: *98761985@mail.ru*

Порохницкая Лидия Васильевна (SPIN-код: 6151-9345), доктор филологических наук, профессор кафедры лексикологии английского языка Московского государственного лингвистического университета (Москва, Россия). E-mail: *lidie@list.ru*

Прищепа Максим Михайлович (SPIN-код: 7625-5280, AuthorID: 1194561), преподаватель кафедры германской филологии факультета гуманитаристики и языковых коммуникаций Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (Витебск, Беларусь). E-mail: *maksimpr2002@gmail.com*

Прямухина Светлана Александровна (SPIN-код: 6634-8160), кандидат филологических наук, заведующая кафедрой гуманитарных и психолого-педагогических дисциплин Покровского филиала Московского педагогического государственного университета (Покров). E-mail: *sveta-pr@bk.ru*

Пузырев Александр Владимирович (SPIN-код: 9939-4064), доктор филологических наук, профессор, кандидат психологических наук. Профессор кафедры гуманитарных и психолого-педагогических дисциплин Покровского филиала Московского педагогического государственного университета (Покров). E-mail: *puzyrev-a-v@yandex.ru*

Рафикова Гульемеш Мирсаитовна, аспирант кафедры сопоставительного языкознания и экскурсоведения Уфимского университета науки и технологий (Уфа). E-mail: *gklysova@yandex.ru*

Соколова Вера Леонидовна (SPIN-код: 6940-8254), кандидат филологических наук, доцент. Доцент Московского государственного лингвистического университета (Москва). E-mail: *sokolova_mglu@mail.ru*

Тихонова София Александровна, лаборант-исследователь Центра СоциоКогнитивных Исследований Дискурса «СКоДис», магистрант Института гуманитарных и прикладных наук ФГБОУ ВО МГЛУ (Москва). E-mail: *sophiatikhonova@mail.ru*

Хисамова Галия Гильмулловна (SPIN-код: 9133-6564), доктор филологических наук, доцент. Профессор кафедры сопоставительного языкознания и экскурсоведения Башкирского государственного университета (Уфа). E-mail: *galiya.khisamova@yandex.ru*

Шабанова Кристина Антоновна, магистрант Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета (С.-Петербург). Email: *kristik11.02@mail.ru*

Шетэля Виктор (AuthorID: 779663). Кандидат филологических наук, доцент. Доцент Дирекции образовательных программ Московского городского педагогического университета (Москва). Email: *szetela@mail.ru*

Шмелькова Вера Викторовна (SPIN-код: 6212-6658), доктор филологических наук, доцент. Профессор Пензенского государственного университета (Пенза). E-mail: *vshmelkova@rambler.ru*

Юе Юйтай, аспирант Педагогического института имени В.Г. Белинского Пензенского государственного университета (Пенза / Китай). E-mail: *yue1041241764@gmail.com*

Научное издание

Язык и мышление:
психологические и лингвистические аспекты

Материалы XXVI Международной научной конференции,
посвящённой Году единства народов России
и 90-летию со дня рождения проф. Ю. А. Сорокина

г. Покров, 16–17 сентября 2026 г.

Под общей редакцией профессора А. В. Пузырева

Электронное издание сетевого распространения

Ответственный редактор *А. В. Пузырёв*
e-mail: puzyrev-a-v@yandex.ru

Электронный набор *А. В. Владимиров*
Компьютерная вёрстка *А. В. Владимиров*
Обложка *В.Г. Удовенко*

Статьи печатаются в авторской редакции

Авторы несут ответственность за оригинальность и достоверность приведенных фактических материалов, корректность цитирования и правильность указания источников

Московский педагогический государственный университет (МПГУ).
119435, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1.

Подписано к публикации: 21.10.2026.
Усл. п. л. 15,20. Заказ 1923.

Минимальные системные требования: браузер Microsoft Internet Explorer, версия от 6.x (рекомендуемая IE 7); браузер Mozilla Firefox, версия от 3.0; браузер Google Chrome, версия от 3.0.195; браузер Safari, версия от 3.0. Минимальное подключение 33,6 Кбит/с. Рекомендуемое подключение от ADSL 128 кбит/с.

ISBN 978-5-4263-1733-8

